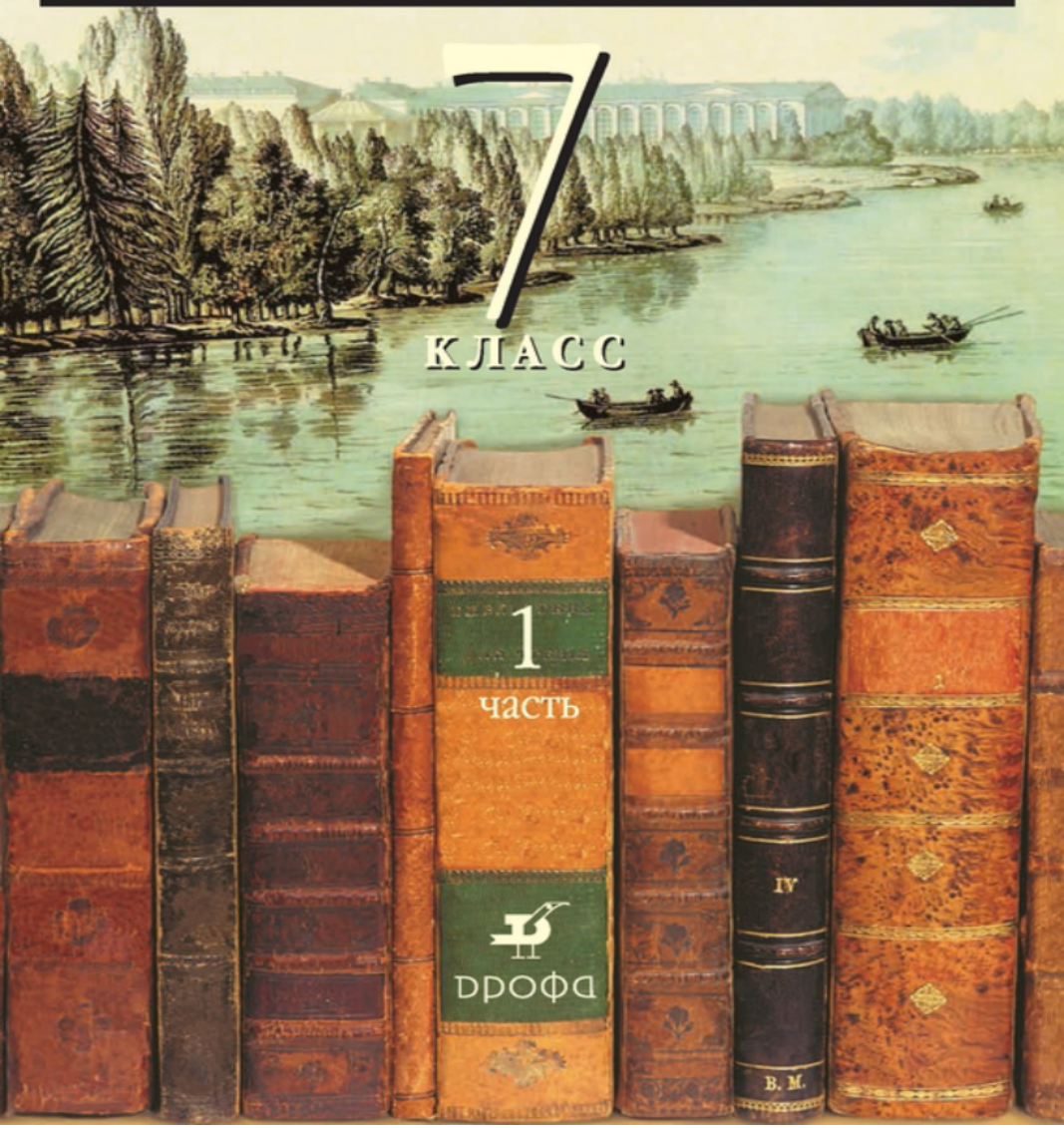
УЧЕБНИК – ХРЕСТОМАТИЯ

ЛИТЕРАТУРА

7 КЛАСС



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Учебник входит в комплект книг для 5—9 классов, обеспечивающий преподавание по авторской программе литературного образования. В него также входят книги для чтения «Книжная полка».

В основу концепции литературного образования положено изучение литературы как вида искусства, постижение литературного произведения в единстве содержания и формы, выявление национального своеобразия русской литературы.

Учебник-хрестоматия предназначен для образовательных учреждений с углубленным изучением литературы.

- Литература. 7 класс
  - Друг мой!
  - Первый урок мастерства
    - Изображение в литературе человека и окружающего его мира
    - Николай Степанович Гумилев
  - Второй урок мастерства
    - Писатель и время
    - Мир и человек в зарубежной литературе
    - «Открытие» мира и человека в литературе эпохи Возрождения
      -
      - Мигель де Сервантес Сааведра
        -
        - Лиценциат[29] Видриера
    - Изображение человека в литературе европейского классицизма XVII века
      -
      - Жан Батист Мольер
        -
        - Брак поневоле
    - Читательская лаборатория
    - Изображение человека в литературе европейского Просвещения
      -
      - Даниель Дефо
    - Читательская лаборатория
    - Изображение в литературе противоречивости человеческого характера
      -

- Вашингтон Ирвинг
  -
  - Легенда об арабском астрологе
- Иосиф Христиан фон Цейдлиц[77]

- Героический характер в литературе
  -
  - Джек Лондон
    -
    - Мексиканец
  - Роберт Шекли
    -
    - Запах мысли

- Третий урок мастерства
  - Мир и человек в русской литературе
  - Мир и человек в средневековой русской литературе
    -
    - Повесть о Шемякином суде
    - Стрельцы и крестьянин
  - Мир и человек в русской литературе XVIII–XIX веков
    -
    - Иван Новиков
      -
      - О двух ворах и попе, одержимом подагрою[100]
    - Александр Александрович Бестужев-Марлинский
      -
      - Вечер на бивуаке[110]
    - Орест Михайлович Сомов
      -
      - Русалка
    - Александр Сергеевич Пушкин
      -
      - Цыганы
    - Александр Сергеевич Пушкин
      -
      - Барышня-крестьянка
    - Александр Сергеевич Пушкин

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

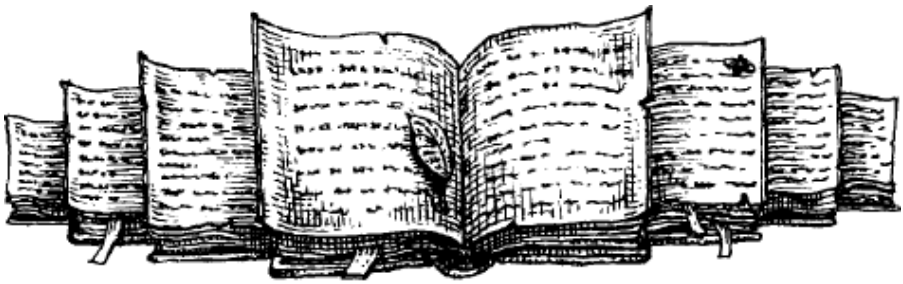
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91

- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135

- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171

Литература. 7 класс
Учебник-хрестоматия для школ с углубленным изучением литературы. Часть 1
(Под редакцией М. Б. Ладыгина)

Друг мой!



Знаете ли вы, сколько существует на свете книг? Клянусь вам, их даже больше, чем островов и подводных рифов в океанах. Ни один самый смелый капитан не поведет свой корабль в плавание, если не будет знать о всех островах, мелях и рифах на своем пути. Представьте себе большой порт: одни корабли причаливают, другие отплывают, третьи стоят под погрузкой или разгрузкой, а между ними снуют портовые буксиры, катера и лодки. И вот, чтобы капитан смог провести свой корабль к причалу в этом хаосе больших и малых судов, ему присылают из порта лоцмана, человека, знающего и расположение причалов, и особенности работы этого порта, и график движения судов. Даже самому опытному капитану необходим лоцман в незнакомом порту.

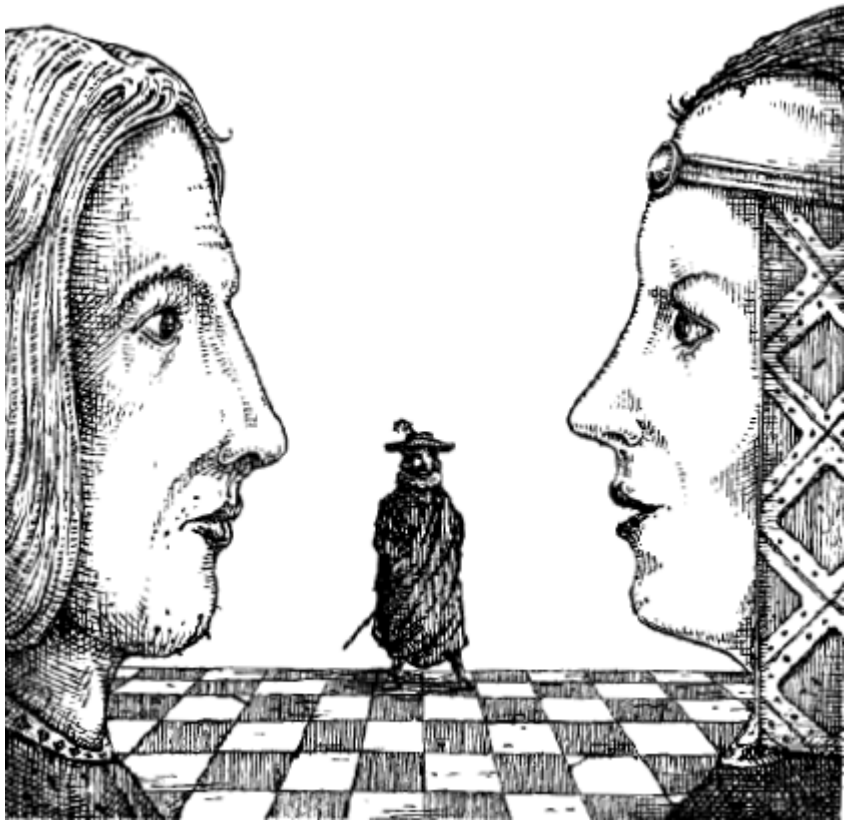
Вы уже поняли, почему я сравнил книги с островами в океане? Да, да! В огромном море книг нелегко разобраться и высокообразованному человеку. Не случайно с древних времен существует множество профессий, помогающих людям ориентироваться в океане человеческой мудрости. Это и литературоведы, изучающие законы литературы как вида искусства, и библиографы, которые собирают и систематизируют сведения о книгах, и библиотекари, кто хранит и выдает книги, и мы, библиофилы, любители и собиратели книг.

Если вы не возражаете, я стану вашим лоцманом и помогу вам научиться читать и выбирать книги. Вы, как мне известно, уже имеете представление о магии слова. Я постараюсь расширить ваши познания. Каждая книга содержит в себе какую-нибудь тайну. Но нет на свете таких тайн, которые не смог бы раскрыть пытливый ум. Важно лишь правильно подойти к делу.

Вы уже познакомились с волшебством слова. Смею думать, что вы теперь не просто ученик, но в какой-то степени мастер, поэтому наши уроки станут теперь уроками мастерства. Ведь не только для того, чтобы писать, но и для того, чтобы прочесть книгу, раскрыв ее тайны, надо быть мастером.

Первый урок мастерства

Изображение в литературе человека и окружающего его мира



Вы уже знаете, что в любой книге заключен целый художественный мир, созданный воображением автора. Известно вам и то, что мир этот условный, не только похожий на окружающую человека действительность, но и отличающийся от нее.

Давайте-ка попробуем разобраться, зачем нужно писать такие книги, которые позволяют автору весьма вольно обращаться с законами природы, реальными фактами и человеческим опытом?

Едва лишь человек является на свет, он сразу же начинает интересоваться всем, что его окружает. Но чем больше узнает человек, тем больше возникает у него вопросов. Процесс познания безграничен: никто и никогда не сможет узнать всего, потому что и сам человек, и все, что существует вокруг него, постоянно изменяется, становится хоть немного, но другим. Это одна из самых великих тайн, которую называют словом «диалектика».

Диалектика – это развитие, изменение человека и природы во всей их внутренней противоречивости…

Чтобы вам стала понятна моя мысль, представьте себе устройство музыкальной табакерки в прекрасной сказке В. Ф. Одоевского «Городок в табакерке». Помните? Желая избавить колокольчики от ударов молоточков, мальчик останавливает пружину, и музыка замолкает. В этой мудрой сказке очень хорошо показаны те диалектические противоречия, без которых невозможно движение, развитие. Чтобы из табакерки раздалась музыка, пружина должна привести в действие валик, который заставит молоточки ударять по колокольчикам. Если хоть один из них прекратит действовать – музыка замолкнет.

А теперь оглянитесь вокруг себя, и вы увидите множество противоречий, которые иногда раздражают, но без которых жизнь была бы невозможной. Ну, например, нам не очень нравится, что волки едят зайцев, но если они перестанут это делать, им останется только умереть с голоду, да и зайцы обдерут кору с деревьев, что тоже не слишком хорошо…

Зачем я говорю вам об этом? Все это имеет непосредственное отношение к литературе. Человек знает, что всей его жизни не хватит, чтобы досконально узнать и изучить все существующее вокруг него. Он чувствует, как велик, необъятен и загадочен мир, в котором он живет. Но ему необходимо знать, как этот мир устроен и что он сам может и должен делать в этом мире. Еще раз вспомните «Городок в табакерке»: незнание устройства ее механизма приводит к тому, что, руководствуясь самыми лучшими побуждениями, мальчик ломает табакерку…

Итак, человек должен знать, как устроена «табакерка», в которой он живет, и кто приводит в действие ее сложный механизм. Вот тут-то и приходит на помощь литература.

Художественный мир литературного произведения – это обобщенное представление об «устройстве» того реального мира, который окружает каждого человека. Писатель с помощью своей фантазии создает условную «табакерку», одновременно похожую и непохожую на реальный большой мир, в котором воедино связаны природа, люди, звезды… и всё, всё, всё, как говаривал Винни-Пух.

Но что такое фантазия? Знаете ли вы, что самая смелая фантазия – это не что иное, как человеческие опыт и знания, что она опирается на вполне реальные земные впечатления? Не торопитесь спорить, лучше подумайте. Вот, например, сказка.

В ней, казалось бы, можно найти совершенно невероятный образ. Ну кто такой Змей Горыныч? Во-первых, он змей, во-вторых, змей летающий, в-третьих, у него несколько голов, не так

ли? Таким образом, фантазия автора проявляется в том, что соединяются вполне реальные признаки пресмыкающихся и птиц (летающий змей), а также увеличивается число голов.

Фантазия очень часто проявляется в том, что автор допускает возможность превращений: лягушки в девушку («Царевна-лягушка»), юношей в лебедей («Шесть лебедей»). В реальной жизни такие превращения невозможны, но в реальной жизни существуют и те и другие: девушки и лягушки, юноши и лебеди, нормальные люди и карлики.

Фантазия автора проявляется не в том, чтобы придумать что-то, чего он никогда не видел и что выходит за пределы человеческого опыта, а в том, чтобы на основе своего опыта и знаний создать неожиданное и необычное сочетание, соединяющее в себе многообразие проявлений мира, в котором живет автор.

Теперь зададим себе еще один вопрос: а зачем это надо? Не проще ли описать какие-то реальные события, имевшие место в жизни писателя, его друзей и врагов? Ведь и в этом случае он поделится с читателем своим опытом.

Дело в том, что опыт писателя включает в себя не только события и впечатления его личной жизни, но и опыт его друзей и знакомых, а также впечатления от произведений других писателей и художников. Весь этот богатейший материал тесно переплетается в сознании писателя, порождая сложные образы, вбирающие в себя черты разнообразных событий и людей.

Самое же главное заключается в том, что все созданное творчеством писателя в конечном счете призвано изобразить человека. Русский писатель М. Горький назвал литературу «человековедением». Это очень точное определение. Книга помогает читателю познать самого себя и других людей.

Мир литературного произведения – мир человека, поэтому центральное место в любом литературном произведении всегда занимает человек, даже если в этом произведении нет ни одного человеческого образа. Я не шучу. Вспомните-ка, что такое басня? В этом жанре могут действовать звери и предметы как одушевленные существа. Но вы-то прекрасно знаете, что они аллегорически воплощают человеческие черты: пороки или достоинства. Существуют прекрасные стихотворения, описывающие природу. Но ведь пейзаж представлен читателю отраженным в сознании лирического героя, повествователя, окрасившего картину природы своим чувством.

Да и читателя привлекает не столько описываемая природа, сколько переживания лирического героя, любующегося красотой окружающего мира.

Читатель, стремящийся проникнуть в художественный мир произведения, пытается понять всю совокупность взаимоотношений людей и окружающей их художественной реальности. И он знает, что мир, созданный писателем, условен. Чтобы разобраться в том, что происходит в художественном мире, следует знать ряд существенных законов литературы как вида искусства.

Вы уже знаете, что наряду с жизнеподобием писатель нередко использует в своих творениях такую форму условности, как фантастика. Созданный на основе фантастической условности художественный мир часто совсем не похож на знакомую нам реальную жизнь. Мир этот иногда кажется каким-то искаженным, странным, непривычным, а подчас и страшным.

Что ж! В жизни любого человека возникают какие-то препятствия, и на его пути подчас встречаются опасности. Человек должен быть готовым к любым неожиданностям, и ему следует знать, насколько велики его силы, от чего зависят победа или поражение. Фантастический условный мир создается писателем именно для того, чтобы проверить возможности человека, испытать его, проведя через серию приключений, заставив преодолеть множество препятствий.

В художественном мире автор может сконцентрировать опасности и приключения, которых хватило бы на жизнь десятка людей, и заставить преодолевать и испытывать их одного-единственного героя. Это тоже одна из условностей искусства, один из законов, которым подчиняется литература.

В литературном произведении, как правило, мы видим изображенных людей или действующих, подобно людям, животных или предметы. В драматических произведениях их называют «действующие лица», то есть «лица, действующие на сцене». Иногда и к произведениям других литературных родов применяют это понятие, говоря о «действующих лицах» романа или поэмы, но чаще для обозначения любого «действующего лица» из художественного мира используют термин «персонаж».

Персонаж – это любое появляющееся в художественном мире произведения действующее лицо (или аллегорическая фигура) без указания на его значимость в повествовании и без оценки его личных качеств.

Нередко читатель называет литературный персонаж словом **«герой».** Это не совсем точно. Героем можно назвать не любой литературный персонаж, а лишь главное действующее лицо (или несколько лиц), к тому же наделенное положительными качествами. Поэтому недопустимы сочетания типа «отрицательный герой». Герой не может быть отрицательным,

иначе он немедленно перестанет быть героем.

Положительный персонаж не всегда наделяется героическими чертами. Нередко его судьба зависит от действий других персонажей. Представьте себе ребенка, лишившегося родителей и оказавшегося в незнакомом, а может быть, и враждебном мире. Его судьба волнует автора, автор сочувствует такому персонажу, несмотря на очевидное отсутствие у него героических черт. Такой персонаж называется протагонистом.

Протагонист – главное действующее лицо произведения, персонаж, чья судьба в первую очередь интересует автора произведения, ибо он в наибольшей степени отвечает представлениям автора о том, как следует вести себя человеку в той или иной ситуации.

Судьба протагониста в литературном произведении очень часто зависит от действий какого-то враждебного ему персонажа, который, преследуя личные эгоистические цели, стремится осложнить жизнь протагониста. Такой персонаж называется антагонистом.

Антагонист – действующее лицо произведения, противопоставленное протагонисту, нередко вступающее с ним в борьбу, чья деятельность вызывает явное неодобрение автора; активный отрицательный персонаж.

Мы с вами уже вспоминали такой жанр, как басня. Персонажи басни обычно представляют собой обобщенные образы, в которых воплощается какая-то одна характерная человеческая черта, обычно какой-либо порок (жадность, хитрость, трусость и пр.). Но подобные персонажи встречаются не только в баснях, кроме того, они не всегда заключают в себе порок или добродетель. Есть персонажи, чье поведение продиктовано их социальным положением или воспитанием. Вы, возможно, уже встречали определения того или иного персонажа как «типичного представителя» русского дворянства или купечества.

И в реальной жизни, и в литературе нередко встречаются люди, которые живут и действуют, как бы подчиняясь раз и навсегда заданным правилам, не давая себе труд задуматься над тем, что они делают. А их уверенность в правильности такого существования вызвана тем, что большинство людей подчиняется этим же самым правилам. Принадлежность к какой-то социальной группе (крестьянство, рабочие, помещики и т. д.) и общий вид деятельности накладывают свой отпечаток на человека, придают известную общность поведению ряда людей. Если эта общность подавляет индивидуальные качества, полностью подчиняет себе поведение человека – возникает тип[1] человеческого существования, а вслед за ним и литературный

тип.

Литературный тип – это персонаж, в котором общечеловеческие или присущие целой группе людей черты явно подавляют индивидуальные качества данного конкретного лица. (Поскольку обобщенные, типичные черты мы можем встретить не только в персонажах, но и в тематике произведений, сходных мотивах творчества разных писателей, можно говорить о типах произведений, типах творчества и пр.)

В «Песне про купца Калашникова» сам Калашников – это протагонист, а Кирибеевич – столь же явный антагонист. А вот в «Дубровском» вы можете увидеть прекрасно изображенный А. С. Пушкиным литературный тип – Антон Пафнутьич.

Случается и так, что автору очень нужно дать точную и однозначную характеристику или оценку происходящим событиям, выразить свое отношение к персонажам произведения. В этом случае автор может ввести такое действующее лицо, которое станет как бы его двойником в художественном мире произведения. Этот двойник будет комментировать все происходящее и помогать читателю разобраться в том, что одобряет, а что отрицает автор. Такой персонаж называется **резонёром.**

Резонеры нередко вводятся в драматические произведения, где авторский текст практически отсутствует. Вспомните пьесу-сказку Т. Габбе «Город Мастеров» и зверей, «сошедших с герба» города: в этом произведении они выполняют роль резонеров.

Но, пожалуй, главная задача, решить которую стремится любой писатель, – это создать такой персонаж, который казался бы одновременно и похожим, и не похожим на обычных людей. Каждый человек оригинален и неповторим, он обладает и вполне определенной, узнаваемой внешностью, и своеобразным голосом, и свойственными только ему индивидуальными душевными качествами. Таким же должен быть и литературный персонаж. Но, с другой стороны, произведение лишь тогда воспринимается читателем, когда он узнает в персонажах черты известные, знакомые и понятные ему, когда он может представить себя на месте какого-то персонажа. Чтобы соединить столь противоположные требования, писатель создает **литературный характер.**

Именно в литературном характере обычно наиболее ярко представлены внутренние противоречия. Это персонаж со сложным внутренним миром. Его развитие, его деятельность, его поведение определяются не столько внешними обстоятельствами, сколько индивидуальным осмыслением этих обстоятельств, попытками найти самостоятельный жизненный путь.

Литературный характер — это сочетание в персонаже личных психологических черт с общечеловеческими, характерными для группы людей, типическими качествами; такое сочетание формирует неповторимую индивидуальность персонажа, сложность его внутреннего душевного мира.

Задумайтесь над словосочетаниями «проявить характер», «обладать характером» – в них явно чувствуется указание на исключительность. Вспомните такой персонаж, как Кирила Петрович Троекуров. Это яркий литературный характер. В нем выражены предрассудки, свойственные помещикам-самодурам: презрение к крепостным, неуважение к законам, грубость и чванство. Но в то же время в нем много индивидуальных, даже привлекательных черт: он способен оценить мужество человека (отношение к Дефоржу после эпизода с медведем), переживает ссору со старинным другом и сам едет к нему в поисках примирения (визит в Кистеневку накануне смерти Андрея Дубровского).

Сложность и богатство характера Кирилы Петровича проявляются потому, что читатель наблюдает его в различных ситуациях, в общении с другими персонажами: с Андреем Дубровским, Дефоржем, князем Верейским, Шабашкиным и другими. Автор создает **систему характеров,** то есть показывает взаимоотношения и взаимосвязь персонажей литературного произведения, взаимодействие которых определяет развитие сюжета и разрешение основного конфликта.

Вспомните, что литературные персонажи являются частью художественного мира, созданного специально для них. И в этом мире наряду с персонажами присутствуют города, рощи и луга, предметы и вещи, то есть любое произведение имеет собственный **предметный мир** – совокупность описаний материальных частей художественного мира для создания условий деятельности литературных персонажей, а также для характеристики художественного мира в целом или его части.

Предметный мир очень богат и многообразен. Давайте-ка припомним вместе некоторые произведения, которые вы изучали в шестом классе. «Мул без узды» – в названии сразу же указывается предмет, из-за которого начнутся приключения Говена, – уздечка. «Вересковый мед» – здесь мы встречаемся и с пейзажем, и с описанием напитка, тайну которого уносят с собой пикты. Все это части предметного мира, и все они очень важны.

Возьмем, к примеру, **пейзаж** как художественное описание любого незамкнутого пространства (природы, города и т. п.). Пейзаж– это часть предметного мира литературного произведения. В «Дубровском» А. С. Пушкина пейзаж помогает

понять эмоциональное состояние Владимира, возвращающегося в родную Кистеневку, а также используется для объяснения того, как после бегства из дома Троекурова Дефорж намеревается поддерживать связь с Машей. Пейзаж важен и для понимания условий жизни разбойников.

Не менее важен в этом произведении и **интерьер,** то есть описание внутреннего убранства дома или другого помещения, несущее эмоциональную и содержательную оценку с целью характеристики обитателей этого жилища либо для объяснения событий, которые должны произойти в данном помещении.

Попробуйте сравнить интерьеры домов Андрея Дубровского и Кирилы Троекурова, и вы получите достаточно полное представление о социальном положении и достатке их обитателей.

А вот еще один пример. В «Наталье, боярской дочери» Н. М. Карамзина Наталья отправляется со своим суженым из отчего дома в его лесное жилище. Она испытывает смутную тревогу, ее мучает тайна, которую скрывает ее возлюбленный, и вдобавок она оказывается совсем одна в дремучем лесу и впервые видит место, где скрывается ее муж: «В первой горнице висели мечи и бердыши, шишаки и панцири, а в другой стояла высокая кровать, и перед иконою Богоматери горела лампада». Именно лампада и образ Богоматери сразу же успокаивают Наталью, понимающую, что в разбойничьем притоне иконам не место. Интерьер способствует тому, что доверие молодой женщины к мужу укрепляется.

Но все значение этого интерьера определяется двумя важными деталями: развешанным на стенах оружием и лампадой. Очень часто именно одна деталь сразу же начинает создавать зримый облик художественного мира. Так, «Скупой рыцарь» А. С. Пушкина начинается с описания пробитого шлема Альбера, а затем Иван говорит об отсутствии в доме вина, и этих деталей оказывается достаточно, чтобы получить представление о бедности, в которой живет сын Барона.

Вообще для воспроизведения предметного мира весьма важна **художественная деталь –** выразительная подробность, характерная черта какого-либо предмета, части быта, пейзажа или интерьера, несущая повышенную эмоциональную и содержательную нагрузку. Деталь говорит не только о предмете, частью которого она является, но и обо всем предметном мире, к которому принадлежит; деталь определяет отношение читателя к происходящему. Вот новелла Е. И. Носова «Лоскутное одеяло». Каждый лоскуток одеяла – кусочек какой-то вещи, где сама эта вещь– кусочек человеческой жизни, этап в судьбе бабушки.

Вам следует отметить и значение художественной детали для создания характера, поскольку в этом году вы познакомитесь с произведениями, в которых литературный характер занимает центральное место. К этой работе следует подготовиться, поэтому предлагаю ряд вопросов.

Назовите известные вам произведения, в заголовки которых вынесено упоминание художественной детали. Сопоставьте портреты Остапа и Андрия в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя с целью выявления индивидуальности их характеров. Проследите, как создается характер Альбера в «Скупом рыцаре» А. С. Пушкина.

Николай Степанович Гумилев

С творчеством этого замечательного русского поэта начала XX столетия вы уже познакомились в прошлом году, когда читали его прекрасные баллады «Змей» и «Сказочное».

У поэзии Н. С. Гумилева есть одна очень интересная особенность. Он вступил в литературу, когда писатели пытались показать растерянность людей переходной эпохи, когда основное внимание уделялось страданиям и слабости человека. Н. С. Гумилев уже в самых ранних своих стихотворениях постарался противопоставить декадентству (так называлось модное в то время воспевание упадка европейской культуры) сильных и бесстрашных героев. Его персонажи оказываются победителями даже тогда, когда терпят поражение. И победа их заключается в том, что они остаются верными себе, продолжают верить во всесилие человека и бесконечную красоту окружающего его мира.

Вам сейчас предлагается цикл из четырех стихотворений, имеющих общее название «Капитаны». Каждое из этих стихотворений совершенно самостоятельно, но все они раскрывают с разных сторон определенный человеческий характер. Вы, я полагаю, сможете определить, что это за характер и какой смысл вкладывает поэт в заглавие цикла. Надеюсь, вы сумеете также показать, какие именно черты характера отражены в каждом из четырех стихотворений цикла.

Прекрасный мир и прекрасных людей Н. С. Гумилев описал в прекрасных стихах. Он был выдающимся мастером стихотворной формы. *Постарайтесь охарактеризовать ритмический рисунок (стихотворный метр) всех четырех произведений цикла.*

Капитаны

1

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны -
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы[2] и мель.

Чья не пылью затерянных хартий[3]-
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Клочья пены с высоких ботфорт[4],

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыплется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет[5].

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса -
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки[6]
Неожиданно бросить фрегат[7],

Меткой пулей, острогой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

2

Вы все, паладины[8] Зеленого Храма,
Над пасмурным морем следившие румб[9],
Гонзальво[10] и Кук[11], Лаперуз[12] и де Гама[13],
Мечтатель и царь, генуэзец Колумб[14]!

Ганнон Карфагенянин[15], князь Сенегамбий[16],
Синдбад-Мореход[17] и могучий Улисс[18],
О ваших победах гремят в дифирамбе[19]
Седые валы, набегая на мыс!

А вы, королевские псы, флибустьеры[20],
Хранившие золото в темном порту,
Скитальцы-арабы, искатели веры
И первые люди на первом плоту!

И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостылели страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов!

Как странно, как сладко входить в ваши грезы,
Заветные ваши шептать имена
И вдруг догадаться, какие наркозы
Когда-то рождала для вас глубина!

И кажется, в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!»

И карлики с птицами спорят за гнезда,
И нежен у девушек профиль лица…
Как будто не все пересчитаны звезды,
Как будто наш мир не открыт до конца!

3

Только глянет сквозь утесы
Королевский старый форт[21],
Как веселые матросы
Поспешат в знакомый порт.

Там, хватив в таверне сидру[22],
Речь ведет болтливый дед,
Что сразить морскую гидру[23]
Может черный арбалет[24].

Темнокожие мулатки
И гадают, и поют,
И несется запах сладкий
От готовящихся блюд.

А в заплеванных тавернах
От заката до утра
Мечут ряд колод неверных
Завитые шулера.

Хорошо по докам порта
И слоняться, и лежать,
И с солдатами из форта
Ночью драки затевать.

Иль у знатных иностранок
Дерзко выклянчить два су[25],
Продавать им обезьянок
С медным обручем в носу.

А потом бледнеть от злости,
Амулет зажать в полу,
Всё проигрывая в кости
На затоптанном полу.

Но смолкает зов дурмана,
Пьяных слов бессвязный лёт,
Только рупор капитана
Их к отплытью призовет.

4

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль Летучего Голландца[26].

Ни риф, ни мель ему не встретятся,
Но, знак печали и несчастий,
Огни святого Эльма[27] светятся,
Усеяв борт его и снасти.

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою.
Окровавленной, но железною
В штурвал вцепляется – другою.

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума.
Так смотрят трупы на пожарище -
Невыразимо и угрюмо.

И если в час прозрачный, утренний
Пловцы в морях его встречали,
Их вечно мучил голос внутренний
Слепым предвестием печали.

Ватаге буйной и воинственной
Так много сложено историй,
Но всех страшней и всех таинственней
Для смелых пенителей моря -

О том, что где-то есть окраина -
Туда, за тропик Козерога[28]! -
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

Вопросы и задания

1. Самостоятельно предложите объяснение: что называется стихотворным циклом.

2. Что понимается под героическим? Вспомните, какой характер называется в литературе героическим.

3. Объясните название цикла.

4. Охарактеризуйте образ моря в стихотворениях цикла.

5. Как ритмический рисунок каждого из четырех стихотворений связан с их лирическим звучанием?

6. Назовите изобразительно-выразительные средства, используемые поэтом в цикле; объясните, какое лирическое настроение создается с их помощью.

7. Охарактеризуйте лирического героя цикла, укажите, какими художественными средствами передается авторское отношение к персонажам цикла.

Второй урок мастерства

Писатель и время

Множество тысячелетий прошло с тех пор, как на Земле появился человек. Весь этот длительный период он мучительно искал ответы на вопросы о своем месте в окружающем мире и призывал на помощь фантазию, рассказывая истории одна удивительнее другой. Мы, к сожалению, ничего не знаем о множестве поэтических произведений, созданных на заре человечества. Еще бы! Это было так давно, и к тому же тогда не было письменности и невозможно было записать даже самые прекрасные рассказы. Не помогала и удивительная память сказителей, потому что в те времена иногда погибали целые народы, унося с собой в небытие и свой язык, и свои поэтические шедевры.

Знаете ли вы, когда был составлен древнейший из дошедших до нас литературных памятников? Трудно себе представить, но это было почти пять тысячелетий до нашего времени.

В конце XXVII века до нашей эры в городе Уруке на Ближнем Востоке царствовал Гильгамеш. Это была, по всей видимости, незаурядная личность, потому что после его смерти о нем

сложили множество легенд, из которых возник «Эпос о Гильгамеше». Город Урук входил в состав древнего царства Шумер, где уже существовала письменность. Писали тогда на глиняных табличках, и глина оказалась очень долговечным материалом. Погиб город Урук, исчезла с лица земли древняя шумерская цивилизация, а сказания о Гильгамеше сохранились. И вот в этих далеких сказаниях мы слышим знакомые нам вопросы о том, кто такой человек, что такое жизнь и смерть, любовь и ненависть.

Ярая смерть не щадит человека:
Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки мы ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несет полые воды?

Обратимся к нашей европейской цивилизации. Вспомните сначала три группы племен, населяющих Европу: кельтская, славянская, германская. Они вступили в борьбу с представителями более древних цивилизаций – древнеримской, византийской, – разрушили их и начали создавать собственную культуру. Появились и новые произведения средневекового устного народного поэтического творчества, мифы о богах, легенды о героях, а затем появился в них и обычный человек, рыцарь или крестьянин, ищущий на земле свое место, мечтающий о счастье и пытающийся понять, для чего он пришел в этот мир.

Цивилизации сменяли одна другую. Человечество развивалось, накапливало опыт. Но каждое новое поколение задавало все те же вечные вопросы, которые мучили людей, живших в древнем Уруке. Каждая новая цивилизация как бы с самого начала ступала на путь, уже пройденный ее предшественниками.

Перед писателями во все времена вставали те же вопросы об окружающем мире и роли человека в нем. Ответы вы найдете в литературных произведениях, созданных в разные эпохи развития человечества.

Читайте и размышляйте!..

Мир и человек в зарубежной литературе

«Открытие» мира и человека в литературе эпохи Возрождения

В XIV веке европейская цивилизация переживает бурное развитие. Это время великих географических открытий: учение Коперника подтверждается кругосветным путешествием Магеллана; Колумб ступает на землю Нового Света… Земля оказывается огромной и неизведанной, но и человек начинает чувствовать силу своих неисчерпаемых возможностей, осознает могущество Разума, позволяющего проникнуть в тайны мироздания.

Люди уже чувствуют ограниченность средневековых представлений об устройстве мира, и им недостаточно объяснения земного существования человека как Божественного испытания перед Вечной жизнью.

Так начинается эпоха Возрождения. Обратите внимание на ее название: в это время наблюдается увлечение античностью. Люди как бы заново открывают для себя науку, искусство, государственное устройство Древней Греции и Древнего Рима. Они вспоминают о мудрости древнегреческих философов и о величии и могуществе Римской империи. При этом они обращают внимание на то, что античная культура черпала силы в знаниях о сущности земного существования человека.

Мыслители эпохи Возрождения призывают вернуться к достижениям античной цивилизации, «возродить» их внимание к окружающему человека земному миру. Что это значит? Надо признать человека «венцом природы», поскольку он единственный из земных существ наделен «искрой Божьей» – Разумом. Надо использовать Разум, чтобы познать Божественный замысел гармоничного устройства Природы, и, наконец, с помощью того же Разума следует сделать общественные отношения между людьми такими же гармоничными, как и в созданной Богом Природе.

Итак, Возрождение (или Ренессанс, как иногда называют эту эпоху, используя ее итальянское наименование) – это попытка познать земную сущность человека, законы окружающего его мира и способы их гармонических взаимоотношений.

Глубокая вера в то, что человек подобен Богу, что его возможности на земле безграничны, была основой учения мыслителей эпохи Возрождения, которых в силу этого стали называть гордым именем «гуманисты» (от лат. homo – человек).

Гуманисты считали, что человек рождается разумным,

добрым и стремящимся к гармонии. Откуда же тогда появляется зло, насилие, пороки, ложь, болезни и голод? Все дело в неправильном воспитании. Нужно научить человека направлять свой Разум не на дурные, а на добрые дела. Наивно? Но в период с XIV по начало XVII века гуманистам еще казалось, что они легко сумеют убедить других людей в необходимости строго следовать законам «гармоничной» природы. Объяснить эти законы попытались писатели Возрождения. Они обратились за примерами к искусству античности, которое считали образцовым (отсюда и название способа создания ими художественного мира, который называют словом «классицизм» от лат. classicus – образцовый), и первыми предложили опираться на систему «правил» творчества.

Они стремились показать обычного человека, борющегося за свое счастье в земной жизни. Каждый человек наделен не только Разумом, но и страстями (чувствами); если ему удастся добиться их гармонии, если он сможет не дать воли порокам, контролируя свои поступки, заботясь о сохранении гармонии, – весь мир станет прекрасным и будет напоминать утраченный первыми людьми рай. Ведь Бог, по мнению гуманистов, для того и дал человеку Разум, чтобы он на земле исправил ошибку совершивших «первородный грех» Адама и Евы. И вот английский гуманист Томас Мор создает образ Утопии, идеального государства, построенного на принципах полной гармонии человеческих отношений. А французский писатель Франсуа Рабле описывает идеальных правителей, великанов Гаргантюа и Пантагрюэля, отрицающих войны, религиозный фанатизм, невежество и леность. Итальянец Никколо Макиавелли пишет трактат «Государь», в котором поучает властителей, объясняя им их обязанности перед подданными…

Идеал гуманистов– образованная, раскрепощенная личность, осознающая себя частью природы и стремящаяся установить гармонические отношения с другими людьми. Заслугой писателей эпохи Возрождения был отказ от сословной ограниченности в оценке личности. Они искренне верили, что человека надо оценивать не по его происхождению или социальному положению, а только по его личным качествам. Гуманисты смело изображали жестоких королей, алчных священников, глупых аристократов, безжалостных ростовщиков; они воспевали ум, расчетливость, находчивость и доброту любого человека – князя и крестьянина, богача и нищего.

Но именно эпоха Возрождения породила и такое страшное явление, как индивидуализм, стремление человека любой ценой добиться в мире успеха для себя одного. Показав силу золота,

гуманисты не думали о том, что страсть к его обладанию окажется сильнее любых доводов Разума.

На самом закате эпохи Возрождения появляются два выдающихся писателя – испанец Мигель де Сервантес Сааведра и англичанин Уильям Шекспир. В их творениях читатели увидели как силу человека, со всеми его неисчерпаемыми возможностями, так и его слабость. И художественный мир их произведений, увы, выглядел далеко не таким гармоничным, каким он представлялся первым гуманистам.

Но «открытие» значимости обычного земного человека в литературе уже произошло. И вслед за классицистами Возрождения писатели последующих эпох станут изучать «человеческую природу», создавать характеры людей, стремящихся к земному счастью…

Идеал гуманистов не выдержал испытания временем, но их вера в Человека и его возможности обозначила тот путь, с которого литература не свернет и в более поздние эпохи.

Мигель де Сервантес Сааведра

Испанский писатель Мигель де Сервантес прославился как автор знаменитого «Дон Кихота», романа, с которым вам предстоит познакомиться в следующем году. Однако «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» не единственное произведение писателя, оставившего след и в истории испанского театра (ему принадлежат пьесы «Алжирские нравы» и «Нумансия»), и в испанской поэзии.

В 1613 году Сервантес опубликовал сборник с многозначительным названием «Назидательные новеллы». В это время в Европе особой популярностью пользовались новеллы итальянского писателя-гуманиста XIV века Джованни Боккаччо, входившие в его книгу «Декамерон». У итальянского писателя нашлось множество последователей в различных европейских странах, и жанр новеллы получил благодаря им широкое распространение.

Сервантес тоже пишет новеллы, но в них он не столько продолжает традиции Боккаччо, сколько спорит с ним. Как и Боккаччо, Сервантес был гуманистом и приветствовал многие взгляды писателей итальянского Возрождения. Но он не соглашался с утверждением о материальной основе человеческой деятельности, не разделял он и иронического отношения к церковным служителям (монахи ордена Милости выкупили его из алжирского рабства). Сервантесу казалось, что в новеллах Боккаччо и его последователей слишком легкомысленно

говорится об очень серьезных проблемах. И испанский писатель создает новый вид новеллы. Это обстоятельное, развернутое повествование, в котором на примере одного конкретного события показывается гуманистический взгляд на решение какой-нибудь важной проблемы и содержится поучение читателям (теперь вам понятно значение названия сборника Сервантеса?).

В новелле «Цыганочка» писатель доказывает, что не благородство происхождения, а благородство поступков определяет значимость человека. Герой этой новеллы, богатый аристократ, влюбившись в цыганку, покидает высший свет и два года живет в цыганском таборе.

А вот в «Английской испанке» Сервантес пытается разрешить многолетний спор между двумя издавна враждующими странами. И разрешает этот спор он как подлинный гуманист, утверждая, что не национальность и не внешний облик, а внутреннее богатство и красота души делают человека «венцом природы».

Вот мы с вами и подошли к основной особенности новеллистики Сервантеса. Самое главное в ней – это характеры персонажей, характеры, которые писатель оценивает с позиций европейского Возрождения.

В новелле «Лиценциат Видриера», с которой вам предстоит познакомиться, ставится вопрос об истинных и мнимых ценностях, о подлинной гармонии человеческой личности. Ее герой – человек, лишенный этой гармонии по причине тяжелого душевного заболевания. Томас Родаха во многом воплощает идеал гуманистов: он глубоко образованный человек, обладающий хорошими манерами, его чувства контролируются разумом, блестящий ум и наблюдательность делают его интересным собеседником… Но болезненная мания лиценциата резко противопоставляет его остальным людям: Томас Родаха искренне убежден в том, что он весь сделан из стекла, и мучительно боится, как бы его нечаянно не разбили.

Поразмыслите над этой «причудой» и вспомните выражение «разбить сердце». Хотя на самом деле человек состоит вовсе не из стекла, но он раним, и проще всего нанести рану его душе.

Сервантес не просто представляет своим читателям «странного героя», он одновременно испытывает остальных людей, в том числе и читателя: сумеют ли они увидеть в лиценциате его подлинные достоинства или болезненная мания обрекает его на роль шута, хватит ли у них тактичности и благоразумия, чтобы не развить мнительность юноши, не усилить его страданий?

Испытание продолжается и после того, как Видриера излечивается от своей болезни.

Подумайте, почему меняется отношение к нему самому и его словам, какой смысл вкладывает Сервантес в свою новеллу.

Обратите внимание на концовку новеллы. Она горька и очень правдива.

Сформулируйте сами «назидание», заключенное в этой новелле, и не забывайте, что самый главный из героев Сервантеса, знаменитый Дон Кихот, тоже будет страдать от безумия и тоже излечится…

А еще вам следует знать, что с образов Видриеры и Дон Кихота в мировой литературе начинается блистательный ряд литературных «чудаков»: милых, обаятельных и отважных людей, чьи «чудачества» подчас гораздо более человечны, чем «нормальность» обычных людей.

Лиценциат[29] Видриера
Перевод Б. Кржевского

Во время прогулки по берегам То́рмеса двое кабальеро[30], учившихся в Саламанке[31], нашли под деревом спящего мальчика лет одиннадцати, одетого по-крестьянски. Они велели слуге разбудить его, – тот проснулся; тогда они спросили, откуда он родом, что делает и почему спит в таком пустынном месте. На это мальчик ответил, что своей родины он не помнит, а сейчас идет в город Саламанку искать хозяина, которому готов служить, если только его отдадут учиться. Его спросили, умеет ли он читать; он ответил, что умеет, умеет даже и писать.

– В таком случае, – заметил один из кабальеро, – не по слабости памяти забыл ты название своей родины!

– По тому ли, по другому ли, – ответил мальчик, – а никто не узнает ее названия, как и имени моих родителей раньше, чем я не прославлю их и ее!

– А каким же образом думаешь ты прославить их? – спросил кабальеро.

– Своею ученостью и славой, – сказал мальчик, – ибо приходилось мне слышать, что «не святые горшки лепят».

Ответ этот побудил обоих кабальеро взять его к себе, что они и сделали, отдав его учиться на тех же условиях, на каких обыкновенно содержат в этом городе слуг, состоящих при господах.

Мальчик сказал, что его зовут Тома́с Рода́ха, а потому хозяева

на основании его имени и одежды заключили, что он, должно быть, сын какого-нибудь бедного крестьянина.

Через несколько дней его одели во все черное, а несколько недель спустя Томас доказал, что обладает редкими способностями, причем своим хозяевам он служил с такой верностью, точностью и усердием, что, ни на йоту не поступаясь занятиями, производил впечатление, будто он ничего, кроме службы, не делает; и так как добрая служба раба склоняет сердце господина обращаться с ним милостиво, Томас вскоре стал не слугой, а товарищем своих хозяев. По истечении восьми лет, проведенных у них, он приобрел такую славу в университете благодаря значительным способностям, что самые разные люди его любили и уважали. Занимался он главным образом законами, но с особенным блеском проявил себя в гуманитарной науке. Была у него такая счастливая память, что все диву давались. К тому же он украшал ее своим тонким умом и не менее славился им, чем своей памятью.

Случилось так, что хозяевам его настало время окончить свое ученье и вернуться к себе домой, в один из лучших городов Андалусии. Они взяли с собой Томаса и прожили вместе с ним некоторое время; но его так мучило желание вернуться к своим занятиям в Саламанку (а она заколдовывает желанием приехать обратно волю всех, кто вкусил от приятностей тамошней жизни), что он попросил у хозяев позволения вернуться. Эти последние по учтивости и щедрости своей ему не отказали и обеспечили Томаса таким образом, что на данные ему средства можно было прожить три года.

Он расстался с ними и, выразив в учтивых словах свою признательность, уехал из Ма́лаги (она именно и была родиной его господ). На спуске с холма Ла-Самбра, по дороге в Антекеру, он встретился с одним дворянином, ехавшим на коне в пышном дорожном платье; при нем было двое слуг верхами.

Он присоединился к нему и узнал, что им предстоит одинаковый путь; они познакомились, поболтали о разных вещах, и с первых же шагов Томас выказал свой редкий ум, а кабальеро – свой блеск и тонкое обращение. Он рассказал, что служит капитаном в пехоте его величества и что его поручик набирает сейчас отряд в области Саламанки; он расхвалил солдатскую жизнь, живо расписал красоты города Неаполя, утехи Палермо, изобилие Милана, празднества Ломбардии, пышные яства гостиниц, <…>, превознес до небес свободную солдатскую жизнь и привольное житье в Италии, но ничего не сказал про холод стояния на часах, про опасности штурмов, про ужасы битв, про голод осад, про разрушительную силу мин и про другие вещи

в том же роде, которые иными считаются как бы привеском к тяготе солдатчины, а в сущности, они-то и являются основным ее бременем.

В общем, он столько вещей ему рассказал, да к тому же еще так хорошо, что благоразумие нашего Томаса Родаха стало спотыкаться, а воля пленилась этой жизнью, от которой так недалеко до смерти.

Капитан, назвавший себя доном Диего де Вальдивья, пришел в восторг от приятной внешности, ума и лоска Томаса и стал просить его отправиться вместе в Италию, хотя бы только из любопытства посмотреть страну, предлагая ему свой стол, а если окажется нужным, то и место знаменосца, так как поручик скоро его освободит.

Немного потребовалось для того, чтобы Томас принял предложение, ибо в один миг он проделал про себя краткое рассуждение, что недурно, мол, проехаться в Италию, Фландрию и разные другие земли и страны, так как продолжительные странствования делают людей умными, а кроме того, на все это, в самом крайнем случае, могло уйти три-четыре года, что при его большой молодости составит немного и не помешает ему вернуться к своим занятиям; а потому, полагая, что все произойдет так, как ему хочется, он сказал капитану, что охотно поедет в Италию, при том, однако, условии, что его не зачислят в отряд и не внесут в солдатские списки, иначе он будет обязан всюду следовать за отрядом. И хотя капитан его убеждал, что состоять в списке еще ничего не значит, что таким образом он мог бы пользоваться пособиями и жалованьем, выплачиваемыми полку, а кроме того, получать отпуск всякий раз, как того попросит, Томас сказал:

– Это значило бы поступить наперекор своей совести и совести сеньора капитана, а поэтому я хочу быть свободным и независимым.

– Такая щепетильность, – заметил дон Диего, – скорей под стать иноку, чем солдату; ну да, во всяком случае, мы с вами товарищи!

В ту же ночь они приехали в Антекеру; через несколько дней, благодаря большим перегонам, они прибыли к месту, где находился полк, уже пополненный набором и вполне готовый к тому, чтобы выступить в направлении Картахены. Остановки на постой они вместе с другими четырьмя полками должны были делать в местностях, расположенных по пути.

Там-то и увидел Томас, что такое власть войсковых комиссаров, строптивость сеньоров капитанов, происки квартирмейстеров, хитрости и уловки казначеев, жалобы селений,

выкупы за постойные билеты, наглость рекрутов, драки постояльцев, требование в обоз больше скота, чем нужно, а в заключение на собственном опыте убедился в том, как нужда поневоле заставляет проделывать все то, что он видел и что он безусловно осуждал.

Вырядился Томас попугаем[32], снял с себя студенческую одежду и настроился на лад – «хоть святых вон выноси!».

Все множество книг, у него бывших, он сократил до двух: «Молитвослов Богородицы» и «Гарсиласо без комментариев»[33], причем носил их в своих фальдрикерах[34].

В Картахену они приехали даже скорее, чем сами хотели, ибо жизнь на постоях привольна и разнообразна и почти ежедневно наталкиваешься там на вещи новые и приятные.

Они погрузились на четыре неаполитанские галеры, и тогда же Томас Родаха обратил внимание на своеобразную жизнь этих морских домов, где большую часть времени донимают клопы, обворовывают каторжники, злят матросы, грызут мыши и истомляет качка. Его очень напугали сильные штормы и бури, особенно же в Лионском заливе, и было их две: одна прибила их к Корсике, а другая отбросила обратно в Тулон, во Францию.

Наконец, невыспавшиеся, мокрые, с кругами под глазами, прибыли они в красивый и чудесный город Геную. Высадившись в ее искусно построенной гавани, все сходили в церковь, а после этого капитан со своими товарищами отправился в харчевню, где прошедшие бури были преданы забвению и где помнили только о настоящем. Там узнали они нежность Требианского[35], достоинство Монте Фрасконе, крепость Асперино, благородство двух «греков» – Кандии и Сомы, доблесть Пятилозного, сладость и приятность сеньоры «Гуарначи», грубоватость Чентолы, причем среди всех этих сеньоров даже показаться не смело убогое Романеско.

Произведя смотр такому множеству самых разнообразных вин, хозяин предложил еще выставить, и не только напоказ, а в чистом и беспримесном виде, Мадригаль, Коку, Алаэхос и Империаль[36], то бишь Реаль Сьюдад, подлинное убежище бога смеха; он включил сюда также Эскивью, Аланис, Касалью, Гуадальканаль и Мембрилью, не позабыв ни Рибадавии, ни Дескаргамарии. Одним словом, хозяин назвал и подал им столько вин, сколько не сыщешь и в погребах самого Бахуса.

Простодушного Томаса очень поразили белокурые волосы генуэзок, лихая и бравая внешность мужчин, замечательная красота города, дома которого были, казалось, вставлены в скалы, подобно алмазам, оправленным в чистое золото.

На другой день высадились на берег все полки, которым

надлежало отбыть в Пьемонт; но Томас наметил себе другой путь, имея в виду из Генуи проехать сухим путем в Рим и в Неаполь; утвердившись в своем решении, он пообещал капитану, что после посещения великой Венеции и Лорето он приедет в Милан и Пьемонт, где и разыщет капитана Вальдивью, если только его не отправят с полком во Фландрию, как о том тогда поговаривали.

Два дня спустя Томас расстался с капитаном, а через пять дней прибыл во Флоренцию, заглянув предварительно в Лукку, город небольшой, но отлично построенный, где лучше, чем в остальных местностях Италии, принимают и потчуют испанцев. Флоренция ему чрезвычайно понравилась как своим выгодным местоположением, так и своей нарядностью, пышностью зданий, прохладной рекой и приятными улицами. Он провел в ней четыре дня и немедленно отправился в Рим, царицу городов и владыку мира.

Он посетил его храмы, поклонился мощам и поразился его величию; и подобно тому как по когтям льва распознают его величину и свирепость, так и он заключил о громаде Рима по мраморным развалинам, по целым и разбитым статуям, по обрушившимся аркам и развалившимся, но великолепным портикам[37] и огромным амфитеатрам, по знаменитой и святой его реке, вечно наполняющей водой свои берега и освящающей их неисчислимыми мощами мучеников, нашедших в ней свою могилу; по мостам его, которые, казалось, переглядывались друг с другом, и по улицам, которые одним своим именем берут верх над всеми улицами других городов мира, – виа Аппия, виа Фламиния, виа Юлия и другие в этом же роде.

Не менее поразило его разделение холмов внутри города: Делийский, Квиринский, Ватиканский с четырьмя остальными, названия которых свидетельствуют об августейшем величии Рима. Он отметил также могущество коллегии кардиналов, величие первосвященника римского, стечение и разнообразие племен и народов.

Все это он рассмотрел, на все обратил внимание и все оценил как следует.

Совершив обход семи церквей, исповедавшись у великого исповедника и поцеловав ногу его святейшества, увешанный «агнусами» и четками, он решил съездить в Неаполь, а так как стояла жаркая пора, вредная и опасная для всех едущих в Рим и выезжающих из Рима, – если только они путешествуют сушей, – то наш странник отправился в Неаполь морем и к восхищению, оставшемуся от посещения Рима, прибавил восторг, вызванный видом Неаполя, города – по его и всех видевших Неаполь мнению – лучшего в Европе, да, пожалуй, и во всем мире.

Оттуда он поехал в Сицилию, где увидел Палермо, а затем и Мессину. Палермо ему понравился расположением и красотой, Мессина – гаванью, а весь остров – плодородием, за что его справедливо и верно называют житницей Италии.

Проехав еще раз через Неаполь и Рим, он отправился к Лоретской Богоматери, в святом храме которой нельзя было рассмотреть ни перегородок, ни стен, ибо все они были увешаны костылями, саванами, цепями, кандалами, поручнями, париками, восковыми бюстами, поясными портретами и иконами, ясно свидетельствовавшими о бесчисленных милостях, полученных многими людьми от руки Господа по заступничеству его Божественной матери, которая захотела возвеличить и прославить святой и преславный свой образ множеством чудес, в награду за почитание, оказываемое теми, кто украсил подобным пологом стены ее храма.

Он увидел также ту горницу или покой, где состоялось высочайшее и наиважнейшее из всех посольств, которое созерцали, но не уразумели все небеса, все ангелы и все жители вековечных жилищ.

Оттуда, сев на корабль в Анконе, он выехал в Венецию, город, которому – не родись на свет Божий Колумб – во всем мире не сыскалось бы равного. Возблагодарим же небо и великого Эрнандо Кортеса, завоевавшего великий Мехико, дабы великой Венеции было, так сказать, с кем соперничать!

Оба эти знаменитых города сходны улицами, которые все из воды, причем европейский город является чудом всего Старого, а американский – всего Нового Света!

У Томаса осталось впечатление, что богатства Венеции безмерны, правительство ее – разумно, местоположение – неприступно, изобилие всего – превеликое, окрестности – веселые; одним словом – вся она сама по себе и в частях своих достойна славы, превозносящей ее достоинства во всех концах света; причем особое основание верить этой истине дает ее знаменитый Арсенал, иначе говоря – место, где сооружаются галеры и несчетное количество других судов.

Утехи и развлечения, полученные в Венеции нашим любознательным путником, мало чем уступали чарам Калипсо[38], ибо они едва не заставили его забыть о своем первоначальном намерении.

Однако, пробыв там месяц, через Феррару, Парму и Плаченцу он проследовал в Милан – кузницу Вулкана, предмет зависти французского королевства, город, про который, во всяком случае, можно сказать, что он «всем взял»: ибо громада его и тамошнего собора, а также удивительное изобилие всего необходимого для

жизни делают его великолепным.

Оттуда он отбыл в Асти и приехал в такое время, что на следующий день его полк выступал во Фландрию. Он был отлично встречен другом своим капитаном и в качестве его спутника и товарища отправился во Фландрию и прибыл в Антверпен, город, поражающий не менее, чем города Италии.

Он осмотрел Гент и Брюссель и увидел, что вся страна готовится к войне, собираясь выступить в поход следующим летом.

Удовлетворив таким образом свое желание посмотреть чужие страны, Томас решил возвратиться в Испанию и закончить в Саламанке свое ученье. Сказано – сделано, и он собрался в путь, к величайшему огорчению своего товарища, который во время расставания просил друга известить его о своем здоровье, прибытии и делах.

Пообещав исполнить его желание, Томас через Францию возвратился к себе в Испанию, не повидав Парижа, потому что он был охвачен войной.

И вот он снова в Саламанке, где его очень хорошо встретили друзья, и благодаря заботам, которыми они его окружили, он продолжал свои занятия и получил степень лиценциата прав.

Случилось, что в это время приехала в этот город одна весьма искушенная в своем деле жрица любви.

На эту приманку и пищик поспешили пташки со всей округи, и не было такого vademecum[39], который не навестил бы даму. Томасу передали, что дама эта бывала в Италии и во Фландрии. Он явился к ней посмотреть, не знакомая ли. После этого посещения и встречи выяснилось, что она влюбилась в Томаса, а он не обратил на нее внимания и – если товарищи его насильно не приводили – не желал даже заходить к ней в дом. Под конец она открыла ему свое сердце и предложила свои богатства. А так как он гораздо больше тяготел к книгам, чем к каким бы то ни было развлечениям, он не ответил вовсе на желанья сеньоры. Увидев, что ею пренебрегают и, по-видимому, даже гнушаются и что обычными и естественными средствами нельзя было сломить каменной воли Томаса, куртизанка решила изыскать иные приемы, на ее взгляд более действенные и достаточные для осуществления своих желаний. И вот, по совету одной крещеной мавританки, она дала Томасу в толедском мембрильо[40] какого-то приворотного зелья, думая, что дает средство, способное склонить его волю к любви. Но увы! – на свете не существует ни трав, ни заговоров, ни слов, влияющих на свободу нашей воли, а потому все женщины, прибегающие к любовным питьям и яствам, являются просто-напросто отравительницами, ибо на самом-то

деле оказывается, что люди, попадающиеся на эту удочку, неизменно получают яд, как то подтвердил опыт во множестве отдельных случаев.

В недобрый час съел Томас этот мембрильо, ибо сейчас же стало ему сводить руки и ноги, как у больных родимчиком. Он провел несколько часов, не приходя в сознание, по истечении которых стал как обалделый и, заикаясь, заплетающимся языком рассказал, что его погубил съеденный им мембрильо, причем указал того, кто его ему дал.

Власти, узнав о случившемся, отправились разыскивать злодейку; а та, увидев, что дело плохо, скрылась в надежное место и никогда уже больше не появлялась.

Шесть месяцев пролежал Томас в постели и за это время иссох и обратился, как говорят, «в одни кожу да кости»; по всему было видно, что все чувства у него не в порядке, и хотя ему была оказана всяческая помощь, его вылечили только от болезни тела, а не от повреждения разума: после выздоровления он остался все же сумасшедшим, причем сумасшествие это было одним из самых удивительных.

Несчастный вообразил, что он сделан из стекла, а потому, когда к нему подходили, кричал страшным голосом, прося и умоляя вполне разумными словами и доводами к нему не приближаться, иначе он разобьется, ибо он действительно и на самом деле был не как все люди, а от головы до пят из стекла.

Дабы вывести его из этого странного заблуждения, многие, невзирая на крики и моления, подскакивали и обнимали его, прося убедиться и посмотреть, что он не разбивается.

Однако добивались они этим только того, что бедняга бросался на землю, испуская бесконечные крики, и немедленно впадал в забытье, продолжающееся часа по четыре, а когда приходил в себя, то снова начинал свои просьбы в другой раз к нему не подходить.

Он предлагал разговаривать с ним издалека и задавать ему любые вопросы: он, мол, на все ответит, так как сделан не из мяса, а из стекла – а в стекле, веществе тонком и хрупком, душа работает гораздо быстрее и лучше, чем в теле, землистом и тяжелом.

Некоторые пожелали проверить, правду ли он говорит, и стали задавать ему вопросы относительно многих трудных предметов, на что он отвечал охотно и чрезвычайно находчиво, – обстоятельство, вызывавшее удивление у самых ученых университетских людей и у преподавателей медицины и философии, видевших, что человек, страдающий поразительным помешательством и воображающий себя стеклянным, обладает

столь тонким разумом, что остро и точно отвечает на каждый вопрос.

Томас попросил подарить ему чехол, чтобы облечь в него хрупкий сосуд своего тела: он боялся, что узкая одежда его искалечит; ему дали серое одеяние и очень широкую рубаху, которую он надел с большой осторожностью и опоясался веревкой из хлопка; башмаков он не пожелал вовсе.

Для того чтобы получать пищу с значительного расстояния, он завел такой порядок: к концу палки он прикреплял соломенный футляр для урыльника, в который клали какие-нибудь плоды, бывающие в данное время года, – ни мяса, ни рыбы он не любил, пил только из ручья или реки и то рукой; а когда шел по улице, то всегда держался середины и косился на крыши, опасаясь, как бы сверху случайно не свалилась черепица и не разбила его.

Летом он спал в поле, под открытым небом, зимой забирался на постоялый двор и зарывался на сеновале по горло, говоря, что это самое подходящее и надежное ложе, которое могут пожелать для себя стеклянные люди. Когда гремел гром, он дрожал, как человек, отравленный ртутью, убегал в поле и не возвращался в город до окончания грозы.

Долгое время друзья держали его под замком; однако, видя, что болезнь не проходит, уступили его просьбам и разрешили ему ходить на свободе. Очутившись на воле, он стал бродить по городу, вызывая удивление и жалость у всех тех, кто его знал.

Сейчас же его обступили мальчишки; однако он сдерживал их палкой и просил разговаривать с ним издали, чтобы не разбить его, так как, будучи стеклянным, он, мол, весьма нежен и хрупок. Мальчишки, самый проказливый народ на свете, несмотря на его просьбы и крики, стали бросать в него тряпками и даже камнями, желая удостовериться, действительно ли он стеклянный или нет. Однако несчастный так кричал и доходил до таких крайностей, что прохожие невольно принимались бранить мальчишек и приказывали им больше не бросать. Впрочем, однажды, когда его особенно доняли, он обернулся и сказал:

– Мальчишки, что вам от меня нужно?.. У, назойливые мухи, грязные клопы, блохи нахальные! Или я, по-вашему, Черепичная гора в Риме, чтобы бросать в меня столько черепков и черепицы?

Слушая, как он бранится и всем отвечает, за ним следовала всегда толпа народу, и ребятишки сочли за лучшее слушать его и не швыряться.

Когда он проходил однажды по лоскутному ряду Саламанки, к нему обратилась одна продавщица платья:

– Вот вам крест святой, сеньор лиценциат, у меня душа

болит, глядя на ваше несчастие. Только что поделаешь: плакать не могу!

Тот повернулся к ней и мерно проговорил:

– «Filiae Hierusalem, plorate super vos et super filios vestros»[41].

Муж тряпичницы понял соль этого ответа и воскликнул:

– Друг мой, лиценциат Видриера[42] (это имя сочинил для себя безумный), да вы, я вижу, скорее плут, чем сумасшедший!

– А мне это все равно, лишь бы я только дураком не был, – отрезал тот.

Проходил он как-то мимо злачного заведения, сиречь публичного дома; увидев, что у дверей стоит множество его обитательниц, он заметил, что это – лошадки из армии самого сатаны, сделавшие привал на адском постоялом дворе.

Некто спросил его, какой совет или какое утешение может он дать его другу, весьма огорченному тем, что жена его убежала с другим. На это Видриера ответил:

– Скажи ему, чтобы он возблагодарил Господа за позволение удалить из дому врага своего.

– Значит, и искать не нужно? – спросил собеседник.

– Ни под каким видом, – сказал Видриера, – найти ее – значило бы найти вечного и неподкупного свидетеля своего позора.

– Допустим, что это так, – сказал тот. – А что мне делать, чтобы жить в мире с женой?

И получил ответ:

– Предоставь ей все, что ей надо, и позволь ей командовать над всеми домашними; не допускай только, чтобы она тобой командовала.

Один мальчик ему сказал:

– Сеньор лиценциат, я хочу удрать от отца: он все время меня сечет.

Видриера ответил:

– Запомни, дитя, что отцовская розга – еще не бесчестье, а вот розга палача – та действительно позорит.

Стоя как-то у церковных дверей, Видриера увидел, что мимо проходит крестьянин из числа вечно похваляющихся своим «старинным христианством», а следом за ним идет другой, не имевший столь лестной славы; поглядев на них, лиценциат громко крикнул крестьянину:

– Эй, воскресенье, посторонись: дай место субботе!

О школьных учителях он говорил, что они счастливы уже потому, что всегда имеют дело с прелестными ангелами, и могли бы стать еще счастливее, если бы ангелочки эти не были сопливы.

Некто спросил, каково его мнение о сводницах. Он ответил,

что сводничают обыкновенно не чужие, а свои же знакомые.

Слух о его безумии, ответах и остроумных словцах разнесся по всей Кастилье и дошел до одного вельможи и важного сеньора, проживавшего в столице и пожелавшего с ним поближе познакомиться. Он обратился к знакомому кабальеро, своему другу, жителю Саламанки, прося препроводить к нему чудака. Повстречав однажды нашего героя, тот сказал:

– Вы знаете, сеньор лиценциат, одно видное лицо в столице желает вас видеть и приглашает вас к себе.

На это Видриера ответил:

– Простите меня, ваша честь, но для дворца я не гожусь: я человек робкий и льстить никому не умею.

Тем не менее кабальеро удалось отправить его в столицу с помощью следующей хитрости: он поместил чудака в одну из двойных корзин, в каких обычно перевозят стекло, наполнив для равновесия вторую ее половину камнями и подложив в солому несколько стеклянных вещей, чем дал Видриере понять, что его перевозят как стеклянный сосуд. Прибытие в Вальядолид состоялось ночью. Из корзины Видриеру выгрузили в дом сеньора, пославшего за ним. Тот его ласково встретил и сказал:

– Добро пожаловать, сеньор лиценциат! Как вы чувствовали себя в пути? Как ваше здоровье?

– Всякая дорога хороша, когда она оканчивается, кроме разве дороги на виселицу. Состояние моего здоровья всегда среднее, ибо шалости пульса и мозга у меня как-то уравновешиваются.

На следующий день, увидев великое множество соколов, кречетов и других ловчих птиц, сидевших на своих насестах, он сказал, что для каждого вельможи и знатного сеньора соколиная охота, несомненно, является самым подходящим на свете занятием, но тем не менее им следует помнить, что в этом деле расход превышает приход по крайней мере в две тысячи раз. Травить зайцев, по его мнению, тоже очень занятно, но особенно хорошо это выходит, когда борзых вам ссужает сосед.

Кабальеро пришлось по вкусу такое безумие, и он позволил своему гостю ходить по городу под надзором и охраной человека, следившего за тем, чтобы его не обижали мальчишки. Эти последние и вся столица узнали его в шесть дней, и на каждой улице, на каждом шагу и углу приходилось ему отвечать на вопросы прохожих.

Между прочим, один студент спросил его, не поэт ли он: юноша, видимо, решил, что Видриера на все руки мастер. И вот какой он услышал ответ:

– До сих пор я не был ни настолько глуп, ни настолько счастлив.

– Не понимаю, при чем тут глупость и счастье, – заметил студент.

Видриера объяснил:

– Я не настолько глуп, чтобы сделаться плохим поэтом, но и не настолько счастлив, чтобы удостоиться чести быть хорошим.

Другой студент спросил, какого он мнения о поэтах.

– Искусство их я ценю высоко, – сказал он, – а самих поэтов ни в грош не ставлю.

– А почему? – спросили его.

– Да потому, что среди бесчисленного полчища поэтов хороших так мало, что и считать нечего; а потому и уважаю я их так, как если бы их вовсе не было! Но зато я весьма уважаю и почитаю поэтическую науку, включающую в себя все остальные науки: ибо всеми ими она пользуется и всеми себя украшает, отделывая и выпуская в свет свои чудесные создания, наполняющие весь мир пользой, восторгом и удивлением.

И прибавил далее:

– Я отлично знаю, какую высокую цену имеет хороший поэт. <…> Отнюдь не забываю я также о том, что это избранные натуры, ибо Платон величает их толкователями воли богов. <…> Все это сказано про хороших поэтов, а про плохих, про стихоплетов, только и можно сказать, что они – воплощенное самомнение и невежество.

Он прибавил еще:

– Очень советую вам поглядеть на одного из так называемых «прирожденных» поэтов, когда он желает прочесть своим слушателям сонет и поэтому испрашивает сначала разрешения: «Не прослушают ли сеньоры один сонетик, который я случайно сочинил вчерашнею ночью? На мой взгляд, он ничего, конечно, не стоит, но все-таки не лишен некоторой прелести»; при этом он кривит губы, сдвигает дугою брови, копается в фальдрикере и из тысячи разных засаленных и изорванных бумажонок, исписанных целой тысячью сонетов, извлекает, наконец, ту, которую хочет прочесть, и оглашает свой сонет медоточивым и сахарным голосом. Если случится, что слушатели по лукавству или по глупости его не похвалят, он заявляет: «Или вы, господа, не поняли моего сонета, или я плохо его прочел, а поэтому давайте повторим чтение еще раз; прошу слушателей уделить ему больше внимания, ибо сонет, клянусь честью, этого стоит!» И после этого снова начинается исполнение, с новыми жестами и новыми паузами.

А посмотрите, как они критикуют друг друга! Какими словами заклеймить лай современных щенят на древних и важных псов? Что сказать про хулителей знаменитых и редких

людей, озаренных светом самой подлинной поэзии, в которой они находят облегчение и отраду среди многочисленных и серьезных своих трудов, блистая божественностью своего дарования и высотой мысли, наперекор и вопреки величавому невежде, рассуждающему о вещах, которых он не знает, и презирающему то, чего он не понимает? Что скажешь про человека, расписывающегося в своем уважении и преклонении перед глупостью, занимающей место под балдахином, и перед невежеством, восседающим у трона?

В другой раз его спросили: «По какой причине поэты, по большей части, бывают бедными?»

– А потому, что сами хотят, – отвечал Видриера, – ведь богатства сами плывут к ним в руки, и им следовало бы только использовать то, что у них каждую минуту находится перед глазами. Ведь они только и делают, что воспевают дам, буквально заваленных всякими богатствами: ибо волосы у них – из золота, лоб – из сверкающего серебра, глаза – из зеленого изумруда, зубы – из слоновой кости, губы – из коралла, шея – из прозрачного хрусталя; дамы эти плачут жидким жемчугом, а почва, по которой они ступают, будь она даже совсем сухая и бесплодная, мгновенно порождает жасмины и розы; дыхание их – чистейшая амбра[43] и мускус. А все эти вещи неопровержимо и ясно указывают на большое богатство.

Наряду с этим еще много других вещей говорил Видриера относительно плохих поэтов; о хороших же он всегда отзывался хорошо и превозносил превыше рогов луны.

Однажды на паперти церкви св. Франсиска он увидел несколько картин, писанных неумелой рукой, и высказал, что хороший художник природу «бережет», а плохой на нее блюет. В другой день он, приняв большие предосторожности, чтобы не разбиться, подошел к книжной лавке и сказал:

– Ремесло это мне очень по вкусу, не будь в нем, однако, одной заковырки.

Книгопродавец попросил сказать, какой именно. Тот ответил:

– А вот всех тех выкрутасов, которые вы проделываете, покупая у автора права на книгу, да еще ваших издевательств над ним в случае, если он печатает книгу на свой счет, так как вместо тысячи пятисот экземпляров вы печатаете три тысячи, и когда писатель думает, что в продажу поступают его книги, на самом деле продаются чужие.

Случилось так, что в этот же самый день на площадь были выведены шесть наказанных плетьми преступников, и когда глашатай выкликнул: «Тот, кто впереди – вор!» – Видриера закричал соседям, за спинами которых стоял:

– Отойдите в сторону: ведь счет могут начать с кого-нибудь из вас!

А когда глашатай крикнул: «А этот задний…» – лиценциат сказал:

– Этот сеньор удивительно похож на «казенную часть» наших ребятишек.

Один мальчик сказал ему:

– Дружок Видриера, завтра будут сечь розгами сводника!

– Если бы ты сказал «сводницу», – ответил тот, – я мог бы подумать, что речь идет о… карете.

Стоявший поблизости носильщик ручных возков спросил:

– А про нас, сеньор лиценциат, вы ничего не скажете?

– Могу сказать только то, – ответил Видриера, – что каждому из вас известно столько грехов, что ни одному исповеднику за вами не угнаться, но в то время как исповедники хранят свое знание в тайне, вы разносите его по всем тавернам.

Эти слова были услышаны погонщиком мулов (его постоянно окружали разного рода люди), который тоже полюбопытствовал:

– Ну, про нас, сеньор Графин, вы, наверное, ни единого слова не скажете: мы – люди порядочные и государству крайне необходимые.

На это Видриера заметил:

– По хозяину и слуга честен: скажи нам, кому ты служишь, и тогда сразу обнаружится, достоин ли ты почета. Вы, проводники, самые гнусные из всех тварей, живущих на свете. Однажды, когда я не был еще стеклянным, я сделал дневной перегон на наемном муле, и он оказался таким, что я в нем насчитал не менее ста двадцати недостатков, и притом крайне опасных и гибельных для рода человеческого. Все погонщики мулов – если не головорезы, то воры, а кроме того, еще и шуты гороховые: если их хозяева (так они величают своих седоков) – люди тихие, они подстраивают им столько каверз, сколько их у нас в городе за все минувшие годы не бывало; если это иностранцы, они их грабят; если студенты – проклинают; если монахи – чертыхаются; если солдаты – то дрожат и трепещут. Эти последние, а также матросы, ямщики и возчики кладей ведут самое странное и только одним им свойственное существование: ямщики большую часть своей жизни проводят на пространстве в полтора аршина, так как вряд ли можно больше насчитать от хомута до кузова телеги; одна половина времени у них уходит на пение, другая половина – на брань, все остальные свободные минуты – на орание: «осади назад!», а если паче чаяния у них хватит досуга на то, чтобы вытащить из грязи колеса, то они охотнее прибегнут к помощи пары «проклятых дьяволов», чем к тройке мулов.

Матросы – народ безбожный и грубый; для них понятен только тот язык, которым пользуются на корабле. В хорошую погоду они прилежны, а во время шквала – лентяи; когда бывает буря, все они охотники командовать, а исполнять приказания не любят; у них один бог на свете: это – сундук и общий котел, а любимейшее их занятие – наблюдать, как укачивает пассажиров.

Возчики кладей – это существа, которые терпеть не могут простынь и кладут с собой спать только седла да сбрую; они всегда так усердствуют и так спешат, что душу свою погубят, а до перегона доедут вовремя; самой сладкой музыкой для них являются звуки ступки, приправой для всего – голод; утреня для них состоит в том, чтобы, вставши от сна, задать скоту корм, а месса – в том, чтобы ее вовсе не слушать.

Всю эту речь Видриера произнес у самого входа в лавку одного аптекаря; повернувшись к хозяину, он вдруг сказал:

– Ремесло ваше могло бы принести великую пользу, не будь вы заклятым врагом своих ламп.

– Да какой же я враг своих ламп? – спросил аптекарь.

– Дело в том, – ответил Видриера, – что, когда у вас не хватает какого-нибудь масла, вы заменяете его маслом от лампы, которая находится под рукой. А кроме того, ваше ремесло обладает еще одним свойством, способным подорвать славу самого искусного врача на свете.

В ответ на расспросы собеседника он рассказал историю про аптекаря, не имевшего смелости сознаться, что у него в лавке не было снадобий, которые прописывал доктор; вследствие этого он вместо одного средства клал какое-нибудь другое, обладавшее, по его мнению, теми же самыми свойствами и качествами; на самом же деле это было не так, и его негодная стряпня оказывала действие прямо обратное тому, которое должно было произвести правильно прописанное лекарство.

Некто спросил его, какого он мнения о врачах, и получил ответ:

– «Honora medicum propter necessitatem, et enim creavit eum altissimus. A deo enim est omnis medela, et a rege accipiet donationem. Disciplina medici exaltavit caput illius, et in conspectu magnatum collaudabitur. Altissimus de terra creavit medicinam, et vir prudens non abhorrebit illam»[44].

Так говорит Экклезиаст о медицине и хороших врачах; о плохих же следовало бы сказать совсем обратное, ибо они самые опасные люди для государства. В самом деле, судья может извратить или затянуть судопроизводство; стряпчий – поддержать из-за собственной выгоды несправедливое домогательство; купец – обобрать нас до нитки, одним словом, все лица, с коими мы по

необходимости ведем свои дела, могут причинить нам известное зло, но никто не имеет права безнаказанно и со спокойным сердцем лишить нас жизни. Одни только врачи могут убивать и убивают нас, не испытывая ни страха, ни сокрушения, не обнажая при этом никакого меча, кроме меча рецепта: мало того – их преступления никогда не открываются, ибо пострадавших сию же минуту зарывают в землю!..

Помню, что, когда я был еще человеком из мяса, а не из стекла, как теперь, один лекарь получил однажды отказ от больного, который перешел лечиться к другому врачу; несколько дней спустя лекарь удосужился зайти в аптеку, куда посылал свои рецепты его соперник, и справился у аптекаря, как здоровье покинутого и не прописал ли ему новый врач какого-нибудь слабительного. Аптекарь ответил, что у него есть рецепт слабительного, которое больной должен принять на следующий день; тот попросил показать и, увидев, что в конце рецепта стояло: sumat diluculo[45], сказал: «Все, что входит в состав слабительного, я одобряю, кроме этого diluculo, которое вызывает в теле неумеренную влагу».

Все эти и другие замечания по поводу разных ремесел и занятий были причиной того, что за чудаком всегда ходили люди, не причинявшие ему особенного зла, но зато и не оставлявшие его в покое; тем не менее он едва ли сумел бы защитить себя от мальчишек без охраны приставленного к нему сторожа.

Кто-то задал вопрос: «Что нужно делать, чтобы никому не завидовать?»

Видриера сказал:

– Спать; ибо до тех пор, пока не кончится твой сон, ты будешь ничем не хуже предмета своей зависти.

Другой спросил, как бы ему поудобней подъехать к должности комиссара[46], которой он добивается уже два года. Видриера посоветовал:

– Сядь на коня, высмотри человека, исполняющего эту должность, и постарайся прокатиться с ним рядом; вот тогда ты и подъедешь к цели своих желаний.

Случилось как-то, что мимо того места, где стоял Видриера, проехал следственный судья, отправлявшийся на уголовное дело в сопровождении толпы людей и двух альгвасилов[47].

Лиценциат спросил, кто это такой. Когда ему объяснили, он сказал:

– Бьюсь об заклад, что в груди у этого судьи копошатся гадюки, в чернильнице припрятаны пистолеты, а в руках находятся молнии, заготовленные для того, дабы разнести в пух и прах все, имеющее касательство к делу. Был у меня, помнится,

один друг, тоже судья, который разбирал порученное ему уголовное дело и произнес исключительно строгий приговор, на много каратов перевесивший виновность преступников. Я спросил его, зачем он вынес столь беспощадное и явно несправедливое решение. И услыхал в ответ, что он хотел облегчить апелляцию и предоставить вместе с тем членам совета полную свободу проявить свое милосердие, смягчив суровый приговор и ограничившись разумным взысканием. Я заметил ему, что было бы правильней произнести приговор таким образом, чтобы, не задавая советникам лишней работы, приобрести славу искусного и справедливого судьи.

В толпе слушателей, которые, как было сказано выше, всегда окружали безумца, находился один его знакомый, одетый в костюм ученого. Кто-то назвал его «сеньор лиценциат». Видриере было известно, что у этого человека нет даже степени бакалавра, а потому он сказал ему:

– Оберегай, дружище, свой титул от встречи с монахами, выкупающими пленных: отберут они его у тебя как бродягу!

На это его знакомый заметил:

– Не будем ссориться, сеньор Видриера; ведь вы же отлично знаете, что я человек высокой и глубокой учености.

Видриера вставил:

– Я знаю только то, что в отношении наук вы – Тантал, ибо по высоте своей они от вас ускользают, а по глубине своей – для вас недоступны.

Как-то раз, стоя близ лавки портного, он увидел, что тот сидит сложа руки, и сказал ему:

– Поистине, сеньор маэстро, вы скоро сподобитесь святости.

– А откуда это видно? – спросил портной.

– Откуда видно? – переспросил Видриера. – Да раз вы ничего не делаете, то, значит, и обманывать никого не будете! – И затем прибавил: – Плох тот портной, который не обманывает и работает в праздники! Удивительное дело! Среди всех людей портновского звания вряд ли найдется один, умеющий сшить костюм «по праведному», а у остальных все костюмы выходят великими «грешниками»!

О сапожниках он говорил:

– Неудачных сапог они не шьют никогда: если на примерке сапог оказывается узким и тесным, то так и следует: щеголи ведь всегда носят обувь по мерке; а кроме того, стоит в обуви походить два часа, и она сделается шире, чем лапти; если же сапог оказывается широким, то и тогда они уверяют, что так, собственно, и должно быть, ибо каждому следует помнить о подагре.

Один бойкий молодой человек, служивший в областном управлении, страшно донимал Видриеру вопросами и расспросами и сообщал ему новости, ходившие по городу, так как лиценциат обо всем рассуждал и на все давал ответы. Сказал он ему как-то:

– Видриера, сегодня ночью в тюрьме отошел в лучшую жизнь ростовщик, осужденный на виселицу.

Тот ответил:

– И отлично сделал, что отошел, а попадись он в руки палача, пришлось бы ему лететь туда по воздуху.

На паперти церкви св. Франсиска собралось несколько генуэзцев, и, когда герой наш проходил мимо, один из них окликнул его и сказал:

– Пожалуйте сюда, сеньор Видриера; расскажите нам какие-нибудь анекдоты.

– Не хочу, – возразил тот, – а то вы их сию же минуту отправите в Геную!

Повстречал он однажды какую-то купчиху, впереди которой шла ее дочка, очень некрасивая, но пышно разодетая и осыпанная драгоценными камнями и жемчугом, и обратился к матери с такими словами:

– Как хорошо вы сделали, что ее вымостили: теперь ее рытвины и ухабы как рукой сняло!

Про пирожников он говорил, что они уже много лет безнаказанно развлекают себя игрой «в двойную ставку»: пирог, стоящий два мараведиса, продается у них за четыре; тот, что стоит четыре, – за восемь мараведисов, а тот, что стоит восемь, – за полреала, и все это делается по их собственному почину и усмотрению.

Содержателей кукольных театров он всячески поносил и при этом указывал, что они не только бродяги, но к тому же еще крайне легкомысленно обращаются с вещами божественными, ибо куклы, которые они показывают в своих ящиках, вместо набожных чувств возбуждают у зрителя смех. Случается, что, свалив в один мешок все фигуры Ветхого и Нового Завета, они садятся на них сверху, когда едят и пьют в кабаках и харчевнях; одним словом, можно только удивляться, почему власти не заставят умолкнуть на веки вечные все эти кукольные ящики и почему этих бродяг не выгонят из государства.

Мимо того места, где стоял Видриера, однажды прошел актер, одетый, как какой-нибудь князь. Видриера посмотрел на него и сказал:

– Помнится, я видел его на сцене с лицом, намазанным мукой, и в тулупе мехом наружу; за всем тем, однако, вне

подмостков он всегда клянется честью идальго.

– Должно быть, он и есть дворянин, – вставил кто-то, – среди актеров часто попадаются люди хорошего рода и идальго.

– Это правда, – ответил Видриера, – хотя кому какое дело в театре до благородного происхождения? Там нужно быть статным, пригожим и обладать свободною речью! А вообще актеры в поте лица и с великим трудом зарабатывают свой хлеб: они всегда должны много учить наизусть, подобно цыганам они постоянно скитаются из одного селения в другое, из гостиницы на постоялый двор, мучая себя из-за чужого удовольствия, так как благополучие их зависит от угождения вкусу публики; а кроме того, ремесло их таково, что не заключает в себе никакого обмана, ибо они ежеминутно выносят свой товар на народную площадь, и всякий его видит и о нем судит. Содержатели трупп тоже трудятся до изнеможения: хлопоты их неисчислимы, ибо они обязаны всегда много зарабатывать, дабы к концу года не залезать в такие долги, из-за которых кредиторы вчиняют иски. А в заключение скажу, что актеры так же необходимы в государстве, как леса, рощи, приятные глазу виды и все вообще предметы, доставляющие нам благородное развлечение.

Он привел еще мнение одного своего знакомого, утверждавшего, что человек, ухаживающий за актрисой, ухаживает в ее лице сразу за многими дамами, а именно: за королевой, нимфой, богиней, судомойкой, пастушкой, а бывает, что и за пажом и лакеем, ибо все эти и еще другие роли исполняют обыкновенно женщины. <…>

О фехтовальщиках он однажды заметил, что они учат такой науке или искусству, которых они, когда нужно, сами не знают; а происходит это потому, что, ослепленные собственной самоуверенностью, они хотят свести к математическим доказательствам – по существу своему непогрешимым – гневные движения и мысли своих противников.

Совершенно исключительную неприязнь Видриера испытывал к людям, красящим себе бороду. Однажды перед ним заспорили два человека, один из которых был португалец; этот последний, обращаясь к испанцу, сказал, схватив себя за сильно накрашенную бороду:

– Pór istas barbas que tenho no rostro![48]

Видриера вмешался и посоветовал:

– Olhay, homen, nâo digais tenho, sino tinho[49].

У другого прохожего борода от плохой краски стала словно из яшмы: вся разноцветная. Ему Видриера сказал, что борода его красотой своей не уступит нежной навозной куче. У третьего борода была наполовину черная, наполовину белая, так как по

небрежности он забывал подкрашивать новые волосы. Этому Видриера строго-настрого наказал ни с кем не ругаться и не ссориться, так как у него есть все данные, чтобы получить «подлеца» в самую середину своей великолепной бороды.

Однажды он рассказал историю о том, как одна смышленая и неглупая девушка, исполняя волю родителей, дала согласие на брак с седым стариком, который в ночь накануне брака вздумал омыться, но не в Иордане, – как любят выражаться старушки, – а в сосуде с острой водкой и серебром, и так подмолодил себе бороду, что лег спать седым, как лунь, а проснулся чернее сажи.

Настало время обручения: «по крапу и по рубашке» девица сразу догадалась, какого рода перед нею «фигура», а потому заявила родителям, что никогда другого жениха, кроме того, которого ей показывали, она не желает. Те стали уверять, что именно его они ей и показывали как ее будущего мужа. Однако невеста заартачилась и привела свидетелей, удостоверивших, что прежний жених был почтенного вида и седой, как лунь, а нынешний – человек совсем иного обличья, ничего общего с первым не имеет и обманным образом выдает себя за жениха. Девица уперлась на своем, крашеный старец оскандалился, и брак был расстроен.

Дуэний[50] Видриера ненавидел в такой же мере, как и любителей крашеных бород. Он рассказывал чудеса про всякие их permafoy[51], про их накидки, похожие на саван, про их жеманство, прихоти и необычайную скаредность; они донельзя раздражали его своими вечными ссылками на нежность своего желудка и на головокружения, а заодно и своей речью, которую они пересыпают такими завитушками, каких даже у них на токах[52] не сыщешь; возмущался он также их никчемностью и невозможным привередничаньем.

Кто-то спросил:

– Что бы это значило, сеньор лиценциат, что вы, критикуя разные звания, ни разу не отозвались дурно о нотариусах? А ведь поговорить есть о чем!

Видриера ответил:

– Хоть я и стеклянный, но у меня все-таки хватает твердости не признавать приговоров толпы, сплошь и рядом оказывающихся ошибочными. Мне думается, что для сплетников нотариусы являются чем-то вроде азов, с которых они всегда начинают, или той руладой, которую пускают вначале певцы, ибо, подобно тому как без азов нельзя осилить никакую науку, а певцу без рулады нельзя начать свою песнь, так и сплетник, желающий показать свой язык, обязан бранить нотариусов, альгвасилов и прочих служителей правосудия. А между тем звание нотариуса таково,

что без него истине пришлось бы ходить по свету крадучись, пристыженной и посрамленной! <…> Нотариус – это общественный деятель, и без него судья не в состоянии исполнить как следует свои обязанности. Ни рабы, ни дети рабов никогда не могут сделаться нотариусами; ими бывают только свободные и законнорожденные граждане, не имеющие в крови примеси нечистой расы. Они присягают на тайну и верность и обязуются не составлять ростовщических записей, так что ни дружба, ни вражда, ни корысть, ни собственная невыгода не могут склонить их к недобросовестному и нехристианскому исполнению своего долга. А если звание это требует от своих носителей столь высоких качеств, то было бы странно предположить, что двадцать тысяч нотариусов, проживающих в Испании, угодили все как один человек в самые руки дьявола, точно они и впрямь его же поля ягода. Я в такую вещь никогда не поверю и не хочу, чтобы и другие верили! А в заключение еще раз повторю, что нотариусы – самые нужные люди в каждом благоустроенном государстве. Если же, взимая чрезмерно высокие пошлины, они и вправду творят неправду, то уже одно это обстоятельство может указать на спасительный выход и заставить их всегда быть настороже.

Относительно альгвасилов он заметил, что они волей-неволей всегда наживают себе врагов, ибо ремесло их состоит в том, чтобы хватать, ловить, вывозить чужое имущество, содержать людей под стражей и питаться на их счет. Он сурово осуждал нерадивость и невежество стряпчих и податных чиновников, сравнивая их с докторами, получающими плату независимо от того, поправится или не поправится их больной; совершенно так же ведут себя стряпчие и податные чиновники, которые живут себе припеваючи, не думая об исходе поручаемых их ведению дел.

Спросили его как-то, какие края ему больше нравятся. Он ответил, что скороплодные и урожайные.

– Вы меня не поняли, – возразил собеседник, – я спрашиваю вас о том, какой город лучше: Вальядолид или Мадрид?

Видриера сказал:

– В Мадриде хороши концы, а в Вальядолиде – середина.

– Не понимаю, – снова заметил собеседник. Чудак пояснил:

– В Мадриде – земля и небо, а в Вальядолиде – дома. Случилось лиценциату услышать, как один человек рассказывал другому о том, что жена его, переехав в Вальядолид, сразу же заболела. «Видно, новая земля ее «попробовала»!» – прибавил говоривший.

– Если жена ваша ревнивая, можно только пожалеть, почему ее земля сразу не съела! – вставил от себя Видриера.

О пеших почтарях и музыкантах он говаривал, что судьба и

надежды их весьма ограниченны, ибо первые достигают предела своих желаний, когда под ними взыграет конь, а вторые – когда они играют для особы короля.

О дамах, именуемых куртизанками, он отозвался в том смысле, что среди них гораздо легче встретить учтивую, чем здоровую.

Стоя как-то в церкви, он заметил, что там собираются хоронить старика, крестить ребенка и венчать женщину. Томас заметил, что церкви – это поля сражений, на которых гибнут старики, побеждают дети и справляют триумфы женщины.

Однажды его ужалила в шею оса. Видриера не решался стряхнуть ее, опасаясь разбиться, и горько жаловался на боль. Кто-то заметил при этом, что стеклянное тело никак не может страдать от укуса.

– Эта оса, наверное, сплетница, – сказал Видриера, – а язык и жало сплетника поражают не только стеклянные, но и бронзовые тела! <…>

Он говорил еще, что язык сплетника – все равно что орлиные перья: положите их рядом с перьями других птиц, и они сразу же начинают их щипать и сокрушать.

О содержателях игорных домов и картежниках он сообщал чрезвычайно занятные вещи. Он доказывал, что содержатели игорных домов – это явные лиходеи, ибо, требуя вперед долю с каждого банкомета, они заинтересованы в том, чтобы каждый из них поскорей проигрался и передал карты следующему, и тогда они опять наживаются на новом счастливце. Он отозвался с большой похвалой о выдержке одного игрока, который целую ночь только и делал, что проигрывал, и, несмотря на свой бурный и вспыльчивый нрав, он, опасаясь ухода противника, не проронил ни единого слова и мучился, как сатана.

Одновременно Видриера не скупился на похвалы хозяевам таких игорных домов, где не разрешаются никакие другие игры, кроме пикета и «польи»; несмотря на это, они медленно, но верно, никого не боясь и не попадаясь на замечание доносчикам, выручают к концу месяца гораздо больше прибыли, чем иные пройдохи, заводившие у себя игру в «эстакаду», «репроло», «семь взяток» и в «свои записи».

Одним словом, Видриера высказывал такие суждения, что, не будь всех этих криков при первой же попытке подойти к нему или протянуть к нему руку, не будь этого странного одеяния, ограничений в еде, забавной манеры пить, желания летом спать под открытым небом, а зимой – на сеновале (о чем выше было нами сказано и что явно свидетельствовало о его безумии), никто бы ни на минуту не усомнился в том, что лиценциат – один из

самых умных людей на свете.

Два года с небольшим продолжалась эта болезнь, а потом один монах ордена св. Иеронимо, с удивительным искусством и ловкостью учивший немых говорить и понимать чужую речь и излечивший людей от сумасшествия, сжалился над несчастным и, приступив к делу, успешно и полностью достиг своей цели, вернув бедняге прежнюю силу суждения, разум и связность мыслей. Убедившись в выздоровлении Видриеры, монах велел ему надеть платье юриста и возвратиться в столицу, дабы проявить там свой ум в таком же блеске, в каком он прежде проявлял свое безумие, заняться своим делом и стяжать себе этим славу. Видриера послушался совета и, переменив фамилию Родаха на Руэда, отправился в столицу.

Но едва он показался в городе, как сию же минуту его признали мальчишки. Увидев, что платье на нем совсем не похоже на прежнее, они не стали ни кричать, ни задавать вопросы, а только ходили за ним следом и спрашивали друг у друга: «Разве это не безумный Видриера? Нет, это он. Только теперь он – уже умный; а может быть, и нет, потому что сумасшедшие ходят и в плохих, и в хороших костюмах. Давайте спросим у него что-нибудь и разрешим наше сомнение!»

Лиценциат все это слышал, молчал и испытывал гораздо больше смущения и стыда, чем в то время, когда он был сумасшедшим.

Вслед за мальчуганами узнали его и взрослые; не успел он дойти до площади Совета, как за спиной его собралось свыше двухсот человек самых разнообразных званий.

С таким количеством спутников, превосходившим аудиторию любого профессора, пришел он на площадь, где его окружили находившиеся там люди. Увидев вокруг себя целую толпу, он возвысил голос и сказал:

– Сеньоры! Я действительно лиценциат Видриера, но вместе с тем я отчасти и другое лицо, ибо теперь меня зовут лиценциат Руэда! Злоключения и несчастия, происходящие с нами по соизволению свыше, лишили меня разума; милосердный Господь помог мне обрести его вновь. Основываясь на суждениях, которые я высказывал во время безумия, вы легко можете заключить о том, что я могу сделать и сказать в здоровом состоянии. Я имею степень лиценциата прав, полученную в Саламанке, где я учился в большой бедности и вышел в лиценциаты вторым; это последнее обстоятельство ясно показывает, что не высокая поддержка, а способности вывели меня в ученые люди. Я приехал в столицу – это великое море – для того, чтобы сделаться стряпчим и жить трудами своих рук, но если вы будете ходить за

мной по пятам, я добуду и заработаю себе одну лишь погибель. Именем Божьим заклинаю вас, не превращайте свое следование в прямое преследование и не лишайте здорового человека куска хлеба, который он зарабатывал себе во время болезни.

Обращайтесь ко мне по всем вопросам, и если раньше вы меня спрашивали на площади, то теперь прошу пожаловать ко мне на дом, где вы без труда убедитесь в том, что человек, недурно отвечающий без подготовки, может ответить еще лучше, когда подумает.

Все его внимательно выслушали, и кое-кто отошел после этого в сторону. Когда он отправился домой, число его спутников несколько поубавилось.

На следующий день с ним произошло то же самое. Он произнес еще одну речь – и никакого толку. Проживал он много, а заработка не имел никакого. Увидев, что вскоре ему придется помирать с голоду, он решил покинуть столицу, уехать во Фландрию и применить там свои телесные силы, поскольку таланты его здесь никому не понадобились.

Он привел свой план в исполнение и, покидая столицу, сказал:

– О столица, столица! Ты делаешь своими баловнями наглых попрошаек и губишь людей скромных и достойных; ты на убой откармливаешь бесстыдных шутов и моришь голодом людей умных и застенчивых.

После этого он отправился во Фландрию, и вышло так, что вместо научной славы, о которой он вначале мечтал, он покрыл себя славой военной, отличившись под командой своего друга, капитана Вальдивьи, и оставив по себе память умного и доблестного солдата.

Вопросы и задания

1. Сравните новеллу Сервантеса с известными вам новеллами и попробуйте назвать ее особенности.

2. Охарактеризуйте композицию новеллы: как она помогает раскрыть образ главного героя.

3. Что привлекает слушателей лиценциата в его ответах на вопросы?

4. Объясните, для чего Сервантес рассказывает об излечении Видриеры, как его вылечивают и кто выступает в роли лекаря.

5. Сопоставьте двух лиценциатов (до и после

излечения): только ли болезненная мания различает их.

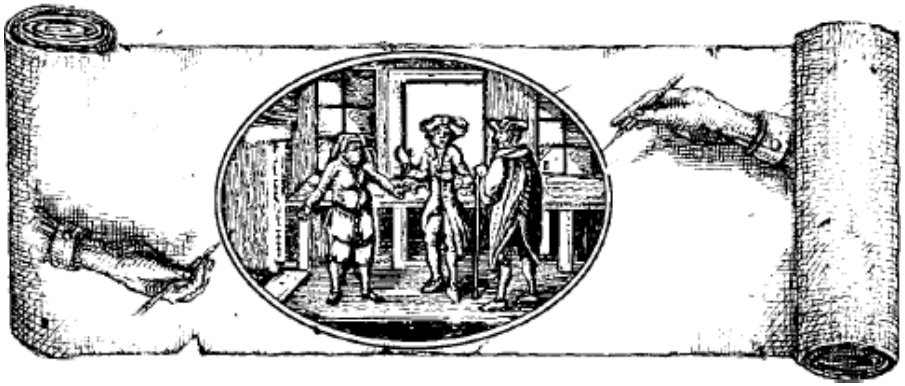
6. Назовите основные черты гуманистического идеала, проявившиеся в характере Видриеры.

7. Дайте характеристику описываемого Сервантесом общества, объясните, что в нем вызывает неприятие автора.

8. Как в этой новелле проявляется авторская позиция?

9. Выпишите из новеллы наиболее яркие художественные детали, с помощью которых создается мир этого произведения.

Изображение человека в литературе европейского классицизма XVII века



Новые литературные идеи эпохи Возрождения не могли воплотиться в реальную жизнь. Разочарование в учениях гуманистов приводит к весьма существенным изменениям в изображении классицистских характеров. В XVII веке писатели, стремясь сохранить художественные завоевания эпохи Возрождения, одновременно пытаются сделать свой идеал человека более жизненным, отвечающим новым историческим реальностям.

В XVII веке возникает идея государственности. Человек начинает рассматриваться не просто как член общества, но как гражданин, выполняющий свои обязанности перед всей страной. Его добродетели или пороки могут отразиться не только на его собственной судьбе, но повлиять на судьбы других граждан, а это значит, что сословная принадлежность персонажа вновь начинает играть очень важную роль: ведь у каждого сословия свои обязанности перед государством.

Усиливается дидактизм, то есть воспитательная направленность литературы, призванной объяснять людям их ответственность перед всей страной. Главное для классицистов XVII века не гармоническая, разумная личность, а человек, подчиняющий свои чувства долгу перед отечеством и согражданами. На первый план выходит не сочетание различных человеческих качеств, превращающих его в неповторимую индивидуальность (вспомните лиценциата Видриеру или героев Шекспира), а какой-то один порок или добродетель, определяющий поведение персонажа. Это, конечно, не значит, что герои классицистов XVII века обладают каким-то одним

качеством, они по-прежнему соединяют в себе различные, иногда противоречивые страсти, но автор стремится подробно и детально исследовать только одну страсть, чтобы показать читателям ее достоинства или опасность для человека. Так, в трагедии Пьера Корнеля «Гораций» показывается истинный патриотизм, а в комедии Жана Расина «Сутяги» разоблачается судебное крючкотворство. Великий французский классицист Ж. Б. Мольер (с чьим творчеством вам предстоит познакомиться) в комедии «Скупой» показывает разрушительное воздействие алчности на характер человека.

Классицистам XVII века казалось, что последовательное и детальное разоблачение пороков или воспевание добродетелей, когда они показываются в «чистом» виде, когда ясно, как они влияют на судьбу человека, способны лучше воспитать гармоническую личность, чем показ сложного сочетания в ее характере противоречивых качеств.

Требование ясности и простоты изображения характеров привело к строгому различению «высоких» и «низких» жанров. В первых (трагедия, ода) – воспевались человеческие достоинства, во вторых (комедия, басня, сатира) – обличались пороки.

В то же время искусство классицизма было подлинным искусством, оно не только взывало к человеческому Разуму, но стремилось воздействовать на чувства. В XVII веке уже очень хорошо понимали силу смеха и использовали его для борьбы с отрицательными явлениями жизни. Высмеять порок– лучший способ сделать его ненавистным человеку, отвратить от него читателя или зрителя. «Смех лечит», – утверждали классицисты, поэтому в их творчестве очень важное место занимали комические жанры (например, комедия, басня, стихотворная сатира), в основе которых лежал комический конфликт, то есть конфликт между внешней видимостью и внутренней сущностью изображаемого. Этот конфликт был частным проявлением общего для классицистов XVII века конфликта между долгом и чувством (разумеется, при обязательной победе долга). Что это значит? Если человек пытается выглядеть перед другими не таким, каким он является на самом деле – значит, он чувствует свое несовершенство: его долг– исправить свои недостатки. Но кому-то очень не хочется отказываться от своих пороков (от хвастовства, жадности, невежества и пр.), но не хочется и показывать свои слабости перед теми, кто их явно осуждает. Вместо того чтобы выполнить свой долг, человек пытается выдать себя за более совершенного, чем он есть на самом деле, – и возникает комическая ситуация, потому что подлинная сущность такого человека рано или поздно проявляется.

Разумеется, если кто-то владеет своими чувствами, стремится избавиться от недостатков, честно выполняет свой долг перед страной, согражданами, семьей – тогда он оказывается героем, достойным подражания, вызывающим не смех, но восхищение. Вот мы с вами и подошли к одной очень важной особенности литературы классицизма XVII века. Создаваемые **в ней характеры были заданными. Здесь есть одна тонкость: не путайте, пожалуйста,** заданность со статичностью характера. Классицистские характеры могли меняться на протяжении произведения, борьба долга и чувства в душе героя заставляла его совершать усилие для достижения поставленной цели, бороться с собой и своими недостатками (или пытаться скрыть свои пороки). Но конечный результат заранее был предопределен тем, какое главное качество лежит в основе характера персонажа. Если им движет благородное чувство любви к родине, понятие чести, ответственность за слабых, которых он обязан защитить, – он одержит победу, хотя она может потребовать от него серьезной жертвы. Но если человек одержим какой-то порочной страстью, с которой он не может или не хочет справиться, – его неизбежно ждет наказание, как бы он ни пытался обмануть других.

Если в эпоху Возрождения не всегда можно было однозначно определить отношение автора к своим персонажам (так, в новеллах итальянского писателя Дж. Боккаччо автор часто восхищается находчивостью какого-нибудь жулика или шарлатана), то в классицизме XVII века автор очень точно определяет свою поддержку положительных героев и неприятие отрицательных персонажей, всегда требует строгого выполнения долга и контроля над чувствами.

Жан Батист Мольер

Мольер – это псевдоним французского драматурга-классициста XVII века (его настоящая фамилия – Поклен). Он был прекрасным актером, режиссером, руководителем придворной труппы актеров в королевском театре Людовика XIV, но главным его достижением были написанные им комедии, вошедшие в золотой фонд мировой литературы.

Ж. Б. Мольер был убежденным классицистом, в его пьесах всегда присутствует дидактическое назидание и последовательная установка на соблюдение «правил». В то же время драматург был одним из самых смелых новаторов. Он ввел в театр жанр «высокой комедии», которая не только обличала пороки, но и ставила важные для человечества проблемы («Тартюф», «Дон Жуан», «Мизантроп»).

Ж. Б. Мольер очень хорошо знал законы сцены и в своих пьесах умел создать динамичный сюжет и яркие сатирические характеры. Его фантазия была неистощимой, когда нужно было вызвать смех зрителей. Многообразие комических приемов в пьесах Мольера до сих пор привлекает к драматургии французского классициста театральных режиссеров и актеров.

«Брак поневоле» – небольшая пьеса, относящаяся к жанру «комедия положений». Для нее характерно создание определенной ситуации, в которой каждый персонаж наиболее ярко проявляет свое основное качество (какой-то недостаток или порок), ставящее его в комическое положение и предлагающее зрителю задуматься над последствиями неуправляемых страстей.

Заметьте, как проявляются в этой комедии персонажи. Первым собеседником Сганареля оказывается Жеронимо, который за время короткого разговора меняет свой совет главному персонажу на прямо противоположный: *как вы думаете, почему и как это характеризует самого Жеронимо?*

Затем появляется Доримена. Автора не интересует ее дальнейшая судьба, Мольер не исследует ее характер, она нужна комедиографу как носительница качеств, противоположных качествам Сганареля. *Что это за качества? Как они проявляются в диалоге Доримены с Ликастом?*

Очень любопытно противопоставление характеров Сганареля и Алькантора. *Задумайтесь, почему он не возражает Сганарелю, сравните его поведение с поведением Жеронимо: что в них общего и чем они различаются?*

Последним оппонентом Сганареля в комедии оказывается Альсид. Но и он – характер не героический, а комический. Хотя он и выступает в «благородной роли» защитника чести сестры, но поведение его совсем не благородно: он вызывает на дуэль старика, бьет его, запугивает, при этом, однако, стараясь выглядеть учтивым и воспитанным. Это замечательный характер, олицетворяющий порок, особенно ненавидимый Мольером, – лицемерие. Обличению этого порока драматург посвятит одну из лучших своих комедий – «Тартюф».

Очень важны для комедиографа образы двух «философов» Панкраса и Марфуриуса. Это понятно, ведь для классицистов культ Разума был непосредственно связан с уровнем образованности, «учености» человека. Вспомните лиценциата Видриеру. Уже Сервантес обращал внимание на то, что общество не понимает подлинной культурной ценности истинных знаний. Мольер подходит к проблеме «учености» как сатирик. Он изображает псевдоученых, спекулирующих на уважении к знаниям других людей и пытающихся выдать себя за

образованных людей. *Подумайте, что общего у этих «философов» и чем они отличаются друг от друга, почему они даже не пытаются ответить на вопросы Сганареля.*

Брак поневоле
Комедия в одном действии

Действующие лица

СГАНАРЕЛЬ.
ЖЕРОНИМО.
ДОРИМЕНА, молодая кокетка, невеста Сганареля.
АЛЬКАНТОР, отец Доримены.
АЛЬСИД, брат Доримены.
ЛИКАСТ, молодой человек, влюбленный в Доримену.
ПАНКРАС, ученый, последователь Аристотеля.
МАРФУРИУС, ученый, последователь Пиррона.
Две цыганки.
ЛАКЕЙ Доримены.

Действие происходит на городской площади.

Явление первое

Сганарель один.

СГАНАРЕЛЬ *(обращаясь к тем, кто находится в его доме)*. Я скоро вернусь. Следите за домом, глядите, чтобы все было в полном порядке. Если кто-нибудь принесет мне денег, скорей бегите за мной к господину Жеронимо, если же кто-нибудь ко мне придет за деньгами, то скажите, что я на целый день ушел из дому.

Явление второе

Сганарель, Жеронимо.

ЖЕРОНИМО *(услыхав последние слова Сганареля)*. В высшей степени мудрое распоряжение.

СГАНАРЕЛЬ. А, господин Жеронимо, весьма кстати! Я как раз шел к вам.

ЖЕРОНИМО. Чем могу служить?

СГАНАРЕЛЬ. У меня есть кое-что на уме, и я хотел с вами посоветоваться.

ЖЕРОНИМО. Сделайте одолжение. Очень удачно вышло, что мы с вами встретились, – здесь никто не помешает нашей беседе.

СГАНАРЕЛЬ. Наденьте же шляпу, прошу вас. Видите ли, мне предлагают одну важную вещь, и не посоветоваться в таком деле с друзьями было бы с моей стороны неосмотрительно.

ЖЕРОНИМО. Мне очень лестно, что вы остановили свой выбор на мне. Я вас слушаю.

СГАНАРЕЛЬ. Но только я вас умоляю: не щадите меня, говорите со мной начистоту.

ЖЕРОНИМО. Как вам будет угодно.

СГАНАРЕЛЬ. Ничего не может быть хуже, когда ваш друг с вами не откровенен.

ЖЕРОНИМО. Вы правы.

СГАНАРЕЛЬ. А в наш век прямодушные друзья встречаются редко.

ЖЕРОНИМО. Это верно.

СГАНАРЕЛЬ. Обещайте же, господин Жеронимо, что вы мне все выскажете вполне чистосердечно.

ЖЕРОНИМО. Обещаю.

СГАНАРЕЛЬ. Дайте честное слово.

ЖЕРОНИМО. Вот вам честное слово друга. Скажите же наконец, что у вас такое.

СГАНАРЕЛЬ. Я, собственно, хотел бы знать ваше мнение, правильно ли я поступлю, если женюсь.

ЖЕРОНИМО. Кто, вы?

СГАНАРЕЛЬ. Да, я, самолично, своею собственной персоной. Как вы на это смотрите?

ЖЕРОНИМО. Прежде всего я хотел бы задать вам один вопрос.

СГАНАРЕЛЬ. Какой?

ЖЕРОНИМО. Сколько вам теперь может быть лет?

СГАНАРЕЛЬ. Мне?

ЖЕРОНИМО. Да, вам.

СГАНАРЕЛЬ. Честное слово, не знаю, но чувствую я себя превосходно.

ЖЕРОНИМО. Что такое? Вы даже приблизительно не знаете, сколько вам лет?

СГАНАРЕЛЬ. Не знаю. Да разве о таких вещах когда-нибудь думают?

ЖЕРОНИМО.А скажите на милость, сколько вам было лет, когда мы с вами познакомились?

СГАНАРЕЛЬ. Да лет двадцать, пожалуй, было.

ЖЕРОНИМО. Сколько времени провели мы вместе в Риме?

СГАНАРЕЛЬ. Восемь лет.

ЖЕРОНИМО. Как долго вы прожили в Англии?

СГАНАРЕЛЬ. Семь лет.

ЖЕРОНИМО. А в Голландии, куда вы потом переехали?

СГАНАРЕЛЬ. Пять с половиной.

ЖЕРОНИМО. А как давно вы вернулись сюда?

СГАНАРЕЛЬ. Вернулся я в пятьдесят втором году.

ЖЕРОНИМО. А теперь шестьдесят четвертый, – следственно, если не ошибаюсь, прошло двенадцать лет. Да пять лет в Голландии, – итого семнадцать, да семь лет в Англии, – итого двадцать четыре, да восемь лет мы вместе прожили в Риме, – итого тридцать два, да вам уже было двадцать лет, когда мы познакомились, – выходит как раз пятьдесят два года. Итак, господин Сганарель, из ваших же собственных показаний явствует, что сейчас вам года пятьдесят два – пятьдесят три.

СГАНАРЕЛЬ. Кому? Мне? Быть того не может.

ЖЕРОНИМО. Бог мой, да высчитали-то мы с вами правильно! Так вот, исполняя свое обещание, я вам скажу откровенно, как другу, что женитьба – не для вас. Это такой шаг, на который и молодым людям следует решаться лишь по зрелом размышлении, что же касается людей вашего возраста, то у них и мыслей таких не должно быть. И если верно, что величайшее из всех безумств – женитьба, то высшая, на мой взгляд, нелепость – совершать подобные безумства как раз в ту пору, когда от нас можно требовать большей рассудительности. Итак, я вам ясно изложил свое мнение. Я советую вам оставить всякую мысль о браке, – вы были бы величайшим чудаком на свете, когда бы решились променять свободу, которою вы сейчас пользуетесь, на самую тяжелую из всех цепей.

СГАНАРЕЛЬ. А я вам на это скажу, что я твердо решил жениться и что если я возьму в жены ту именно девушку, которую я сватаю, то никому это чудачеством не покажется.

ЖЕРОНИМО. Ну, тогда другое дело! Вы мне об этом ничего не говорили.

СГАНАРЕЛЬ. Эта девушка мне нравится, и я люблю ее всей душой.

ЖЕРОНИМО. Любите всей душой?

СГАНАРЕЛЬ. Разумеется, и я уже просил у отца ее руки.

ЖЕРОНИМО. Просили ее руки?

СГАНАРЕЛЬ. Да. Свадьба должна состояться сегодня же вечером. Я дал слово.

ЖЕРОНИМО. Ну так женитесь! Тут уж я ничего не могу сказать.

СГАНАРЕЛЬ. Не такой я человек, чтобы отступиться от того, что задумал! Вы, верно, полагаете, господин Жеронимо, что я уж и мечтать не способен о жене? Оставим в покое мои лета, давайте посмотрим, как все обстоит на самом деле. Найдете ли вы тридцатилетнего мужчину, который на вид был бы свежее и бодрее меня? Разве я не так же легок в движениях, как прежде? Разве по мне заметно, что я не могу передвигаться иначе как в каретах или же в портшезах[53]? Разве у меня не великолепные зубы? *(Показывает зубы.)* Разве я не ем четыре раза в день с большим аппетитом? И у кого еще вы найдете такой здоровый желудок, как у меня? *(Кашляет.)* Кха-кха-кха! Ну-с? Что вы на это скажете?

ЖЕРОНИМО. Ваша правда, я ошибался. Вам хорошо было бы жениться.

СГАНАРЕЛЬ. Прежде я и сам был против, но теперь у меня есть важные причины. Помимо радости обладания прелестной женщиной, которая станет меня миловать, ласкать, ухаживать за мной, когда я приду домой усталый, – так вот, не говоря уже об этой радости, тут есть еще одно соображение: ведь если я останусь холостяком, то род Сганарелей по моей вине прекратится. Если же я женюсь, то у меня явится возможность возродиться в других созданиях, мне подобных: я буду иметь удовольствие видеть существа, которые произошли от меня, их маленькие личики, похожие на меня как две капли воды, и они вечно будут играть в моем доме, станут кричать мне: «Папа!», – когда я буду возвращаться из города, и тут же наговорят мне всяких очаровательных глупостей. Право, мне уже кажется, что все это так и есть и что вокруг меня резвится с полдюжины ребятишек.

ЖЕРОНИМО. Это и в самом деле ни с чем не сравнимое наслаждение, и я вам советую жениться как можно скорее.

СГАНАРЕЛЬ. Правда, советуете?

ЖЕРОНИМО. Конечно. Лучше вы ничего не можете придумать.

СГАНАРЕЛЬ. Честное слово, я в восторге, что вы мне даете такой истинно дружеский совет.

ЖЕРОНИМО. А скажите, пожалуйста, кто эта особа, на которой вы собираетесь жениться?

СГАНАРЕЛЬ. Доримена.

ЖЕРОНИМО. Доримена, та самая молодая девушка, которая отличается такою светскостью и так хорошо одевается?

СГАНАРЕЛЬ. Да.

ЖЕРОНИМО. Дочь господина Алькантора?

СГАНАРЕЛЬ. Вот именно.

ЖЕРОНИМО. Сестра некоего Альсида, который вступил в военную службу?

СГАНАРЕЛЬ. Она самая.

ЖЕРОНИМО. Вот это я понимаю!

СГАНАРЕЛЬ. Что вы на это скажете?

ЖЕРОНИМО. Блестящая партия! Женитесь немедленно.

СГАНАРЕЛЬ. Значит, я сделал хороший выбор?

ЖЕРОНИМО. Несомненно. Ах, как вы удачно женитесь! Не мешкайте же с этим делом.

СГАНАРЕЛЬ. Вы меня чрезвычайно ободрили. Позвольте поблагодарить вас за совет и пригласить нынче вечером ко мне на свадьбу.

ЖЕРОНИМО. Непременно приду, но только, для пущей торжественности, в маске.

СГАНАРЕЛЬ. Будьте здоровы.

ЖЕРОНИМО (*в сторону)*. Юная Доримена, дочь Алькантора, выходит за Сганареля, которому всего каких-нибудь пятьдесят три года! Великолепный брак! Великолепный брак! *(Уходя, несколько раз повторяет последние слова.)*

Явление третье

Сганарель один.

Сганарель. Уж, верно, мой брак будет счастливым: всех-то он радует, с кем про него ни заговоришь, – все смеются. Нет теперь на свете никого счастливее меня.

Явление четвертое

Доримена, Сганарель.

ДОРИМЕНА *(в глубине сцены, обращаясь к мальчику-лакею, который идет за нею следом)*. Ну-ну, мальчик, держи хорошенько шлейф и оставь свои шалости.

СГАНАРЕЛЬ *(в сторону, увидев Доримену)*. Вот и моя избранница. Ах, как мила! Какое личико, какая фигурка! Кто бы не польстился на такую невесту? *(Доримене.)* Куда вы направляетесь, очаровательная крошка, будущая супруга будущего вашего супруга?

ДОРИМЕНА. Я иду за покупками.

СГАНАРЕЛЬ. Итак, моя красоточка, наконец-то мы с вами

будем наслаждаться полным счастьем! Вы уже не вправе будете в чем-либо мне отказать, я смогу делать с вами все, что угодно, и никого это не будет коробить. Вы будете принадлежать мне вся, с головы до ног, и я окажусь обладателем всего: ваших живых глазок, задорного носика, соблазнительных губок, обворожительных ушек, прелестного подбородочка, пышненькой груди… Словом, вся ваша особа будет отдана мне во власть, и ласкать я вас буду, как мне заблагорассудится. Ведь вы довольны, что выходите за меня замуж, милая моя куколка?

ДОРИМЕНА. Очень довольна, клянусь вам. Дело в том, что отец был со мной неизменно суров и до последнего времени держал меня в невыносимой строгости. Меня уже давно бесит, что он стесняет мою свободу, и я честно мечтала выйти замуж для того, чтобы не подчиняться больше родительской воле и жить по-своему. Слава Богу, на мое счастье подвернулись вы, и теперь я только и думаю о том, как я буду веселиться и наверстывать упущенное время. Вы человек вполне светский, знаете, как нужно жить, и я думаю, что из нас с вами выйдет отличная пара: ведь вы, конечно, не превратитесь в того несносного мужа, который хочет сделать из своей жены какую-нибудь буку. Заранее вам говорю, что это мне совсем не по душе, – жизнь уединенная приводит меня в отчаяние. Я люблю игры, визиты, званые вечера, увеселения, прогулки – словом, всякого рода удовольствия, и вы должны быть счастливы, что у вашей жены такой нрав. Нам не из-за чего будет ссориться, и я ни в чем не стану стеснять вас – надеюсь, что и вы не станете стеснять меня: я сторонница взаимных уступок, а начинать совместную жизнь для того, чтобы изводить друг друга, попросту не имеет смысла. Одним словом, поженившись, мы будем себя вести, как подобает людям, которые усвоили себе светские понятия. В сердце к нам не западет даже тень ревности, – вы всецело будете доверять мне, а я вам. Но что с вами? Я вижу, вы изменились в лице.

СГАНАРЕЛЬ. У меня отчего-то голова разболелась.

ДОРИМЕНА. Теперь это бывает у многих, ну, да после свадьбы все пройдет. До свиданья. Мне уже не терпится обзавестись приличными платьями вместо вот этого тряпья. Пойду сейчас наберу в лавках всего, что мне нужно, а за деньгами пошлю купцов к вам.

Явление пятое

Жеронимо, Сганарель.

ЖЕРОНИМО. Ах, господин Сганарель, как хорошо, что я еще застал вас здесь! Я встретил ювелира, – он слышал, что вы хотите подарить своей жене кольцо с красивым брильянтом, и очень просил меня замолвить за него словечко и передать вам, что у него есть для вас дивное кольцо.

СГАНАРЕЛЬ. А, теперь это уже не к спеху!

ЖЕРОНИМО. Как? Что это значит? Вы же только что были преисполнены такого пыла?

СГАНАРЕЛЬ. В последнюю секунду у меня явились некоторые сомнения по поводу брака. Прежде чем предпринимать дальнейшие шаги, я хотел бы рассмотреть этот вопрос всесторонне, а кроме того, я вспомнил сон, который мне нынче приснился, – вот бы как-нибудь его разгадать! Сны, знаете ли, похожи на зеркало, где отражается иной раз все, что нас ожидает в будущем. Мне снилось, будто я на корабле, а вокруг бурное море, и будто…

ЖЕРОНИМО. Мне сейчас недосуг, господин Сганарель, я спешу по делу. В снах я решительно ничего не понимаю, а если вам нужно поговорить о браке, то вот вам два ваших соседа, два ученых философа: они вам выложат все, что можно сказать по этому поводу. Они принадлежат к разным школам, так что вам предоставляется возможность сопоставить различные мнения. Я же, со своей стороны, ограничусь тем, что было мной сказано, а засим желаю вам всего наилучшего.

СГАНАРЕЛЬ *(один)*. Он прав. Я сейчас на распутье, и мне непременно надо с ними посоветоваться.

Явление шестое

Панкрас, Сганарель.

ПАНКРАС *(глядя в ту сторону, откуда он появился, и не замечая Сганареля)*. Послушайте, друг мой, вы нахал, вы человек, с истинной наукой ничего общего не имеющий и подлежащий изгнанию из республики ученых.

СГАНАРЕЛЬ. А, великолепно! Вот и один из них, весьма кстати.

ПАНКРАС *(все в той же позе, не замечая Сганареля)*. Да, я приведу тебе веские доводы и сошлюсь на Аристотеля, этого философа из философов, в доказательство того, что ты человек невежественный, невежественнейший, невежествующий, изневежествовавшийся, и так далее, и тому подобное.

СГАНАРЕЛЬ *(в сторону)*. Он на кого-то осердился.

(Панкрасу.) Милостивый государь…

ПАНКРАС *(все в той же позе, не замечая Сганареля)*. Суешься рассуждать и не знаешь даже, как строится рассуждение.

СГАНАРЕЛЬ *(в сторону)*. От злости он меня не видит. *(Панкрасу.)* Милостивый государь…

ПАНКРАС *(все в той же позе, не замечая Сганареля)*. На это положение должны ополчиться все святилища философии.

Сганарель *(в сторону)*. Уж, верно, его задели за *живое. (Панкрасу.) Я.…*

ПАНКРАС *(все в той же позе, не замечая Сганареля)*. Toto coelo, tota via aberras[54].

СГАНАРЕЛЬ. Мое почтение, господин доктор.

ПАНКРАС. К вашим услугам.

СГАНАРЕЛЬ. Позвольте мне…

ПАНКРАС *(снова повернувшись в ту сторону, откуда он появился)*. Да знаешь ли ты, что у тебя получается? Силлогизмус идиотиссимус.

СГАНАРЕЛЬ. Я вас…

ПАНКРАС *(в той же позе)*. Я скорей сдохну, чем с тобой соглашусь, и буду отстаивать мое мнение до последней капли чернил.

СГАНАРЕЛЬ. Можно мне…

ПАНКРАС. Да, я буду защищать это положение pugnis et calcibus, unguibus et rostro.

СГАНАРЕЛЬ. Господин Аристотель, нельзя ли узнать, что вас привело в такое негодование?

ПАНКРАС. У меня на то есть в высшей степени важная причина. Некий невежда выставил против меня положение ошибочное, положение умопомрачительное, непростительное, возмутительное.

СГАНАРЕЛЬ. Позвольте узнать, в чем же оно заключается?

ПАНКРАС. Ах, господин Сганарель, нынче все перевернулось вверх дном, весь мир окончательно погряз в разврате! Всюду царит чудовищная распущенность, – блюстители порядка в нашем государстве должны бы сгореть со стыда оттого, что они терпят это недопустимое и позорное явление.

СГАНАРЕЛЬ. Да в чем же дело?

ПАНКРАС. Разве это не ужасно, разве это не вопиет к небу, что у нас позволяют открыто говорить «форма шляпы»?

СГАНАРЕЛЬ. Что такое?

ПАНКРАС. Я утверждаю, что следует говорить «фигура шляпы», а не «форма», ибо разница между формой и фигурой та, что форма есть внешний облик тел одушевленных, а так как шляпа представляет собою неодушевленное тело, то следует

говорить «фигура шляпы», а не «форма».

(Снова поворачиваясь в ту сторону, откуда он пришел.)

Да, невежда вы этакий, вот как надо выражаться, об этом ясно сказано у Аристотеля в главе «О качестве».

СГАНАРЕЛЬ *(в сторону)*. А я уж думал, конец света пришел. *(Панкрасу.)* Господин доктор, забудьте об этом. Я…

ПАНКРАС. Я вне себя от ярости.

СГАНАРЕЛЬ. Оставьте в покое и форму и шляпу. Мне нужно кое о чем с вами поговорить. Я…

ПАНКРАС. Отъявленный наглец!

СГАНАРЕЛЬ. Успокойтесь, умоляю вас. Я…

ПАНКРАС. Невежда!

СГАНАРЕЛЬ. Ах, Боже мой! Я…

ПАНКРАС. Отстаивать подобное положение!

СГАНАРЕЛЬ. Он заблуждается. Я…

ПАНКРАС. Положение, осужденное самим Аристотелем!

СГАНАРЕЛЬ. Ну, конечно. Я…

ПАНКРАС. Самым решительным образом!

СГАНАРЕЛЬ. Ваша правда. *(Повернувшись в ту сторону, откуда появился Панкрас.)* Да, вы дурак и нахал, коли беретесь спорить с таким знаменитым ученым, который не только что читать, а и писать умеет. *(Панкрасу.)* Ну, вот и все, а теперь я вас попрошу выслушать меня. Я хочу с вами посоветоваться об одном довольно-таки трудном деле. Я намерен жениться, хочу, чтоб в доме у меня была хозяйка. Выбрал я себе девицу статную, пригожую, она и мне очень нравится и сама рада, что за меня выходит. Ее отец согласен, а я все-таки побаиваюсь… вы сами знаете чего… той самой беды, которая ни в ком сочувствия не вызывает. Вот мне и желательно от вас услышать, что вы, философ, обо всем этом думаете. Итак, позвольте узнать ваше мнение?

ПАНКРАС. Я скорее соглашусь, что datur vacuum in rerum natura или же, что я болван, но только не с тем, что можно говорить «форма шляпы».

СГАНАРЕЛЬ *(в сторону)*. А чтоб его! *(Панкрасу.)* Да ну же, господин доктор, выслушайте вы меня наконец! С вами толкуют битый час, а вы никакого внимания.

ПАНКРАС. Прошу меня извинить. Правый гнев овладел всеми моими мыслями.

СГАНАРЕЛЬ. Да выкиньте вы все это из головы и не сочтите за труд меня выслушать!

ПАНКРАС. Извольте. Что же вы хотите мне сообщить?

СГАНАРЕЛЬ. Я хочу с вами поговорить об одном деле.

ПАНКРАС. А каким вы языком воспользуетесь для беседы со

мною?

СГАНАРЕЛЬ. Каким языком?

ПАНКРАС. Да.

СГАНАРЕЛЬ. Черт побери! Тем самым, что у меня во рту. Не занимать же мне у соседа.

ПАНКРАС. Я имею в виду не тот язык, которым мы говорим, а тот, на котором мы говорим.

СГАНАРЕЛЬ. А, это другое дело.

ПАНКРАС. Хотите говорить со мной по-итальянски?

СГАНАРЕЛЬ. Нет.

ПАНКРАС. По-испански?

СГАНАРЕЛЬ. Нет.

ПАНКРАС. По-немецки?

СГАНАРЕЛЬ. Нет.

ПАНКРАС. По-английски?

СГАНАРЕЛЬ. Нет.

ПАНКРАС. По-латыни?

СГАНАРЕЛЬ. Нет.

ПАНКРАС. По-гречески?

СГАНАРЕЛЬ. Нет.

ПАНКРАС. По-еврейски?

СГАНАРЕЛЬ. Нет.

ПАНКРАС. По-сирийски?

СГАНАРЕЛЬ. Нет.

ПАНКРАС. По-турецки?

Сганарель. Нет.

ПАНКРАС. По-арабски?

СГАНАРЕЛЬ. Нет, нет, по-французски, по-французски, по-французски.

ПАНКРАС. Ах, по-французски!

Сганарель. Вот-вот.

ПАНКРАС. В таком случае станьте с той стороны: это ухо предназначено у меня для языков научных и иностранных, а то – для языка обиходного, родного.

СГАНАРЕЛЬ *(в сторону).* До чего ж церемонный народ!

ПАНКРАС. Что же вам угодно?

СГАНАРЕЛЬ. Хочу посоветоваться с вами насчет одного затруднительного случая.

ПАНКРАС. Разумеется, насчет какого-нибудь затруднительного случая в философии?

СГАНАРЕЛЬ. Прошу прощения. Я…

ПАНКРАС. Вы, вероятно, желаете знать, являются ли выражения «субстанция»[55] и «акциденция»[56] синонимами «бытия» или же они имеют двойной смысл?

СГАНАРЕЛЬ. Отнюдь. Я…

ПАНКРАС. А может быть, что собой представляет логика: искусство или же науку?

СГАНАРЕЛЬ. Ничего похожего. Я…

Панкрас. Занимается ли она всеми тремя процессами мышления или же только третьим?

СГАНАРЕЛЬ. Нет. Я…

ПАНКРАС. Сколько существует категорий: десять или же всего только одна?

СГАНАРЕЛЬ. Вовсе нет. Я…

ПАНКРАС. Является ли заключение сущностью силлогизма?

СГАНАРЕЛЬ. Какое там! Я…

ПАНКРАС. В чем сущность добра: в желанном или же в дозволенном?

СГАНАРЕЛЬ. Нет. Я…

ПАНКРАС. Совпадает ли добро с конечною целью?

СГАНАРЕЛЬ. Да нет же! Я…

ПАНКРАС. Чем именно воздействует на нас конечная цель: своею действительностью или же предумышленною сущностью?

СГАНАРЕЛЬ. Да нет, черт с ней совсем, нет, нет и нет!

ПАНКРАС. В таком случае изъясните мне вашу мысль, – угадать ее я не в состоянии.

СГАНАРЕЛЬ. Да я и хочу ее изъяснить, но для этого надо, чтобы меня слушали.

(Продолжает говорить одновременно с Панкрасом.)

Дело, о котором я должен с вами поговорить, состоит вот в чем: я собираюсь жениться на молодой красивой девушке. Я очень ее люблю и уже просил ее руки у отца, но меня пугает…

ПАНКРАС *(говорит одновременно со Сганарелем, не слушая его)*. Слово дано человеку для выражения мыслей, и подобно тому, как мысли представляют собою изображения предметов, так же точно слова наши представляют собою изображения наших мыслей.

Сганарель в нетерпении несколько раз закрывает Панкрасу рот рукой, но стоит ему отнять руку, как тот опять начинает говорить.

Однако эти изображения отличаются от другого рода изображений тем, что другого рода изображения не составляют со своими оригиналами единого целого, слово же в самом себе заключает оригинал, ибо оно есть не что иное, как мысль, выраженная посредством внешнего знака; поэтому, кто мыслит здраво, тот и наиболее красноречиво говорит. Итак, изъясните

мне свою мысль посредством слова, поскольку из всех знаков оно является наиболее вразумительным.

СГАНАРЕЛЬ *(вталкивает ученого к нему в дом и держит дверь, не давая ему выйти).* Чтоб ты пропал!

ПАНКРАС *(в глубине комнаты).* Да, слово есть animi index et speculum. Это истолкователь движений сердца, это образ души.

(Высовывается в окно и продолжает; Сганарель отходит от двери.)

Это зеркало, которое простодушно являет нашему взору самые заветные тайны внутреннего нашего мира, и раз вы обладаете способностью в одно и то же время и мыслить и говорить, то почему бы вам не воспользоваться словом, чтобы дать мне возможность постигнуть вашу мысль?

СГАНАРЕЛЬ. Я именно этого и хочу, да вы же меня не слушаете.

ПАНКРАС. Я вас слушаю, говорите.

СГАНАРЕЛЬ. Ну, так вот, господин доктор…

ПАНКРАС. Только покороче.

СГАНАРЕЛЬ. Постараюсь.

ПАНКРАС. Избегайте многословия.

СГАНАРЕЛЬ. Э, госпо…

ПАНКРАС. Стройте свою речь в виде лаконической апофегмы[57]…

СГАНАРЕЛЬ. Я вам…

ПАНКРАС. Без подходов и околичностей.

СГАНАРЕЛЬ с досады, что не может вставить слово, начинает собирать камни, чтобы запустить ими в ученого.

Э, да вы, я вижу, злобствуете вместо того, чтобы объясниться? Значит, в вас еще больше наглости, чем в том человеке, который пытался убедить меня, что надо говорить «форма шляпы». Ну а я вам докажу неопровержимо, с помощью наглядных и убедительных примеров и аргументов in Barbara, что вы представляете собой в настоящее время и всегда будете собой представлять не что иное, как набитого дурака, я же есть и всегда буду in utroque jire доктором Панкрасом…

СГАНАРЕЛЬ. Вот окаянный болтун!

ПАНКРАС *(выходя из дому).* Человеком начитанным, человеком просвещенным…

СГАНАРЕЛЬ. Долго еще?

ПАНКРАС. Человеком выдающимся, человеком одаренным *(уходя),* человеком, искушенным во всех науках, естественных, нравственных и политических *(возвращаясь),* человеком ученым, ученейшим per omnes modos et casus *(уходя),* человеком, в совершенстве изучившим сказания, мифы и события

исторические *(возвращаясь),* грамматику, поэтику, риторику, диалектику и софистику *(уходя),* математику, арифметику, оптику, онейрокритику и математическую физику *(возвращаясь),* космометрию, геометрию, архитектуру, гадание по зеркалу и гадание по небесным светилам *(уходя),* медицину, астрономию, астрологию, физиогномику, метопоскопию, хиромантию, геомантию, и так далее, и так далее[58].

Явление седьмое

Сганарель один.

СГАНАРЕЛЬ. К черту таких ученых, которые ничего не желают слушать! Недаром говорят, будто наставник его Аристотель – всего-навсего пустомеля. Пойду лучше к другому: тот будет степеннее и благоразумнее. Можно вас на минутку?

Явление восьмое

Марфуриус, Сганарель.

МАРФУРИУС. Что вам от меня нужно, господин Сганарель?

Сганарель. Мне бы, господин доктор, надо было посоветоваться с вами об одном дельце – за этим я к вам и пришел. *(В сторону.)* Как будто бы ничего! Этот по крайней мере слушает.

МАРФУРИУС. Господин Сганарель, будьте любезны, выражайтесь по-иному. Наша философия учит не высказывать ни о чем решительных суждений, обо всем говорить неуверенно, все оставлять под вопросом, – вот почему вы должны сказать не «я пришел», а «мне кажется, будто я пришел».

СГАНАРЕЛЬ. «Мне кажется»?

МАРФУРИУС. Да.

СГАНАРЕЛЬ. Дьявольщина! Еще бы не казаться, когда это так и есть!

МАРФУРИУС. Это одно с другим не связано: вам может казаться и нечто неправдоподобное.

СГАНАРЕЛЬ. То есть как? Стало быть, это неправда, что я к вам пришел?

МАРФУРИУС. Это недостоверно, – ведь мы же должны во всем сомневаться.

СГАНАРЕЛЬ. Выходит, что меня здесь нет и вы со мной не

говорите?

МАРФУРИУС. Мне представляется, что вы здесь, и мне кажется, что я с вами говорю, но это не непреложно.

СГАНАРЕЛЬ. А, черт, да вы издеваетесь надо мной! Вот это я, а вот это вы, ясно и определенно, и никакого «кажется» тут быть не может. Пожалуйста, оставим эти тонкости и поговорим о моем деле. Я пришел вам сказать, что я хочу жениться.

МАРФУРИУС. Мне об этом ничего неизвестно.

СГАНАРЕЛЬ. Ну, так я же вам говорю.

МАРФУРИУС. Все может быть.

СГАНАРЕЛЬ. Девушка, на которой я собираюсь жениться, молода и хороша собой.

МАРФУРИУС. Это не невозможно.

СГАНАРЕЛЬ. Если я на ней женюсь, это будет хорошо или дурно?

МАРФУРИУС. Одно из двух.

СГАНАРЕЛЬ *(в сторону).* Ну! Теперь этот свое заладил.

(Марфуриусу.) Я вас спрашиваю, хорошо ли я поступлю, если женюсь на этой девушке?

МАРФУРИУС. Глядя по обстоятельствам.

СГАНАРЕЛЬ. Или дурно?

МАРФУРИУС. Все может случиться.

СГАНАРЕЛЬ. Умоляю вас, отвечайте мне толком.

МАРФУРИУС. Я это и ставлю своей задачей.

СГАНАРЕЛЬ. У меня к этой девушке особое влечение.

МАРФУРИУС. По-видимому.

СГАНАРЕЛЬ. Однако ж я боюсь, как бы она потом не наставила мне рогов[59].

МАРФУРИУС. Явление обыкновенное.

СГАНАРЕЛЬ. Как вы на это смотрите?

МАРФУРИУС. Невероятного в этом ничего нет.

Сганарель. Но как бы вы сами поступили на моем месте?

МАРФУРИУС. Не знаю.

СГАНАРЕЛЬ. Как же вы мне советуете поступить?

МАРФУРИУС. Как вам заблагорассудится.

СГАНАРЕЛЬ. Я в бешенстве.

МАРФУРИУС. Я умываю руки.

СГАНАРЕЛЬ. Черт бы тебя взял, выживший из ума старик!

МАРФУРИУС. Возьмет, если случай подойдет.

СГАНАРЕЛЬ *(в сторону).* Вот наказание-то! Ну, да ты у меня сейчас запоешь по-другому, слабоумный философ!

(Бьет Марфуриуса палкой.)

МАРФУРИУС. Ай-ай-ай!

СГАНАРЕЛЬ. Вот тебе за твою галиматью, – теперь мы в

расчете.

МАРФУРИУС. Это еще что? Какова дерзость! Нанести мне такое оскорбление! Иметь наглость побить такого философа, как я!

СГАНАРЕЛЬ. Будьте любезны, выражайтесь иначе. Следует сомневаться во всем, а потому вы не можете сказать, что я вас побил, а только лишь, что вам кажется, будто я вас побил.

МАРФУРИУС.А вот я на тебя квартальному комиссару пожалуюсь, расскажу, какие принял от тебя побои!

СГАНАРЕЛЬ. Я умываю руки.

МАРФУРИУС. У меня синяки на теле.

СГАНАРЕЛЬ. Все может быть.

МАРФУРИУС. Это не кто иной, как ты, обошелся со мной таким образом.

СГАНАРЕЛЬ. Невероятного в этом ничего нет.

МАРФУРИУС. Я добьюсь, что тебя посадят в тюрьму.

СГАНАРЕЛЬ. Мне об этом ничего неизвестно.

МАРФУРИУС. И суд тебя упечет.

СГАНАРЕЛЬ. Упечет, если случай подойдет.

МАРФУРИУС. Погоди же ты у меня!

Явление девятое

Сганарель один.

СГАНАРЕЛЬ. Ух! От этой собаки слова путного не добьешься, с чем был, при том я и остался. Как же мне все-таки разрешить сомнения насчет последствий моего брака? Кажется, никто еще не был в таком затруднительном положении. А, вот цыганки: пусть-ка они мне погадают.

Явление десятое

Две цыганки, Сганарель. Цыганки, с бубнами в руках, входят, напевая и приплясывая.

СГАНАРЕЛЬ. Э, да они бедовые! Послушайте, вы, как бы это насчет того, чтобы мне погадать?

ПЕРВАЯ ЦЫГАНКА. Можно, красавец мой, мы с ней вдвоем тебе погадаем.

ВТОРАЯ ЦЫГАНКА. Ты только протяни нам руку с денежкой, а мы тебе за это кое-чего приятного наскажем.

СГАНАРЕЛЬ. Вот вам обе руки, да еще и с тем приложением, какого вы требуете.

ПЕРВАЯ ЦЫГАНКА. У тебя славное лицо, господин пригожий, славное лицо.

ВТОРАЯ ЦЫГАНКА. Да, лицо славное, из человека с таким лицом когда-нибудь что-нибудь выйдет.

ПЕРВАЯ ЦЫГАНКА. Ты скоро женишься, господин пригожий, скоро женишься.

ВТОРАЯ ЦЫГАНКА. Возьмешь красивенькую женушку, красивенькую женушку.

ПЕРВАЯ ЦЫГАНКА. Да уж, твою жену все будут любить да жаловать.

ВТОРАЯ ЦЫГАНКА. Твоя жена введет к тебе в дом много друзей, господин пригожий, введет много друзей.

ПЕРВАЯ ЦЫГАНКА. Твоя жена внесет в твой дом изобилие.

ВТОРАЯ ЦЫГАНКА. Твоя жена прославит тебя на весь город.

ПЕРВАЯ ЦЫГАНКА. Ради нее тебя станут уважать, господин пригожий, станут уважать ради нее.

СГАНАРЕЛЬ. Это все хорошо. А скажите, пожалуйста, не ожидает ли меня участь рогоносца?

ВТОРАЯ ЦЫГАНКА. Рогоносца?

СГАНАРЕЛЬ. Да.

ПЕРВАЯ ЦЫГАНКА. Рогоносца?

СГАНАРЕЛЬ. Да, не ожидает ли меня участь рогоносца?

Цыганки пляшут и поют: «Ла-ла-ла-ла…»

Черт побери, это не ответ! Подите сюда. Я спрашиваю вас обеих, наставят ли мне рога?

ВТОРАЯ ЦЫГАНКА. Рога? Вам?

СГАНАРЕЛЬ. Да, наставят ли мне рога?

ПЕРВАЯ ЦЫГАНКА. Вам? Рога?

СГАНАРЕЛЬ. Да, наставят мне рога или нет?

Цыганки уходят, приплясывая и напевая: «Ла-ла-ла-ла…»

Явление одиннадцатое

Сганарель один.

СГАНАРЕЛЬ. Пропадите вы пропадом, чертовки этакие, из-за вас я только еще пуще расстроился! Мне непременно нужно знать, что́ мне сулит женитьба. Пойду-ка я к этому знаменитому

чернокнижнику, о котором теперь так много разговоров: будто бы он силою своих волшебных чар может показать вам все, что хотите. А пожалуй, незачем мне ходить к чародею: сейчас я и так увижу все, о чем собирался его расспросить.

Явление двенадцатое

Доримена, Ликаст, Сганарель (который спрятался в углу сцены так, что его не видят).

ЛИКАСТ. Как, прелестная Доримена, вы не шутите?

ДОРИМЕНА. Нет, не шучу.

ЛИКАСТ. Вы, правда, выходите замуж?

ДОРИМЕНА. Правда.

ЛИКАСТ. И ваша свадьба состоится сегодня вечером?

ДОРИМЕНА. Сегодня вечером.

ЛИКАСТ. И вы могли, жестокая, позабыть о моей любви к вам и о тех уверениях, какие я от вас слышал?

ДОРИМЕНА. Позабыть? Нисколько. Я к вам отношусь по-прежнему, и мой брак не должен вас беспокоить: я выхожу замуж не по любви, – богатство этого человека – вот что заставило меня принять его предложение. У меня нет состояния, у вас тоже, а вы знаете, что без средств трудно прожить на свете и что их нужно стараться приобрести любым путем. Мне представился случай окружить себя довольством, и воспользовалась я им только в надежде на то, что скоро буду избавлена от моего старикашки. Дни его сочтены – самое большее, если полгода протянет. Даю вам слово, к этому времени он уж непременно отправится на тот свет, так что мне не придется особенно долго просить у Бога счастья остаться вдовою.

(Увидев Сганареля.)

Ах, а мы о вас только что говорили и притом все самое для вас лестное!

ЛИКАСТ. Так этот господин и есть…

ДОРИМЕНА. Да, этот господин и есть мой будущий супруг.

ЛИКАСТ. Позвольте мне, милостивый государь, поздравить вас с предстоящим бракосочетанием и изъявить вам совершенную мою преданность. Смею вас уверить, что вы женитесь на особе весьма добродетельной. Что же касается вас, сударыня, то позвольте мне вместе с вами порадоваться вашему столь удачному выбору. Лучше вы не могли найти: самая наружность вашего жениха обличает в нем прекрасного супруга. Да, милостивый государь, я бы очень хотел с вами подружиться, как

можно чаще видеться и вместе веселиться.

ДОРИМЕНА. Вы делаете нам обоим слишком много чести. А теперь идемте, я очень спешу, у нас еще будет время побеседовать.

Явление тринадцатое

Сганарель один.

СГАНАРЕЛЬ. Вот уж когда у меня совсем пропала охота жениться, и, по-моему, я не поступлю опрометчиво, если откажусь тотчас же. Правда, мне это стоило денег, ну, да пускай они пропадают, а то как бы хуже чего не случилось. Попробуем как-нибудь половчее выбраться из этого положения. Можно вас на минутку?

(Стучится в дверь к Алькантору.)

Явление четырнадцатое

Алькантор, Сганарель.

АЛЬКАНТОР. А, дорогой зять, милости просим!

СГАНАРЕЛЬ. Доброго здоровья, сударь.

АЛЬКАНТОР. Вы пришли заключить брачный договор?

СГАНАРЕЛЬ. Прошу прощения.

АЛЬКАНТОР. Поверьте, что я так же сгораю от нетерпения, как и вы.

СГАНАРЕЛЬ. Я пришел по другому делу.

АЛЬКАНТОР. Я уже распорядился, чтобы все было готово для празднества.

СГАНАРЕЛЬ. Да не об этом речь.

АЛЬКАНТОР. Нанял музыкантов, заказал ужин, и дочь моя нарядилась к вашему приходу.

СГАНАРЕЛЬ. Я не за этим пришел.

АЛЬКАНТОР. Словом, вы достигнете предела своих желаний, – теперь ничто уже не помешает вашему счастью.

СГАНАРЕЛЬ. Господи, у меня на уме совсем не то!

АЛЬКАНТОР. Ну, так идемте же, идемте, дорогой зять.

СГАНАРЕЛЬ. Мне нужно вам сказать два слова.

АЛЬКАНТОР. Ах, Боже мой, не разводите церемоний! Проходите, пожалуйста.

СГАНАРЕЛЬ. Я же сказал, что нет. Прежде мне надо с вами

поговорить.

АЛЬКАНТОР. Вы хотите что-нибудь сообщить мне?

СГАНАРЕЛЬ. Да.

АЛЬКАНТОР. Что же именно?

СГАНАРЕЛЬ. Господин Алькантор, я действительно просил руки вашей дочери, и вы дали согласие, но, мне кажется, я не слишком подхожу ей по возрасту, и боюсь, что я совсем не в ее вкусе.

АЛЬКАНТОР. Помилуйте, вы пришлись моей дочери по сердцу таким, каков вы есть. Я уверен, что она будет с вами вполне счастлива.

СГАНАРЕЛЬ. Ну, нет! Я человек с большими странностями, нрав у меня крутой, так что ей было бы со мной несладко.

АЛЬКАНТОР. Моя дочь уступчива, вы увидите, что она отлично с вами уживется.

СГАНАРЕЛЬ. У меня есть некоторые физические недостатки, они могут ей внушить отвращение.

АЛЬКАНТОР. Это не беда. Порядочная женщина ни при каких обстоятельствах не может испытывать отвращение к своему мужу.

СГАНАРЕЛЬ. Одним словом, знаете, что я вам скажу? Я вам не советую отдавать ее за меня.

АЛЬКАНТОР. Вы шутите? Да я лучше умру, чем изменю своему слову.

СГАНАРЕЛЬ. Ах, Боже мой, я вас от него освобождаю, и…

АЛЬКАНТОР. Ни в коем случае. Я обещал выдать ее за вас, и кто бы другой ни искал ее руки, она достанется вам.

СГАНАРЕЛЬ *(в сторону).* Вот черт!

АЛЬКАНТОР. Послушайте, вы пользуетесь у меня особым уважением и любовью. Я скорей принцу откажу, только бы отдать ее за вас.

СГАНАРЕЛЬ. Благодарю за честь, господин Алькантор, однако ж да будет вам известно, что жениться я не намерен.

АЛЬКАНТОР. Кто, вы?

СГАНАРЕЛЬ. Да, я.

АЛЬКАНТОР. Что же тому причиной?

СГАНАРЕЛЬ. Причиной? Дело в том, что я не создан для супружеской жизни, я хочу последовать примеру моего отца и всех моих предков, которые так и не пожелали вступить в брак.

АЛЬКАНТОР. Что ж, вольному воля, я не такой человек, чтобы удерживать силой. Вы дали мне слово жениться на моей дочери, и все для этого уже готово, но раз вы отказываетесь, то я должен поразмыслить, как тут быть, а затем вы в самом непродолжительном времени получите от меня уведомление.

Явление пятнадцатое

Сганарель один.

СГАНАРЕЛЬ. А ведь он благоразумнее, чем я предполагал: я боялся, что мне куда труднее будет от него отделаться. Честное слово, как подумаешь, очень даже умно я поступил, что с этим покончил: я чуть было не сделал такой шаг, в котором мне потом пришлось бы долго раскаиваться. А вот уже и сын идет ко мне с ответом.

Явление шестнадцатое

Альсид, Сганарель.

АЛЬСИД *(вкрадчивым голосом)*. Милостивый государь, я ваш покорнейший слуга.

СГАНАРЕЛЬ. Я тоже, милостивый государь, готов служить вам с наивозможною преданностью.

АЛЬСИД *(таким же голосом)*. Мой отец довел до моего сведения, что вы, милостивый государь, пришли взять свое слово обратно.

СГАНАРЕЛЬ. Да, милостивый государь, я очень сожалею, но…

АЛЬСИД. Ах, милостивый государь, это ничего!

СГАНАРЕЛЬ. Мне это очень неприятно, уверяю вас, и я бы хотел…

АЛЬСИД. Повторяю, это пустяки. *(Протягивает Сганарелю две шпаги.)* Потрудитесь, милостивый государь, выбрать из этих шпаг какую вам будет угодно.

СГАНАРЕЛЬ. Из этих шпаг?

АЛЬСИД. Да, будьте любезны.

СГАНАРЕЛЬ. Зачем?

АЛЬСИД. Вы, милостивый государь, несмотря на данное обещание, отказываетесь жениться на моей сестре, а потому я полагаю, что вы не можете пожаловаться на несколько необычное приветствие, с которым я к вам сейчас обратился.

АЛЬСИД. Другие на моем месте стали бы шуметь и ссориться с вами, но мы люди миролюбивые, и я в самой вежливой форме объявляю вам, что, если вы ничего не имеете против, нам следует перерезать друг другу горло.

Сганарель. Хорошенькое приветствие!

АЛЬСИД. Итак, милостивый государь, выбирайте, прошу вас.

СГАНАРЕЛЬ. Как бы не так, у меня ведь только одно горло. *(В*

сторону.) Экая у него гнусная манера выражаться!

АЛЬСИД. Позвольте вам заметить, милостивый государь, что это необходимо.

СГАНАРЕЛЬ. Нет уж, милостивый государь, вложите, пожалуйста, в ножны ваше приветствие.

АЛЬСИД. Скорее, милостивый государь. Я человек занятой.

СГАНАРЕЛЬ. Да я же вам говорю, что не хочу.

АЛЬСИД. Вы не хотите драться?

СГАНАРЕЛЬ. Ни под каким видом.

АЛЬСИД. Решительно?

СГАНАРЕЛЬ. Решительно.

АЛЬСИД *(бьет его палкой).* Во всяком случае, милостивый государь, вам не в чем меня упрекнуть. Как видите, я соблюдаю известный порядок: вы не держите своего слова, я предлагаю вам драться, вы отказываетесь драться, я бью вас палкой, – дело у нас с вами обставлено по всей форме, а вы человек учтивый, следственно, не можете не оценить моего образа действий.

СГАНАРЕЛЬ *(в сторону).* Сущий демон!

АЛЬСИД *(снова протягивает ему две шпаги).* Ну же, милостивый государь, докажите, что вы человек благовоспитанный, не упрямьтесь.

СГАНАРЕЛЬ. Вы опять за свое?

АЛЬСИД. Я, милостивый государь, никого не принуждаю, но вы должны или драться, или жениться на моей сестре.

СГАНАРЕЛЬ. Уверяю вас, милостивый государь, я не могу сделать ни того, ни другого.

АЛЬСИД. Никак?

СГАНАРЕЛЬ. Никак.

АЛЬСИД. В таком случае, с вашего позволения…

(Бьет его палкой.)

СГАНАРЕЛЬ. Ай-ай-ай-ай!

АЛЬСИД. Я искренно сожалею, милостивый государь, что принужден обойтись с вами подобным образом, но как вам будет угодно, а я не перестану до тех пор, пока вы или согласитесь драться, или обещаете жениться на моей сестре.

(Замахивается палкой.)

СГАНАРЕЛЬ. Ну, хорошо, женюсь, женюсь!

АЛЬСИД. Ах, милостивый государь, как я счастлив, что вы наконец выказали благоразумие и что дело кончилось миром! Собственно говоря, я ведь вас глубоко уважаю, можете мне поверить, и я был бы просто в отчаянии, если б вы меня вынудили прибегнуть к насилию. Пойду позову батюшку, скажу ему, что все уладилось.

(Стучится в дверь к Алькантору.)

Явление семнадцатое

Алькантор, Доримена, Альсид, Сганарель.

АЛЬСИД. Готово дело, батюшка: господин Сганарель вполне образумился. Он добровольно согласился на все, так что теперь вы можете отдать за него сестрицу.

АЛЬКАНТОР. Вот, сударь, ее рука: вам останется только протянуть свою. Ну, слава Богу! Я от дочки избавился, – теперь уж вам придется следить за ее поведением. Пойдемте же повеселимся и устроим пышное празднество в честь этого счастливого брака.

Вопросы и задания

1. Можно ли сказать, что пьеса «Брак поневоле» утверждает классицистскую идею величия человеческого Разума? Соответствует ли эта идея жанру комедии?

2. Какой основной порок высмеивается в образе Сганареля?

3. Как проявляется характер Сганареля в диалогах с Жеронимо, Дорименой, Алькантором, Альсидом?

4. О чем говорит последовательное обращение Сганареля за советом к «философам» и цыганкам?

5. Какие художественные приемы использует Мольер для создания характера Сганареля?

6. Сопоставьте образы «философов» и цыганок: что в них общего и чем они различаются.

7. Какие художественные средства использует драматург для создания комического эффекта?

8. Охарактеризуйте композицию пьесы.

9. Объясните значение ремарок в «Браке поневоле».

10. Напишите сочинение на тему: «Времена и нравы» в комедии Ж. Б. Мольера «Брак поневоле».

Читательская лаборатория
Как научиться цитировать художественное произведение

Постижение читателем авторского замысла вне текста невозможно. Текст художественного произведения – основа понимания авторского идеала, поэтому работа читателя требует постоянного обращения к тексту (эпизодам, сценам, авторским характеристикам и описаниям). **Научиться цитировать– это значит научиться включать фрагменты художественного текста в свою работу по восприятию, анализу и оценке литературного произведения.**

Цитата (от латинского cito – вызываю, привожу) – это точная дословная выдержка из какого-либо текста, высказывания.

Основное правило цитирования – точная передача слов автора, заключение в кавычки чужой речи. Ссылка на автора цитаты обязательна.

Если цитата использована в письменном тексте, то необходимо проверить, правильно ли оформлено введение цитаты.

Цитата вводится в виде предложения с прямой речью, предложения с косвенной речью, как составная часть предложения.

Запомните наиболее сложные случаи:

1. Если вы вводите цитату не полностью, а сокращаете ее, то в таких случаях необходимо поставить многоточие на месте пропусков.

2. Если в качестве цитаты используется фрагмент поэтического произведения, то цитата записывается без кавычек с сохранением построения стихов в строфе.

3. Если цитата используется как эпиграф к сочинению, докладу, реферату, то она приводится без кавычек с указанием автора высказывания, имя которого дается без скобок.

4. Если цитата употребляется в устной речи, то ее включение сопровождается словами: «цитирую», «цитата», «дословно», «конец цитаты».

Цитирование – неотъемлемая часть ответа на вопросы и задания по анализу художественного произведения.

Чтобы научиться цитировать художественное произведение, следует выбрать из текста все цитаты, соответствующие теме вашего задания.

Построить развернутый ответ. В свой текст нужно

включать не все выбранные фрагменты, а только самые яркие, выразительные и убедительные.

Допустим, вам надо ответить на вопрос по комедии Ж. Б. Мольера «Брак поневоле»: «Какой основной порок высмеивается в образе Сганареля?»

Найдите фрагменты произведения, в которых действует этот персонаж, проанализируйте его речь и поступки и на этой основе назовите основной порок Сганареля, который высмеивает в нем Мольер.

Чтобы ваш ответ был развернутым и убедительным, включите часть цитат, которые показались вам наиболее выразительными, в свой текст. У вас может получиться примерно такой ответ:

«Основной порок Сганареля – тщеславие, самодовольство, бахвальство. Будучи человеком «пятидесяти двух – пятидесяти трех» лет, он сравнивает себя с тридцатилетним мужчиной, хочет жениться на молодой девушке. Сганарель не понимает, что смех других людей, которые узнают о его будущей женитьбе, вызван не искренней радостью о предстоящем событии– окружающие смеются над его самовлюбленностью и спесью. Он говорит: «Найдете ли вы тридцатилетнего мужчину, который на вид был бы свежее и бодрее меня?… Разве у меня не великолепные зубы? *(Показывает зубы.)* Разве я не ем четыре раза в день с большим аппетитом? И у кого еще вы найдете такой здоровый желудок, как у меня?»

Сганарель не видит и не хочет видеть истинного отношения к своему поступку другого персонажа – Жеронимо, потому что убежден в правильности своего решения и советуется только затем, чтобы получить одобрение и похвалу. За это и будет наказан. Обнаружив, что Доримена выходит замуж только ради его богатства в ожидании его скорой смерти, он жениться не захочет, но испугается шпаги и палки Альсида».

Цитата, в которой Сганарель дает себе характеристику, введена как предложение с прямой речью. Есть другой вариант обращения к той же цитате – как предложение с косвенной речью, с частичным цитированием: Он говорит, что трудно найти «тридцатилетнего мужчину, который на вид был бы свежее и бодрее» его. Сганарель уверен, что у него «великолепные зубы» и «здоровый желудок», который позволяет ему есть «четыре раза в день с большим аппетитом».

В последнем предложении в третьей его части *(который позволяет ему есть «четыре раза в день с большим аппетитом»)* показан еще один способ цитирования: цитата вмонтирована в авторскую речь как ее составляющая часть.

По объему цитата может представлять собой не только

законченное предложение или целый фрагмент, но и слово, словосочетание, части простых и сложных предложений. В этом случае используются не все, а самые запоминающиеся, значимые, интересные словосочетания. При этом следует избегать длинных цитат, не злоупотреблять цитированием, не подменять самостоятельные суждения и выводы развернутыми цитатами.

Изображение человека в литературе европейского Просвещения

Эпохой Просвещения называют XVIII век. Эта эпоха тесно связана с классицизмом XVII века, и многие писатели-просветители были тоже классицистами. Но создаваемые ими характеры имели свои отличия. Просветители отказываются от изучения какой-либо одной ведущей черты изображаемого персонажа и подобно гуманистам Возрождения стремятся показать сочетание в характере человека разных качеств. Но при этом характер у просветителей остается заданным, хотя они пытаются объединить достижения как гуманистов Возрождения, так и классицистов XVII века.

Просветители верят, что человек от рождения добр и разумен, но чтобы развить заложенные от рождения положительные качества и не подвергнуться «дурному воспитанию», человек должен сохранять связь с Природой, оставаться «естественным человеком».

Просветители называли человека «разумным общественным животным». В этом определении указывалось на связь человека с Природой (животное), но одновременно признавалась и необходимость установления между людьми социальных связей и неизбежность «воспитания» человека обществом (другими людьми), причем воспитание это могло быть как благотворным, так и развращающим, портящим человека.

И вновь главным защитником человека становится его Разум, умение контролировать собственные страсти, не отказываться от них, но подчинять их достижению благородных целей. Человек может быть вспыльчивым и бесстрашным, но если эти качества он направляет на защиту слабых, то возникает обаятельный образ пастора Адамса из романа Г. Филдинга «История Джозефа

Эндрюса».

Гулливер Дж. Свифта как определенный характер, обладающий постоянными качествами, не меняется на протяжении романа, но рядом с развращенными и коварными лилипутами он кажется благородным и честным, а рядом с «естественными людьми» из Бробдингнега он представляется столь же порочным, как и лилипуты. Американский индеец-ирокез из «Простодушного» Вольтера ужасается фальши и беззаконию, царящим во Франции, а Д. Дидро в своем романе «Монахиня» показывает, как быт и нравы монастырей, куда насильственно заточают людей, убивают искреннюю веру в Бога.

Просветители призывают своих читателей взглянуть на жизнь как бы со стороны, подвергнуть окружающее их общественное устройство «суду Разума», отказавшись от привычных стереотипов и расхожих мнений.

В своих произведениях просветители очень любили ставить «художественный эксперимент», то есть помещать человека в такие условия, в которых его «разумность» или «неразумность» проявились бы особенно ярко. Именно поэтому Дж. Свифт отправляет своего героя Гулливера к лилипутам, великанам и в страну «разумных лошадей», а Г. Филдинг показывает, как его Том Джонс, несмотря на клевету и тяжелые испытания, сохраняет свои лучшие человеческие качества.

Огромным достижением просветителей было появление в литературе героев, представляющих «третье сословие», лишенных привилегий, но добивающихся места в жизни благодаря своему разуму, житейской смекалке, упорству и работоспособности. Таков герой пьес П. О. К. Бомарше «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро».

Вам следует знать, что именно в просветительском варианте классицизм проникает в Россию, где такие выдающиеся писатели, как М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, тоже ставят «художественные эксперименты», утверждая идею «просвещенного естественного человека».

Даниель Дефо
Робинзон Крузо

Одним из первых европейских писателей-просветителей был англичанин Даниель Дефо. Он пришел в литературу, прожив уже большую часть своей жизни, имея за плечами богатый опыт.

Он боролся с английским правительством и три дня провел в колодках у позорного столба, а потом был правительственным агентом; он занимался сомнительными экономическими

предприятиями, неоднократно обогащался и разорялся, он был одним из создателей английской журналистики. Мировую известность ему принесли его романы («Моль Флендерс», «История полковника Джека», «История приключений капитана Сингльтона», «Дневник чумного года», «Роксана»), но самым знаменитым стал его первый роман «Жизнь и необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка».

Роман этот справедливо считается первым романом нового времени, в котором нашли воплощение все наиболее популярные просветительские идеи. В этом произведении воплотилась установка просветителей на проведение «художественного эксперимента». Обычный англичанин, на свой страх и риск занявшийся торговлей с заморскими странами, обогащается и становится плантатором, а затем попадает на остров Отчаяния, где проводит 27 долгих лет.

Только разум героя, его способность жить жизнью «естественного человека» позволяют Робинзону выйти с честью из сурового испытания и приобрести неоценимый опыт. Во второй части романа («Дальнейшие приключения Робинзона Крузо») герой возвращается на свой остров и убеждается в том, что заложенные им принципы существования колонии помогают обрести счастье оставшимся на острове бывшим пиратам и туземцам.

А затем, путешествуя по Сибири, Робинзон встречает опального русского вельможу, который говорит, что каждый человек в своей жизни должен побывать на «необитаемом острове», ибо, только оказавшись в одиночестве, человек способен понять смысл жизни и честно оценить свои поступки.

Обратите внимание: пока Робинзон просто стремится к обогащению, рискуя подчас собственной жизнью, ему сопутствует удача. Он честно заслужил и свое богатство, и свои плантации в Новом Свете. Но затем он переступает грань Божественной гармонии и законов Природы; он отправляется за рабами и оказывается на острове Отчаяния, где ему предстоит в одиночку бороться за сохранение жизни, а затем принимать решения, столкнувшись с людоедами и пиратами, высаживающимися на его острове.

Разум Робинзона помогает ему осознать свои ошибки, трудолюбие и упорство способствуют преобразованию острова в гармоничный мир, где цивилизованные люди, дикари, домашние и дикие животные пользуются всеми богатствами благосклонной к ним Природы. Робинзон учится на своих ошибках и, познавая мир, познает величие Бога.

Повествование в романе ведется от первого лица. Этот прием

приобретает здесь явное просветительское звучание: описывая свои приключения, Робинзон одновременно анализирует свое поведение, рассказывает, какие чувства владели им в той или иной ситуации и как Разум помогал ему справиться с отчаянием, страхом или яростью.

Читатель видит, как бегущий от опеки родителей юноша обретает самостоятельность, постепенно ожесточается, теряя «естественность», начинает «новую жизнь» на острове Отчаяния, обретает мудрость и опыт, позволяющие ему в дальнейшем объективно оценить законы окружающего мира. В чем же «заданность» этого характера?

Д. Дефо с самого начала обращает внимание читателя на основные черты характера Робинзона: разумность, целеустремленность, готовность к труду, веру в Бога. Затем на героя начинают оказывать отрицательное влияние и люди, и обстоятельства, но на острове Отчаяния именно изначально заданные качества помогают герою одержать победу.

Следя за судьбой Робинзона, попробуйте оценить его первые шаги: побег из дома, поведение на корабле во время первого плавания и пр. Разумно ли ведет он себя? Каковы последствия его поступков?

Проследите поведение Робинзона на необитаемом острове. Как он сумел воспользоваться находящимися в его распоряжении средствами? Двадцать семь лет – долгий срок. Что делает Робинзон, чтобы не разучиться говорить, чтобы не одичать?

Для просветителей очень важны детали, помогающие понять характер героя и ситуации, в которые он попадает. Обратите внимание на такие детали, как Библия в руках героя; найденный на корабле мешок с золотом; след босой человеческой ноги на песке; ситуация, в которой начинает говорить попугай; национальность моряков, оказавшихся на острове Робинзона; лодка, которую строит герой. Попытайтесь объяснить художественный смысл этих деталей. Задумайтесь над тем, какую роль играет в жизни героя «страсть к морю». Что это за страсть? Как она соотносится с разумностью Робинзона?

Очень важное место занимает в романе описание трудовой деятельности героя. Именно труд помогает Робинзону не только «благоустроить» остров, но и сохранить человеческий облик.

Вообще в романе Робинзон выступает в нескольких ролях: праздный пассажир корабля, бизнесмен, раб, плантатор,

труженик, «губернатор»…

Заметьте: всю свою жизнь Робинзон учится, приобретает I опыт. Он размышляет, анализирует, запоминает.

Проследите, как меняются его взгляды, когда он узнает о посещении острова людоедами. Он долго думает, прежде чем выбрать решение, а выбрав и увидев Пятницу, он поступает, вопреки своему решению. Почему?

Роман Д. Дефо имел еще и третью часть, которая сейчас почти не издается даже на родине писателя, в Англии. Она называется «Серьезные размышления Робинзона Крузо». В нее вошли размышления о жизни, религии, обязанностях человека. Старый, мудрый Робинзон делится своими мыслями с читателем. Книга эта не издается не потому, что многие идеи Дефо устарели, и не потому, что это уже не роман, а скорее философско-нравоучительный трактат; нет, дело в том, что все, о чем говорит Робинзон, было наглядно показано в первых двух частях романа.

Первый просветительский роман, увидевший свет в 1719–1720 годах, открыл дорогу самому популярному и читаемому жанру нового и новейшего времени. Появилась даже особая разновидность романа – робинзонада, в которой сила человека проверяется «необитаемым островом». («Таинственный остров» Ж. Верна, «Коралловый остров» М. Р. Балантайна, «Маленький дикарь» Ф. Мариэтта и др.)

«Робинзон Крузо» – это книга, воплотившая просветительскую веру в силу человека, и эта вера воодушевляет современных читателей так же, как она воодушевляла читателей XVIII века.

Вопросы и задания

1. Охарактеризуйте жанр «Робинзона Крузо», назовите его признаки.

2. Назовите основные этапы «удивительных приключений» Робинзона и охарактеризуйте композицию произведения.

3. Как проявляется характер Робинзона в «доостровной истории», «на острове Отчаяния», после отплытия с острова и во время «дальнейших приключений»?

4. Для чего в повествование от первого лица включается еще и «дневник Робинзона»?

5. Что перевозит Робинзон на остров с погибшего корабля и с чего он начинает освоение острова? Как это характеризует героя?

6. Для чего автор вводит в повествование образ Пятницы? Кем является Пятница для Робинзона: рабом или слугой?

7. Сопоставьте образы Пятницы и Ксури: что в них общего, чем они различаются и как взаимоотношения с ними характеризуют Робинзона.

8. Объясните, почему на необитаемом острове рядом с Робинзоном оказываются дикари-людоеды, испанцы (враги англичан) и пираты.

9. Почему «Робинзона Крузо» называют «романом воспитания»?

10. Напишите от имени Робинзона «наставление» потомкам.

Читательская лаборатория
Как научиться понимать смысл художественной детали

Детали в произведении, как правило, помогают читателю представить себе зримый образ человека, природы, окружающей обстановки, выражают суть душевных переживаний героев. Если вы научитесь понимать смысл художественной детали, то вам откроются самые сокровенные глубины авторского замысла, вы сможете понять силу чувств и драматизм переживаний героев, таинственную красоту природы, необычность самых обычных вещей, окружающих человека. Путь постижения смысла художественной детали в произведении не будет простым. **Первый шаг на этом пути – запомнить, что представляет собой художественная деталь.**

Художественная деталь – это изобразительно-выразительная подробность, часть художественного образа, с помощью которой автор передает представление о целом.

Вы прочитали роман Д. Дефо «Робинзон Крузо». В центре внимания автора один главный герой, Робинзон Крузо, и рассказ о различных этапах его жизни, о становлении этого человека как личности. Повествование ведет сам герой, он вспоминает свой жизненный путь очень подробно, детально описывая свои мысли, поступки, чувства. Подробностей, которые описывают весь круг жизни Робинзона, очень много. Поэтому необходимо научиться находить среди них художественные детали. Итак, наш **второй шаг: выделить только те подробности, на которых автор специально фиксирует наше внимание, например, часто повторяет одну и ту же подробность, представляет эту подробность как исключительную, необычную, на первый взгляд случайную.**

Давайте сделаем второй шаг вместе.

> *Назовите наиболее яркие эпизоды жизни Робинзона Крузо.*

Вам не составит труда определить эти эпизоды: их описанию в воспоминаниях Робинзона отведено значительное место. Он очень подробно рассказывает, например, о кораблекрушении, о последующих поездках на корабль, об увиденном им следе человеческой ноги на казавшемся до сих пор необитаемом острове, о спасении дикаря, названного впоследствии Пятницей.

В любом из этих эпизодов есть художественные детали.

Перечитайте эпизод, в котором рассказывается о поездках Робинзона на корабль. Ответьте на вопросы:

– На какие подробности в ряду других автор обращает особое внимание?

– Каким способом он это делает?

Цель поездок героя на потерпевший крушение корабль – «запастись едой и другими необходимыми вещами». Робинзон подробно перечисляет те вещи, которые он брал с корабля в первую очередь. Более других его интересовали инструменты. Подробность «инструменты» выделяется в ряду других самим героем, он говорит: «После долгих поисков я нашел ящик нашего плотника, и это была для меня поистине драгоценная находка, которую я не отдал бы в то время за целый корабль с золотом».

Герой говорит об этой находке как драгоценной, причем определена и цена находки – целый корабль с золотом. Обратите внимание еще на одну подробность: такой ценой инструменты обладают только «в то время», время жизни Робинзона на острове.

Итак, мы выделили наиболее значимые подробности этого фрагмента произведения. Теперь сделайте **третий шаг – объясните, с какой целью автор использует найденные нами подробности (предметные детали) в данном конкретном эпизоде.**

Герой, оказавшись на необитаемом острове, в первую очередь старается выжить: он забирает с собой съестные припасы и оружие. Но он хочет не только выжить, но и жить по-человечески. Значит, ему придется работать: строить, копать, сажать, делать самые необходимые бытовые вещи. Для устройства жизни на острове не нужно золото, но жизненно необходимы инструменты. *Выделенные нами детали служат для характеристики героя:* он обладает здравым умом и деловой сметкой, он дальновиден, изобретателен, понимает, что «бесполезно сидеть сложа руки и мечтать…».

В других эпизодах вы также сможете найти детали, при помощи которых автор показывает мысли, настроения, чувства героя. Такие художественные детали называются психологическими. Например, художественная деталь «куча золота», которую герой сначала не хочет брать с корабля, так как золото, деньги – «существо, чью жизнь не стоит спасать», потом, подумав, заворачивает все найденное в кусок парусины и берет с собой. Эта художественная деталь очень значима: герой не только собирается цивилизованно жить на острове, но и заботится о своей жизни после того, как он остров покинет. Значит, он

надеется спастись, он настроен выжить, он будет бороться за свою жизнь.

Есть в литературном произведении особые предметные детали, понимание которых связано не только со смыслом конкретного эпизода, фрагмента, но и с пониманием контекста всего произведения.

Если в тексте литературного произведения встречается деталь, имеющая обобщающий смысл (смысл этой детали выходит за пределы конкретного фрагмента), то она называется символической. **Чтобы понять ее смысл, нужно сделать следующий шаг– соотнести эту деталь с контекстом всего произведения и объяснить ее обобщенный смысл.**

Как бы вы ответили на вопрос, о чем роман «Робинзон Крузо»?

Этот роман не только о том, как человек выжил, но и как остался человеком и поэтому нашел силы вернуться к людям полноценным членом общества.

Подумайте, каков смысл детали «след голой человеческой ноги, ясно отпечатавшейся на песке» в контексте содержания романа.

Оказавшись на необитаемом острове и имея за плечами определенный жизненный опыт, герой начинает жизнь заново. Он осваивает свое новое жизненное пространство, выстраивает свой мир, но в этом мире он живет один. «След голой человеческой ноги» становится символом начала нового периода воспитания и становления личности Робинзона, символом его возвращения к людям.

Когда Робинзон видит человеческий след, он испытывает настоящий ужас, в панике бросается в свой «замок», бежит, «точно спасаясь от погони». Животный страх, который испытывает герой, – это страх перед необъяснимым: почему след только один? кем этот след может быть оставлен? Герой наблюдает, размышляет, анализирует, не давая отчаянию на «острове Отчаяния» укрепиться в его душе. Психологическая готовность к встрече с дикарями, приметы пребывания которых он заметил в одном из своих путешествий по острову, спасение Пятницы, новый уклад жизни постепенно меняют сознание Робинзона: в этом мире он живет не один, он становится частью сообщества людей. С тех пор, как герой увидел след человеческой ноги, остров для него стал уже обитаемым – а значит, начался путь его возвращения в общество людей.

Поэтому одно из первых слов, которым он учит Пятницу, – слово «господин». И это – художественная деталь, смысл которой состоит в том, что на обитаемом острове герой выстраивает свою систему социальных отношений, в которых на верху лестницы – он сам, господин и хозяин острова.

Таким образом, художественный мир, изображенный в литературном произведении, складывается из отдельных художественных деталей.

Изображение в литературе противоречивости человеческого характера

В конце XVIII века в общественной мысли Европы происходит знаменательное открытие. Люди начинают по-новому воспринимать противоречия, окружающие человека в повседневной жизни и скрывающиеся в глубине его души.

До этого подход людей к противоречиям был достаточно простым. Нужно было лишь совершить правильный выбор между какими-нибудь крайностями, между явными противоположностями. Вспомните любую известную вам народную сказку: в ней всегда борются силы добра и зла, причем добро и зло совершенно очевидны. Разумеется, жизнь человека не всегда оказывается на перекрестке путей этих нравственных начал. Человеку приходилось выбирать между благородством и низостью происхождения, между разумным и неразумным поведением… Литературному персонажу часто приходилось делать выбор, и писатель всегда предоставлял ему возможность такого выбора.

А вот теперь давайте-ка припомним других, уже известных вам персонажей. Вот, например, механик Салерно из новеллы Б. Житкова: можно ли одновременно назвать его положительным или отрицательным персонажем? Можно ли безоговорочно назвать Андрия из «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя носителем или служителем зла? Оба эти персонажа совершили низкие поступки, поддавшись слабости. А Владимир Дубровский смог сохранить свою свободу и независимость, лишь став разбойником. Заметьте, все эти персонажи созданы в XIX и XX столетиях. В их характерах отразились внутренние противоречия, первоначально присущие этим характерам, но и являющиеся основой роста, развития личности. Внутренние противоречия, которые не могут быть

разрешены в силу их одинаковой необходимости для человека, называются диалектическими. Они заставляют людей искать какой-то необычный выход, не просто совершить выбор между двумя возможностями, но найти что-то третье. С таким изображением человеческого характера вам предстоит познакомиться в одном очень любопытном произведении.

Вашингтон Ирвинг

Вашингтон Ирвинг – писатель-романтик, живший и творивший в начале XIX века в Соединенных Штатах Америки. В США тогда еще не было собственной литературы. Страна была слишком молодой, к тому же ее население составляли выходцы из самых разных стран Европы– Англии, Голландии, Франции, Испании и др., вытеснившие коренное население – индейцев в леса Дальнего Запада, но зато заселившие отвоеванную землю африканскими неграми, привезенными из-за моря и превращенными в рабов.

Вы знаете, что литература рождается из национального фольклора. Из какого фольклора могла произойти американская литература? Из индейского? Но американцы считали индейцев дикарями и даже не пытались изучить языки коренного населения страны. Из африканского? Было бы странно, если бы рабовладельцы создавали свою литературу, основываясь на фольклоре рабов. Из европейского? Но ведь уже существовали созданные на основе этого фольклора прекрасные литературы: английская, немецкая, русская, французская…

Первым из этого головоломного положения нашел выход В. Ирвинг. Он взял на вооружение иронию. Этот писатель опирался на традиции европейской литературы, использовал ее жанры и приемы, но при этом смотрел на нее как бы со стороны, высмеивая то суеверия европейцев, то их аристократизм, а то и национальные привычки. Ирвинг пародировал, то есть доводил до смешного, литературные приемы, выработанные за многие годы существования европейских литератур. Это была насмешка не просто остроумного писателя, но именно американца, гражданина страны, обладавшей в то время самой демократической конституцией и провозгласившей Декларацию прав человека.

Любимым жанром В. Ирвинга была новелла. Многие новеллы писатель объединял в циклы по тематическому сходству, или давал им общего повествователя, или организовывал несколько новелл в единое повествование с помощью рамочной композиции. Так появились его новеллистические сборники «Книга этюдов»,

«Брейсбридж-холл» и др.

Был создан Ирвингом и очень любопытный цикл под названием «Альгамбра». В этот цикл вошли произведения, опирающиеся на испанскую национальную литературную традицию. Более того, писатель попытался использовать в этом цикле и литературную традицию мавров – арабов, некогда населявших Пиренейский полуостров. (Вы, конечно же, сразу вспомнили царя Марсилия из «Песни о Роланде».) В «Альгамбру» включена и «Легенда об арабском астрологе», которую вам предстоит сейчас прочитать.

Попрошу вас обратить внимание на жанр этого произведения, ибо это действительно стилизация арабской легенды. В. Ирвинг посмеивается здесь над модным в начале XIX века увлечением восточной экзотикой, но одновременно обогащает свои новеллы многими приемами арабской повествовательной литературы, знакомит читателя с элементами восточной культуры.

> *Задумайтесь, пожалуйста, над тем, какие приемы используются автором для того, чтобы придать характерам легенды восточный колорит.*

В «Легенде об арабском астрологе» нет ни одного положительного персонажа. Конфликт в этом произведении возникает между двумя малосимпатичными личностями: султаном Абен-Абусом и «мудрецом» Ибрагимом ибн Абу-Аюбом.

> Обратите внимание, что два эгоистичных и вероломных старца весьма отличаются друг от друга. *Думаю, вам уже под силу определить, как создаются их характеры и в чем их отличия (не забудьте при этом об иронии В. Ирвинга).*

И еще одно, последнее замечание: сопоставляя характеры Абен-Абуса и Ибрагима ибн Абу-Аюба, не забывайте, что это характеры внутренне противоречивые, сложные, диалектические. Их борьба проявляет не только эгоистические «слабости» старцев, но и элементы внутренней силы, которой наделен каждый из них.

Легенда об арабском астрологе
Перевод А. Бобовича

Давным-давно, много столетий назад, жил-был мавританский[60] султан по имени Абен-Абус, повелитель Гранады[61]. Это был завоеватель в отставке, то есть такой,

который когда-то, в дни своей молодости, проводил жизнь в беспрерывных набегах и грабежах, а теперь, состарившись и одряхлев, «жаждал покоя» и мечтал лишь о том, чтобы жить в ладу со всем миром, почивать на лаврах и безмятежно править владениями, некогда отнятыми им у соседей.

Случилось, однако, что этому в высшей степени благоразумному и миролюбивому престарелому монарху пришлось столкнуться с молодыми соперниками – юными принцами, исполненными его былой страсти к славе и битвам и склонными потребовать от него уплаты по счетам, завещанным их отцами. К тому же некоторые отдаленные области его государства, которыми он в дни своей мощи управлял надменно и гордо, ныне, когда он «жаждал покоя», обнаруживали готовность восстать, и существовала опасность, что они двинутся в столицу. Таким образом, враги грозили ему отовсюду, а так как Гранада окружена дикими и скалистыми горами, скрывающими приближение неприятеля, бедный Абен-Абус, не зная, с какой стороны ожидать враждебных действий, пребывал в состоянии вечной настороженности и тревоги.

Понапрасну строил он в горах великое множество сторожевых башен, понапрасну расположил на перевалах дозоры с приказом в случае приближения противника жечь по ночам костры, а днем курить дымом. Юркие, увертливые враги, несмотря на его бесчисленные меры предосторожности, пробирались через какие-нибудь неведомые ущелья, под самым его носом разоряли принадлежавшие ему земли, после чего уходили с добычей в горы. Бывал ли когда-нибудь удалившийся в отставку завоеватель в более неприятном, более тягостном положении?

Как раз в то время, когда тревоги и неприятности особенно одолевали Абен-Абуса, ко двору прибыл старый-престарый арабский врач. Его седая борода спадала до пояса, и вообще все в нем свидетельствовало о крайней старости, хотя он проделал весь путь из Египта пешком, не пользуясь никакой иной помощью, кроме помощи посоха, исчерченного иероглифами[62]. Молва предшествовала ему. Его звали Ибрагим ибн Абу-Аюб; утверждали, что он жил еще во времена Магомета[63] и что он сын Абу-Аюба, последнего из сподвижников пророка. Будучи еще ребенком, он попал в Египет вместе с победоносным войском Амру и оставался там многие годы, изучая у египетских жрецов чернокнижие и, в частности, магию.

Передавали также, будто он отыскал секрет продления жизни, благодаря чему и живет более двух столетий, но так как это открытие было сделано им, когда он был уже в преклонных летах, ему пришлось остаться при седых волосах и морщинах.

Этот необычный старец был с почетом принят султаном, который, подобно большинству престарелых монархов, с некоторых пор стал питать к врачам особую благосклонность. Он хотел отвести ему помещение во дворце, но астролог предпочел пещеру на той стороне холма, которая подымается над Гранадой и на которой впоследствии была выстроена Альгамбра[64]. Он велел расширить и отделать пещеру так, чтобы получилось нечто вроде просторного и высокого зала с круглым отверстием в потолке, сквозь которое, как со дна колодца, он мог бы рассматривать небо и даже в полдень наблюдать звезды. Стены зала были расписаны египетскими иероглифами, каббалистическими символами[65] и знаками Зодиака. Этот зал он уставил множеством всяких приборов, изготовленных под его наблюдением искуснейшими мастерами Гранады, приборов, таинственные свойства которых были известны, однако, лишь ему одному.

Вскоре мудрец Ибрагим стал ближайшим советником султана, прибегавшего к его помощи во всех затруднительных случаях.

Случилось, что как-то Абен-Абус обличал несправедливость соседей и горько сетовал, что ему приходится быть постоянно настороже, дабы ограждать себя от вторжений. Выслушав эти жалобы, астролог после непродолжительного молчания промолвил:

– Знай, повелитель, что, находясь в Египте, я лицезрел великое чудо, сотворенное некогда языческой жрицею. Над городом Борса на горе, откуда открывается вид на долину великого Нила, стоит баран и на нем петушок – оба из литой меди, – и они вращаются на особой оси. Всякий раз, как стране угрожает нашествие, баран поворачивается в сторону неприятеля, а петушок кукарекает, благодаря чему жители заранее знают об опасности и о том, откуда она приближается, так что могут своевременно принять необходимые меры.

– Великий Боже! – воскликнул миролюбивый Абен-Абус. – Каким бесценным сокровищем был бы для меня подобный баран, зорко стерегущий окрестные горы; каким сокровищем был бы петух, кукарекающий в час опасности! Алла акбар![66] Как мирно почивал бы я у себя во дворце, имея на крыше таких часовых!

Астролог выждал, пока утихли восторги султана, и затем продолжал:

– После того как победоносный Амру (да пребудет он в мире!) завершил завоевание Египта, я поселился среди местных жрецов, изучая обряды и церемонии языческой веры и стремясь овладеть их тайными знаниями, благодаря которым они

пользуются известностью во всем мире. Однажды, сидя на берегу Нила, я беседовал с одним дряхлым жрецом: вдруг он указал на могучие пирамиды, вздымающиеся среди пустыни, подобно высоким горам. «Все, чему мы можем тебя научить, – сказал он, – ничто рядом со знанием, сокрытым в этих величественных строениях. Внутри центральной пирамиды замурована погребальная зала, в которой покоится мумия верховного жреца, содействовавшего постройке этого громадного здания, и вместе с ним погребена также священная книга, заключающая в себе все тайны магии и колдовства. Эта книга была дана Адаму после его изгнания из рая и, переходя из поколения в поколение, попала в конце концов в руки премудрого царя Соломона, который, руководясь ее указаниями, воздвиг знаменитый иерусалимский храм. Каким образом она затем оказалась собственностью строителя пирамиды, известно лишь тому, для кого вообще не существует никаких тайн».

Едва я услышал слова египетского жреца, как сердце мое загорелось желанием добыть упомянутую им книгу. Я имел возможность использовать для этой цели воинов нашего победоносного войска и довольно значительное число местных жителей. Я приступил к работе и начал пробивать глыбы твердого камня, пока не добрался, после неимоверных трудов, до одного из внутренних потайных ходов. Следуя по этому ходу и миновав опаснейший лабиринт, я проник в самое сердце пирамиды, в погребальную залу, где многие столетия покоилась мумия верховного жреца. Я вскрыл саркофаг, снял великое множество повязок, в которые была запеленута мумия, и, наконец, нашел на груди покойного драгоценную книгу. Я схватил ее дрожащей рукой, ощупью выбрался из пирамиды, оставив мумию в темной и безмолвной гробнице дожидаться дня воскресения мертвых и Страшного суда.

– Сын Абу-Аюба, – воскликнул Абен-Абус, – ты – великий путешественник и повидал много чудес, но что мне до тайн какой-то неведомой пирамиды и книги премудрости царя Соломона!

– Вот об этом, повелитель, я и поведу речь. Благодаря этой книге я выучился искусству магов и располагаю помощью джиннов[67] для достижения своих целей. Тайна чудесного барана из города Борса для меня больше не тайна, я в силах сотворить такое же чудо; впрочем, нет – мое чудо еще поразительнее.

– О премудрый сын Абу-Аюба, – вскричал Абен-Абус, – один такой баран несравненно полезнее, чем все сторожевые башни в горах и великое множество часовых на границах! Сотвори мне такого телохранителя – и все сокровища моей казны будут твои.

Астролог тотчас же принялся за работу, дабы удовлетворить желание султана. Он велел возвести над крышей дворца, стоявшего на скалистом выступе холма Альбайсин, высокую башню. На постройку башни пошли исключительно камни, привезенные из Египта и снятые, как передают, с пирамиды. В верхней части этой башни находился круглый зал с окнами, выходящими на все стороны небосклона; у каждого окна стоял стол, на котором было выстроено в боевом порядке, как на шахматной доске, крошечное войско пеших и конных воинов во главе с фигуркою, изображающею того государя, чьи земли простирались в данном направлении. На каждом столе лежало также небольшое копье, величиною с сапожное шило, с вырезанными на нем халдейскими письменами[68]. Этот зал был всегда на запоре, в него вела медная дверь с огромным стальным замком, ключ от которого хранился у самого султана Абен-Абуса.

Макушку башни венчал шпиль; на этом шпиле была укреплена фигура мавританского всадника со щитом в одной руке и поднятым отвесно копьем в другой. Лицо всадника было обращено к городу, точно он нес его охрану и следил за порядком; однако едва против Гранады выступали враги, всадник поворачивался в ту сторону, откуда грозила опасность, и опускал копье, словно собираясь пустить его в дело.

Как только изготовление этого чудесного талисмана было закончено, Абен-Абус стал нетерпеливо ожидать случая, который позволил бы испытать его необыкновенные свойства, и столь же пламенно жаждал нашествия, как некогда жаждал покоя. Его желания вскоре исполнились. Однажды – это произошло в ранний утренний час – страж, приставленный охранять башню, сообщил, что бронзовый всадник повернулся лицом к Эльвирским горам и что его копье направлено прямо на перевал Лопе.

– Пусть бьют в барабаны и трубят в трубы, пусть зовут горожан к оружию, пусть вся Гранада будет поставлена на ноги! – приказал Абен-Абус.

– О повелитель, – молвил астролог, – незачем тревожить твой город и звать к оружию воинов; мы не нуждаемся в силе, чтобы избавиться от врагов. Отпусти свиту и поднимемся в секретную залу на башне.

Престарелый Абен-Абус поднялся по башенной лестнице, опираясь на руку еще более престарелого Ибрагима ибн Абу-Аюба. Они отомкнули медную дверь и вошли. Окно, обращенное в сторону перевала Лопе, было открыто.

– В этом направлении, – сказал астролог, – таится опасность; приблизься, о повелитель, и познай тайну стола.

Султан Абен-Абус подошел к находящейся здесь шахматной

доске; на ней были расставлены маленькие фигурки из дерева. Вдруг, к своему изумлению, он обнаружил, что фигурки пришли в движение. Кони становились на дыбы, выделывали курбеты, воины размахивали копьями и мечами, слышались глухие и слабые звуки барабанов и труб, звон оружия, ржанье боевых скакунов, причем все было не громче и не отчетливее, чем жужжанье пчелы или мухи над ухом спящего человека, отдыхающего в тени в знойный полуденный час.

– Заметь себе, о повелитель, – сказал астролог, – вот свидетельство, что враги твои уже выступили, они должны показаться там, в горах у перевала Лопе. Если желаешь посеять среди них панику и смятение, заставь их отступить без пролития крови, прикоснись к фигуркам тупым концом магического маленького копья; если предпочитаешь кровавое побоище и истребление, прикоснись его острием.

Лицо Абен-Абуса стало мертвенно-бледным; дрожа от нетерпения, он взял в руки копье, и когда он подходил к столу, его седая борода тряслась от овладевшего им ликования.

– Сын Абу-Аюба! – воскликнул он усмехаясь, – я полагаю, что малая толика крови все же необходима.

С этими словами он рьяно взялся за дело: одни фигурки он колол острым концом магического копья, другие ударял его тупой стороной; первые из них падали замертво на землю, тогда как вторые, обратившись друг против друга, начали беспорядочное братоубийственное побоище.

Астрологу с величайшим трудом удалось остановить руку миролюбивейшего из монархов и удержать его от полного истребления неприятеля; наконец он убедил султана покинуть башню и послать в горы, к перевалу Лопе, разведчиков.

Они вернулись с известием, что христианскому войску удалось проникнуть в самое сердце окрестных гор, оно находилось уже почти в виду Гранады, но в его рядах возникли раздоры; после кровавой братоубийственной сечи оно удалилось в свои пределы.

Испытав на деле замечательные свойства чудесного талисмана, Абен-Абус ликовал.

– Наконец-то, – повторял он, – я смогу вести спокойную жизнь и держать врагов в своей власти. О премудрый сын Абу-Аюба, чем же вознаградить тебя за столь великое благодеяние?

– Желания старца, к тому же философа, нетрудно исчислить – они скромны: предоставь мне средства, чтобы обставить пещеру и превратить ее в более или менее сносную келью отшельника, – я буду доволен.

– О, сколь благородна умеренность настоящего мудреца! –

воскликнул Абен-Абус, чрезвычайно довольный незначительностью просимого философом вознаграждения. Он позвал своего казначея и велел отпускать по требованию Ибрагима столько денег, сколько понадобится для расширения и убранства его скромной кельи.

Астролог велел вырубить в скале анфилады комнат и устроить их таким образом, чтобы они соединялись друг с другом и с его астрологическим залом; он приказал обставить эти покои роскошными оттоманками[69] и диванами и завесить их стены драгоценными шелками Дамаска.

– Я стар, – говорил он, – я не могу томить свои кости на каменном ложе; что же касается сочащихся сыростью стен, то их нужно закрыть.

Сверх этого он выстроил бани, снабдив их всевозможными благовониями и ароматическими маслами, «ибо омовение», как сказал он, «необходимо, чтобы бороться со старостью и восстанавливать свежесть и гибкость истомленного умственными трудами тела».

Он велел, кроме того, повесить во вновь выстроенных покоях неисчислимые хрустальные и серебряные светильники, которые заправлялись ароматическим маслом, приготовленным согласно рецепту, найденному им в гробницах Египта. Это масло было вечным, никогда не угасало; от него исходило мягкое, нежное сияние, напоминающее рассеянный дневной свет.

– Свет солнца, – утверждал он, – слишком ярок и резок для слабых глаз старца, тогда как свет светильника более подходит для занятий философа.

Между тем казначей Абен-Абуса начал ворчать по поводу сумм, ежедневно расходуемых астрологом на отделку и украшение его кельи; в конце концов он отправился со своими жалобами к султану. Но раз царское слово дано, оно нерушимо. Абен-Абус только пожал плечами.

– Мы должны запастись терпением, – сказал он. – Старик задумал устроить жилище философа в соответствии с тем, что он видел внутри пирамид и среди гигантских развалин Египта; но всему бывает конец, – то же случится и с расходами по убранству его пещеры.

Султан был прав; келья была, наконец, отделана и обставлена; она представляла собою роскошнейший подземный дворец. Астролог заявил, что ему больше ничего не потребуется, и, запершись у себя, провел трое суток в непрерывных трудах. После этого он снова пришел к казначею.

– Мне нужна еще одна вещь, – сказал он, – пустячное развлечение на время отдыха от умственного труда.

– О премудрый Ибрагим, мне приказано доставлять тебе все, что может понадобиться тебе в твоем уединении; чего ты еще желаешь?

– Мне хотелось бы иметь несколько танцовщиц.

– Танцовщиц?! – повторил, как эхо, поверженный в изумление казначей.

– Да, танцовщиц, – ответил степенно мудрец, – пусть они будут молоды и приятны на вид, ибо лицезрение юности и красоты действует на стариков освежающе. Мне достаточно будет немногих, ибо я – философ, и потребности мои невелики, удовлетворить их нетрудно.

Пока философ Ибрагим ибн Абу-Аюб столь мудро проводил время у себя в келье, миролюбивый Абен-Абус, сидя в башне, заочно предавался яростным битвам.

И действительно, разве не замечательное занятие для престарелого монарха, и притом миролюбивого, вести войны с такой поразительной легкостью, не выходя из комнаты, шутя рассеивать целые армии, точно дело шло о каких-нибудь мушиных роях!

Мало-помалу он настолько вошел во вкус этой забавы, что принялся даже задирать и оскорблять соседних монархов, стремясь вызвать их на войну, но, потерпев неоднократные поражения, они становились все более и более осторожными, и в конце концов среди них не осталось ни одного, кто бы отважился пойти походом на его земли. В течение многих месяцев бронзовый всадник неизменно пребывал в мирной позе с поднятым кверху копьем, и почтенный старый султан, тоскуя по привычной забаве, начал жаловаться на скуку и стал раздражителен.

Наконец, в один прекрасный день волшебный всадник круто повернулся на своем шпиле и, опустив копье, замер в том направлении, где высятся горы Гвадиса. Абен-Абус торопливо поднялся на свою башню, но – увы! – магический стол оставался спокойным, ни один воин не двигался. Озадаченный этим обстоятельством, он выслал конный отряд с приказанием произвести разведку в горах. Разведчики возвратились через три дня.

– Мы обшарили все перевалы, все тропы, – сообщили они, – но не обнаружили ни одного шлема, ни одной шпоры. За время наших разъездов мы нашли только христианскую девушку поразительной красоты, которая спала в знойный полдень у родника, и эту девушку мы привезли с собою как пленницу.

– Девушку поразительной красоты! – воскликнул Абен-Абус, и его глаза загорелись воодушевлением. – Пусть она немедленно

предстанет пред наши очи!

Как было приказано, прекрасную девушку немедленно привели пред его очи. Она была одета с такой роскошью, какая господствовала среди испанских вестготов[70] во времена арабского завоевания. Жемчуга ослепительной белизны были вплетены в ее черные, как вороново крыло, волосы; на лбу ее сверкали драгоценности, соперничая в блеске с сиянием ее глаз. Ее шею обвивала золотая цепь, которая поддерживала серебряную лиру, висевшую у нее на боку.

Вспышки пламени, загоравшегося по временам в ее черных, излучающих сияние глазах, были подобны огненным искрам для увядшего, но все еще способного воспламеняться сердца Абен-Абуса; к тому же сладостная нега, разлитая в ее плавной походке, окончательно вскружила ему голову.

– О прелестнейшая из женщин, – вскрикнул он, охваченный восхищением, – кто ты и что ты?

– Дочь одного из готских государей, еще недавно властвовавшего на этой земле. Но войско моего отца, как по мановению волшебного жезла, погибло в горах; он стал изгнанником, а его дочь – пленницей.

– Берегись, о повелитель! – прошептал Ибрагим ибн Абу-Аюб, – возможно, что это – одна из тех северных колдуний, которые, по слухам, принимают самый соблазнительный вид, дабы обмануть легковерного. Мне кажется – я вижу колдовские чары в ее глазах и волшебство в каждом ее движении. Она, несомненно, тот враг, на которого указывал нам талисман.

– Сын Абу-Аюба, – ответил султан, – ты – мудрейший из людей, я отдаю тебе должное; ты волшебник, каких я больше не знаю, но ты недостаточно сведущ в том, что касается женщин. В этом деле я не уступлю никому, даже самому премудрому Соломону, несмотря на великое множество жен и наложниц, которыми он обладал. Что же касается этой девушки, то я не вижу в ней никакой опасности; она прекрасна и радует взор.

– Выслушай, о повелитель, – молвил астролог, – при помощи моего талисмана я даровал тебе много побед, но я никогда не просил своей доли в добыче. Отдай мне эту случайную пленницу, чтобы я мог усладить свое одиночество звуками ее серебряной лиры. Если она в самом деле колдунья, то я располагаю соответствующими заклятиями и ее чары мне не страшны.

– Что? Еще женщин! – вскричал Абен-Абус. – Разве у тебя не довольно танцовщиц для твоего развлечения?

– У меня есть танцовщицы, это верно, но не певицы. А между тем я охотно прослушал бы песенку, чтобы освежить свой ум, истомленный трудами.

– Прекрати, наконец, свои бесконечные просьбы, отшельник! – нетерпеливо бросил султан. – Эту девушку я забираю себе. Она мне нравится, я нахожу в ней такую же радость, какую находил Давид, отец Соломона премудрого, в обществе юной Абишаг Сунамит.

Дальнейшие просьбы и увещания астролога повлекли за собою еще более решительные отказы монарха; они расстались, испытывая взаимное неудовольствие. Мудрец заперся у себя в подземелье и предался размышлениям по поводу постигшей его неудачи; впрочем, прежде чем окончательно удалиться, он еще раз предупредил султана, чтобы тот остерегался своей обольстительной, но роковой пленницы. Но где тот влюбленный старец, который внял бы полезным советам? Абен-Абус отдался во власть своей страсти. Его единственная забота состояла теперь в том, чтобы понравиться готской красавице. Он не мог, правда, прельстить ее молодостью, но зато был богат, а если влюбленный немолод, он, как правило, щедр. В поисках за драгоценными товарами Востока был перерыт весь гранадский базар; шелка, ювелирные изделия, драгоценные каменья, изысканные духи – все, что Азия и Африка доставляют редкостного и великолепного, все это в изобилии расточалось для прекрасной принцессы. Чтобы доставить ей развлечение, измышлялись всевозможные зрелища и торжества – состязания менестрелей, пляски, турниры, бой быков. В скором времени Гранада сделалась местом непрерывных празднеств. Готская принцесса, однако, смотрела на весь этот блеск с таким видом, точно привыкла к подобному великолепию. Она принимала это как дань, подобающую ее знатному происхождению, или, вернее, красоте, ибо красота еще более требовательна, чем знатность. Мало того, казалось, что она испытывает тайное удовольствие, побуждая султана к расходам, истощавшим его казну, и принимая его неслыханные щедроты как нечто вполне обыденное. Несмотря на свою настойчивость и расточительность, престарелый влюбленный не имел, таким образом, никаких оснований обольщаться надеждой, что ему удалось задеть ее сердце. Она, правда, никогда не сердилась, но никогда и не улыбалась. Лишь только он заводил речь о пожирающей его страсти, она тотчас же ударяла по струнам своей серебряной лиры. В звуках этого инструмента заключалось таинственное очарование. В тот же миг султан начинал клевать носом; его одолевала сладкая дрема, и он в конце концов погружался в сон, после чего пробуждался удивительно свежим и бодрым, но на время совершенно забывал о своей страсти. Это опрокидывало его расчеты, но сон, в который он впадал, сопровождался приятными сновидениями, целиком

поглощавшими пыл сонливого старца; и вот он продолжал себе безмятежно дремать да дремать, между тем как Гранада потешалась над его увлечением и роптала, что государственные сокровища расточаются из-за каких-то колыбельных песен.

Однако над головою Абен-Абуса собралась гроза, предупредить которую оказался не в силах даже волшебный всадник на башне. В самой столице вспыхнул мятеж; дворец был окружен вооруженным народом, грозившим лишить жизни султана и его возлюбленную христианку. В груди престарелого монарха вспыхнула, впрочем, искра былой воинственности. Во главе кучки телохранителей он вышел навстречу мятежникам, обратил их в бегство и подавил мятеж в самом зародыше.

Едва водворилось спокойствие, он вызвал астролога, все еще сидевшего у себя взаперти и пережевывавшего жвачку обиды.

Абен-Абус обратился к нему со словами примирения.

– О премудрый сын Абу-Аюба, – сказал он, – ты справедливо предупреждал меня об опасности, грозившей со стороны пленной красавицы; скажи мне, ты ведь умеешь отвращать гибель, скажи: что мне делать, дабы ее избежать?

– Отошли от себя эту неверную, которая причиной всему.

– Скорее я расстанусь со своим царством! – воскликнул Абен-Абус.

– Тебе грозит опасность потерять и одно и другое, – ответил астролог.

– Не будь бесчувственным и не таи злобы, о глубокомысленнейший из мудрецов, пойми мои затруднения и как монарха, и как влюбленного, придумай способ защитить меня от неприятностей, которые мне угрожают. Я не гонюсь ни за величием, ни за властью, я ищу только отдыха. О, если бы у меня было какое-нибудь убежище, куда бы я мог уединиться от света со всеми его заботами, суетой и тревогами и провести остаток дней моих в любви и покое!

Астролог на мгновение остановил на нем взгляд, сверкавший из-под густых, косматых бровей:

– А что я получу, если создам тебе такое убежище?

– Назови сам свою собственную награду; чего бы ты ни попросил, клянусь жизнью, оно будет твоим.

– Ты слышал, о повелитель, о саде Ирем, одном из чудес счастливой Аравии?

– Да, я слышал о нем – он упоминается в Коране[71], в главе, называемой «Утренняя заря». Я слышал, сверх того, от паломников, побывавших в Мекке[72], самые невероятные вещи, но я полагал, что это – нелепые басни, подобные тем, которые любят рассказывать путешественники, посетившие дальние

страны.

– О, не поноси, повелитель, рассказов, слышанных из уст путешественников, – возразил сурово астролог, – ибо в них содержатся драгоценные зерна знания, принесенные ими с края земли. Что же касается дворца и сада Ирем, то все, что обычно о них повествуется, сущая правда; я видел их собственными глазами. Выслушай, что случилось со мною, ибо это имеет отношение к твоим чаяньям.

– В дни моей юности – я был тогда простым арабом пустыни – я пас верблюдов моего отца. Когда мы однажды пересекали пустыню Аден, один из них отстал от стада, и мы его потеряли. Я тщетно искал его несколько дней, пока, наконец, измученный и истощенный, не улегся в полуденный зной в тени пальм у полусухого колодца. Проснувшись, я обнаружил, что предо мною – городские ворота. Я пошел и увидел великолепные улицы, парки и базары, но все было безмолвно – я не встретил ни одного человека. Я ходил по улицам и площадям, пока не набрел на роскошный дворец, который украшали фонтаны и рыбные садки, рощи, цветники и фруктовые сады, обремененные роскошными плодами, но никто не показывался моему взору. Устрашенный этим безлюдьем, я поторопился выйти из города и, пройдя сквозь ворота, обернулся назад, чтобы еще раз бросить на него взгляд, но на этот раз я не увидел ничего, кроме безмолвной пустыни, расстилавшейся перед моими глазами.

Невдалеке я встретил дряхлого дервиша[73], посвященного в предания и тайны этой страны, и поведал ему о том, что со мною произошло. «Это, – сказал он, – прославленный сад Ирем, одно из чудес пустыни. Время от времени он предстает пред глазами усталого путника, как это случилось с тобой, радуя его видом своих башен и деревьев, гнущихся под тяжестью обильного урожая; потом он исчезает опять, и на его месте остается только пустыня. Вот история этого сада: в стародавние времена, когда эту область населяли аддиты[74], царь Шедад, сын Ада, праправнук Ноя, заложил здесь город. Когда город был выстроен и он увидел его во всем великолепии, сердце его преисполнилось гордости и тщеславия, и он решил возвести в нем также дворец, окруженный садами, которые могли бы соперничать с упоминаемыми в Коране райскими рощами. За его надменность на него пало проклятие неба. Он и его подданные были стерты с лица земли, на его великолепный город, дворец и сад были наложены вечные чары, которые скрывают их от взоров людей, и лишь изредка он предстает перед ними, чтобы память о грехах царя сохранилась навеки».

Этот рассказ, о повелитель, и чудеса, которые мне довелось

видеть, глубоко врезались в мой ум. По прошествии многих лет, будучи в Египте и отыскав книгу премудрости Соломона, я решил возвратиться в пустыню и снова посетить сады волшебного града Ирема. Я так и сделал; они снова открылись моему посвященному взору. Я поселился во дворце Шедада и провел несколько дней в этом подобии рая. Джиннов, стерегущих эти места, я подчинил магической власти, они открыли мне чары, владевшие садом, лишившие его всякой жизни и сделавшие его незримым для всех. Подобный дворец и сад, о повелитель, я могу создать для тебя даже здесь, на горе, что над городом. Разве мне не подвластны все чары и разве я не обладаю книгой премудрости Соломона?

– О высокоученый сын Абу-Аюба! – воскликнул АбенАбус, дрожа от волнения. – Ты, воистину, вечный странник и, воистину, повидал чудесные вещи! Создай для меня такой рай и требуй у меня награды, требуй от меня половину моего царства!

– Увы! – ответил тот, – ты знаешь, что я – старый философ, удовлетворяющийся немногим; все, чего я хочу от тебя в качестве награды, – это получить от тебя вьючное животное с ношей, которое первым войдет в магические ворота.

Султан охотно согласился на столь скромные условия, а астролог взялся за работу. На вершине горы, над своею подземного кельей, он велел возвести крепкую башню, в центре которой был пробит барбакан, или, иначе, большие крепостные ворота.

Перед ним был устроен подъезд, или портик, с высокими сводами и внутри самый проезд, защищенный массивными воротами. На своде портика астролог собственноручно начертал изображение громадного ключа, а на своде внешней арки проезда высек гигантскую руку. Это были всемогущие талисманы, над которыми он прочел многочисленные заклинания на неведомом языке.

По окончании постройки этих ворот он заперся на два дня у себя в астрологическом зале и погрузился в какие-то таинственные занятия; на третьи сутки он поднялся на гору и провел на ее вершине весь день. Поздно ночью он спустился, наконец, вниз и предстал пред Абен-Абусом.

– О повелитель, – сказал он, – мой труд завершен. На вершине горы высится один из самых изумительных дворцов, которые были созданы мыслью человека и о которых мечтали когда-либо сердца. В нем – роскошные залы и галереи, чудесные сады, прохладные фонтаны и благовонные бани – короче говоря, вся гора превращена в рай. Подобно садам Ирема, он находится под покровительством всемогущих чар, скрывающих его от взора и поисков смертных, не знающих тайны его талисманов.

– Довольно! – радостно воскликнул Абен-Абус, – завтра утром на рассвете мы поднимемся наверх и вступим во владение этим чудом.

Ночью счастливый монарх почти не сомкнул глаз. Едва солнечные лучи заиграли на снежных вершинах Сьерра-Невады, как он вскочил на коня и в сопровождении избранных приближенных стал подниматься по крутой и узкой тропинке на гору. Рядом с ним на белом коне ехала принцесса; ее платье сверкало драгоценностями, вокруг ее шеи вилась золотая цепь, к которой была подвешена лира из серебра. По другую сторону шел астролог, опираясь на посох с иероглифами, ибо он никогда не ездил верхом.

Абен-Абус все время посматривал вверх, не сверкают ли уже башни дворца и не видны ли на высотах террасы, скрытые листвою деревьев, но ничего не открывалось его глазам.

– В этом тайна и неприступность этого места, – сказал астролог, – пока не пройдешь зачарованные ворота и не вступишь в пределы дворца, все остается скрытым от взора.

Приблизившись к воротам, астролог остановился и указал султану на таинственные руку и ключ, высеченные на своде портика.

– Вот, – сказал он, – талисманы, охраняющие вход в этот рай. Пока рука не опустится и не схватит ключа, ни сила человека, ни искусство мага не одолеют властелина этой горы.

Между тем в то самое время, как Абен-Абус с разинутым ртом и безмолвным удивлением рассматривал таинственные талисманы, конь принцессы двинулся дальше и прошел вместе с нею до самого центра проезда.

– Смотри! – вскричал астролог, – вот обещанная награда: вьючное животное с ношей, которое первым войдет в магические ворота!

Абен-Абус улыбнулся, ибо считал это шуткой почтенного старца, но когда он, наконец, понял, что тот говорит всерьез, его борода затряслась от негодования.

– Сын Абу-Аюба, – сказал он сурово, – это крючкотворство. Ты отлично знаешь смысл моего обещания: вьючное животное с ношей, которое первым войдет в эти ворота. Возьми лучшего из моих мулов, нагрузи его ценнейшими вещами моей сокровищницы, и все это будет твоим; но не смей возвышать свои мысли до той, кто является отрадой моего сердца.

– К чему мне богатства? – презрительно бросил астролог. – Разве я не владею книгой премудрости Соломона и благодаря ей всеми сокровищами земли? Принцесса принадлежит мне по праву, я требую ее как свою собственность.

Принцесса поглядывала на них с высоты коня, и этот спор двух седобородых старцев из-за обладания юностью и красотой вызвал на ее розовых губках легкую презрительную усмешку.

Гнев монарха заставил его забыть обычную для него вежливость.

– Презренный сын пустыни! – вскричал он. – Ты, несомненно, властвуешь над многими волшебствами, но знай, что властелин над тобою – я; не рассчитывай, что тебе удастся обмануть своего повелителя.

– Властелин! Повелитель! – повторил, как эхо, астролог. – Властитель кротовой норы требует повиновения от того, кто обладает талисманами Соломона? Прощай, Абен-Абус! Владей своим крошечным царством, пируй в раю дураков; что до меня, то мне остается лишь смеяться над тобою и тебе подобными в моем философском уединении.

С этими словами он схватил под уздцы коня принцессы и провалился вместе с нею под землю, тут же посредине барбакана. И в том месте, где разверзлась земля и они провалились, не осталось ни малейших следов.

От изумления Абен-Абус на некоторое время утратил дар речи. Придя в себя, он велел, чтобы тысячи рабочих били кирками и рыли лопатами в том месте, где исчез астролог. Они долго рыли, но все тщетно; каменные недра горы сопротивлялись бесплодным усилиям; если им удавалось врыться поглубже, земля снова смыкалась по мере того, как они вынимали ее из ямы. Абен-Абус стал разыскивать вход в пещеру, который был когда-то у подножья горы и вел в подземный дворец астролога, но его так и не смогли отыскать. Там, где некогда было отверстие, теперь виднелась мощная гладь девственной горной породы. Вместе с исчезновением Ибрагима ибн Абу-Аюба прекратилось и благодетельное действие талисманов. Бронзовый всадник пребывал неподвижным, его лицо было обращено к горе, копье указывало на то место, где исчез астролог, словно там скрывался злейший враг султана Абен-Абуса.

Время от времени откуда-то из-под земли доносились глухие звуки музыки и женского голоса; один крестьянин сообщил султану, что минувшею ночью он нашел в скале небольшое отверстие, сквозь которое заглянул внутрь и увидел подземные палаты и астролога, сидевшего на роскошном диване и дремавшего под звуки серебряной лиры; ему показалось, будто эта лира имеет над старым философом какую-то чудную власть.

Абен-Абус принялся за поиски этой щели в скале, но она бесследно закрылась; ее не нашли. Он снова и снова возобновлял попытки извлечь соперника из-под земли – все было напрасно.

Чары руки и ключа были слишком могущественны; никакая человеческая власть не была в силах их одолеть. Что же касается вершины горы – месторасположения обещанного дворца и сада, то она оставалась пустынной и голой; очевидно, этот обетованный элизий[75] благодаря волшебству был скрыт от человеческих глаз, либо он вообще существовал лишь как выдумка астролога. Все благодушно пришли к последнему выводу, так что некоторые стали называть это место «султанская блажь», а другие – «рай дураков».

В довершение несчастий Абен-Абуса соседи, которых он, пребывая под защитою волшебного всадника, задирал, презирал и истреблял в свое удовольствие, узнав, что он лишился своих магических чар, стали со всех сторон нападать на его земли, и остаток жизни миролюбивейшего из монархов прошел в непрерывных тревогах и беспокойстве.

Наконец Абен-Абус умер и удостоился погребения. Миновали многие годы. На месте достопамятной горы высится Альгамбра, в которой до некоторой степени воплотились волшебные чудеса сада Ирем. Впрочем, очарованные ворота существуют доныне; до сих пор они, несомненно, пребывают под покровительством мистической руки и ключа, называются Вратами Правосудия и служат главным крепостным входом. Под вратами, говорят, в своем подземном жилище все еще обитает астролог, по-прежнему дремлющий на своем ложе, убаюкиваемый серебряной лирой принцессы.

Старые инвалиды, стоящие тут на часах и несущие охрану ворот, слышат иной раз какое-то пение и музыку, особенно в летние ночи, и, уступая их снотворному действию, мирно почивают на своих постах. Мало того, клонящие долу флюиды[76] здесь настолько могущественны, что даже те, кто несет службу в дневные часы, обыкновенно дремлют на каменных скамьях барбакана или спят где-нибудь в тени соседних деревьев, так что, говоря по правде, это – самый сонный пост среди всех постов христианского мира. Все это, как утверждают старинные легенды, продолжится много, много веков. Принцесса по-прежнему будет пленницей астролога, астролог по-прежнему будет впадать в магический сон, пока не наступит день, когда мистическая рука схватит, наконец, недоступный для нее ключ. И в этот день волшебная гора освободится от своих чар.

Вопросы и задания

1. Объясните, почему в название произведения В. Ирвинга входит слово «легенда».

2. Охарактеризуйте образ Повествователя.

3. Как проявляется в легенде авторская позиция?

4. Назовите основной конфликт легенды и проследите его развитие.

5. Объясните, для чего вводится в легенду образ христианской принцессы.

6. Укажите основные художественные приемы, которые использует автор для описания характеров астролога и султана.

7. Охарактеризуйте Абен-Абуса как султана и как человека.

8. Объясните, почему название произведения указывает на Абу-Аюба как на главного героя, какую роль играет астролог в легенде.

9. Сформулируйте идею «Легенды об арабском астрологе».

Иосиф Христиан фон Цейдлиц [77]

Этот австрийский поэт-романтик прожил богатую и интересную жизнь. Он сам принимал участие в битвах с наполеоновской армией, и личность французского императора произвела на него очень сильное впечатление. Попытка поэтически осмыслить судьбу простого корсиканца, поднявшегося на вершины власти и славы, проявилась в двух прекрасных балладах, которые стали широко известны в России благодаря превосходным переводам В. А. Жуковского и М. Ю. Лермонтова.

Подумайте, почему оба эти произведения относятся к жанру баллады, хотя в них вроде бы отсутствует диалог. Что привлекает поэтов в характере Наполеона? Почему обе баллады описывают Наполеона уже после заката звезды его славы и успеха?

Ночной смотр
Перевод В. А. Жуковского

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.

И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры[78],
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горючих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу,
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи-кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фрунту:
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.
И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они и пароль тот и лозунг:
И Франция – тот их пароль,
Тот лозунг – Святая Елена[79].
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба

В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

Воздушный корабль
Перевод М. Ю. Лермонтова

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера[80] не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане -
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в зыбучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,

Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры -
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один -

Стоит он и тяжко вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок.

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

Вопросы и задания

1. Охарактеризуйте образ Наполеона, созданный в балладах Цейдлица.

2. Объясните, какую художественную роль играет в балладах Цейдлица фантастика.

3. Укажите, какие художественные приемы использует автор для создания образа Наполеона, какие чувства он вызывает у читателя.

4. Выпишите наиболее яркие эпитеты, характеризующие образы в балладах.

5. Составьте ритмические схемы обеих баллад, укажите различия их мелодической организации и лирического настроения.

6. Охарактеризуйте особенности рифмовки баллады «Воздушный корабль», попробуйте объяснить, почему автор оставляет половину стихов без рифм.

Героический характер в литературе

Способность человека совершить подвиг, преодолеть препятствия, кажущиеся непреодолимыми, всегда привлекала людей. Самые первые литературные персонажи были героями – Гильгамеш, Ахилл, Роланд, Илья Муромец… Именно герой способен помочь людям в трудную минуту, именно он способствует развитию человечества, но что заставляет его рисковать жизнью, противопоставлять себя другим, отказываться от спокойной и разумной жизни? Нужны ли вообще герои или их появление всегда связано с необходимостью исправления ошибок, допущенных другими людьми (не надо допускать ошибок – и не нужны будут герои)?

Давайте сначала разберемся в значении слова «героизм». Во-первых, героический поступок всегда проявляется в каких-то исключительных обстоятельствах: стихийные бедствия, войны, переломные эпохи, общественные потрясения и т. п. Во-вторых, героизм – это способность человека совершить то, что другим в этих обстоятельствах не под силу, это исключительные качества. В-третьих, героический поступок всегда связан с риском для жизни или счастья человека. Если кто-то наделен от природы огромной физической силой, то нет ничего героического в том, что он поднимает огромные камни или одерживает победы в поединках борцов. Но, когда человек бросается поддержать падающую скалу, чтобы успели убежать играющие под ней дети, стремясь выиграть несколько секунд, прежде чем она придавит его самого, – это героизм, это подвиг.

Очень часто герой вынужден исправлять ошибки других людей. Вспомните Илью Муромца, который в одиночку расправляется с Соловьем-разбойником, потому что жители города Чернигова не решаются выступить против злодея,

предпочитая ехать подальше от его «гнезда». Иногда подвиг необходим, чтобы исправить собственную ошибку: так Иван, не послушавший Конька-горбунка, вынужден пройти через ряд все более сложных испытаний. Но нередко подвиг необходим, чтобы человечество поднялось на новый уровень развития. Такие подвиги совершали герои-путешественники (Марко Поло, Колумб, Афанасий Никитин), расширявшие границы известного человеку мира, ученые (Рихман), жизнью плативщие за бесценные знания, необходимые людям, врачи, во время эпидемии входившие в чумные или холерные бараки, чтобы облегчить страдания больных.

Без героев человечество не выдержало бы неравной борьбы со злом, лицемерием, пошлостью…

В литературе героический характер всегда занимал очень почетное место, но менялись представления людей о героическом, менялись и характеры. Если сначала героями изображались богатыри, воины, защитники, то уже Сервантес показывает «подвиги» Дон Кихота, мечтающего вернуть людям «золотой век». Вслед за героем-мечтателем появляются мудрый герой-правитель (Петр I в одах Ломоносова), благородный разбойник (Дубровский из одноименного произведения А. С. Пушкина), купец, защищающий честь своей жены (Калашников из «Песни про купца Калашникова…» М. Ю. Лермонтова).

Писатели показывают различные ситуации, в которых проявляются лучшие качества человека, превращающие его в героя. И совершенно очевидно– пока существует литература, в ней обязательно будут героические характеры.

Джек Лондон

Этот американский писатель творил в начале XX века.

В его произведениях тема героизма занимает особое место. Дело в том, что Дж. Лондон в своей жизни сам часто попадал в очень сложные ситуации. С детства он вынужден был зарабатывать себе на пропитание, не гнушаясь никакой работы: он был матросом, журналистом, грузчиком. Однажды судьба занесла его на Аляску. Здесь, на суровом Севере, он с сотней других, охваченных «золотой лихорадкой», искал драгоценный металл, надеясь на быстрое обогащение. Золота Дж. Лондон не нашел, но приобрел огромный жизненный опыт, познакомился со смелыми и суровыми людьми. Этот опыт писателя отразился в цикле его «Северных рассказов», в романе «Время не ждет» и в анималистическом романе «Белый клык».

Суровая природа Севера открыла у писателя особый талант. Он охотно изображал в своих произведениях животных, замечательно передавая их «психологию», показывая мир с точки зрения «братьев наших меньших» («Белый клык», «Майкл, брат Джерри», «Батард» и др.).

Среди героев Дж. Лондона мы видим золотоискателей, авантюристов, дикарей, китайских наемных рабочих и революционеров. Всех их объединяют сила духа, мужество, готовность к подвигу. Писателя восхищают смелые люди, имеющие цель в жизни и влюбленные в саму жизнь.

В 1910–1917 годах в Мексике пылало пламя революции. Мексиканский народ восстал против проамериканского диктатора П. Диаса, которого США пытались удержать у власти, введя в страну свои войска. Несмотря на огромные жертвы, мексиканцы мужественно боролись за национальную независимость и победили. Победа была бы невозможной, если бы богатству, военной силе США и продажности политиков мексиканцы не противопоставили любовь к Родине, готовность отдать жизнь за ее независимость. Во время Мексиканской революции множество людей совершили подвиги, даже не задумываясь об их значении, не требуя награды и славы.

Об одном из таких героев рассказывает Дж. Лондон в новелле «Мексиканец». Писатель находит очень сильный и убедительный художественный прием, чтобы показать гуманистический смысл Мексиканской революции: он изображает ее в виде поединка профессионального «боксера» Дэнни Уорда и мексиканского юноши Фелипе Риверы. В этом поединке, как в капле воды, отразился смысл противостоящих в революции сил. На стороне Уорда опыт, помощь тренеров, необъективность судьи и поддержка зрителей. Да и сам бой Уорд ведет бесчестно, не останавливаясь перед подлыми, далекими от спорта приемами. А вот у Риверы – только ненависть к гринго и любовь к Родине, которой необходимо, чтобы он победил любой ценой. Вот здесь-то и скрывается главное объяснение героизма мексиканца. Дэнни Уорд дерется за деньги, для него это работа, хотя и «грязная», а вот Ривера сражается за независимость своего народа, эта мысль придает ему силы и воодушевляет на подвиг. Героизм оказывается внутренней потребностью молодого мексиканца, именно поэтому его нельзя победить.

Подумайте над тем, как используется в новелле прием антитезы.

На первый взгляд перед нами исключительный характер, но Дж. Лондон стремится убедить читателя в том, что экстремальная

ситуация борьбы за национальную независимость сама порождает такие исключительные характеры и делает их почти обыденными. Обратите внимание, Ривера готов «для революции» мыть полы, выгребать золу из печей и приносить уголь. Именно этим, возможно, он и станет заниматься, когда революция победит. Тогда никто и не вспомнит о его бое с Дэнни Уордом, потому что война за независимость порождает не одного, а тысячи героев. Вспомните «часы с репетиром» Паулино Вэры и «толстое золотое кольцо» Мэй Сэтби – они тоже сгорели в пламени революции, как отдали свои жизни революции трое курьеров, которые «сами вырыли себе могилы».

Как видите, героизм тоже бывает разным, но когда требует Родина, большинство ее детей становятся героями. Об этом и написал свою новеллу Дж. Лондон.

Мексиканец
Перевод Н. Ман

I

Никто не знал его прошлого, а люди из Хунты и подавно. Он был их «маленькой тайной», их «великим патриотом» и по-своему работал для грядущей мексиканской революции так же рьяно, как и они. Признано это было не сразу, ибо в Хунте его не любили. В день, когда он впервые появился в их людном помещении, все они заподозрили в нем шпиона – одного из продажных и тайных приспешников Диаса[81]. Ведь сколько товарищей было рассеяно по гражданским и военным тюрьмам Соединенных Штатов! Некоторые из них были закованы в кандалы, но даже закованными их переводили через границу, выстраивали у стены и расстреливали.

На первый взгляд мальчик производил неблагоприятное впечатление. Он был действительно мальчиком, лет восемнадцати, не больше, и не слишком рослым для своего возраста. Он объявил, что его зовут Фелипе Ривера и что ему хочется работать для революции. Вот и все – ни слова больше, никаких дальнейших разъяснений. Он стоял и ждал. На губах его не было улыбки, в глазах – привета. Рослый, экспансивный Паулино Вэра внутренне содрогнулся. Этот мальчик показался ему отталкивающим, страшным, непроницаемым. Что-то ядовитое, змееподобное таилось в его черных глазах. В них горел холодный огонь, громадная сосредоточенная злоба. Мальчик перевел взор с лиц революционеров на пишущую машинку, на

которой деловито отстукивала всю переписку Хунты маленькая миссис Сэтби. Его глаза на мгновение остановились на ней, она поймала этот взгляд и тоже почувствовала безымянное нечто, заставившее ее прервать свое занятие. Ей пришлось перечитать письмо, которое она печатала, чтобы снова войти в ритм работы.

Паулино Вэра вопросительно взглянул на него и затем на Ареллано и Рамоса, они также вопросительно взглянули на него и затем друг на друга. Этот худенький мальчик был неизвестностью, и неизвестностью, полной угрозы. Он был непознаваем, был вне границ понимания всех этих революционеров, чья свирепая ненависть к Диасу и его тирании была в конце концов только чувством честных патриотов. Здесь крылось нечто другое, что – они не знали. Но Вэра, всегда наиболее импульсивный и действенный, прервал молчание.

– Отлично, – холодно произнес он, – ты сказал, что хочешь работать для революции. Сними куртку. Повесь ее вон там. Подойди, я покажу тебе, где ведро и тряпка. Пол у нас грязный. Ты начнешь с того, что хорошенько его вымоешь, и в других комнатах тоже. Плевательницы надо вычистить. Потом займешься окнами.

– Это для революции? – спросил мальчик.

– Да, для революции, – отвечал Паулино.

Ривера с холодной подозрительностью посмотрел на них всех и стал снимать куртку.

– Хорошо, – сказал он.

И ничего больше. День за днем он являлся на работу – подметал, скреб, чистил. Он выгребал золу из печей, приносил уголь и растопку, разводил огонь раньше, чем самый усердный из них усаживался за свою конторку.

– Можно мне переночевать здесь? – спросил он однажды.

Ага! Вот они и обнаружились – когти Диаса. Ночевать в помещении Хунты – значит найти доступ к ее тайнам, к спискам имен, к адресам товарищей в Мексике. Просьбу отклонили, и Ривера никогда больше не возобновлял ее. Где он спал, они не знали; не знали также, как и где он ел. Однажды Ареллано предложил ему несколько долларов. Ривера покачал головой в знак отказа. Когда Вэра вмешался, попытавшись навязать их ему, он сказал:

– Я работаю для революции.

Нужно много денег для того, чтобы снова поднять революцию, и Хунта постоянно находилась в стесненных обстоятельствах. Члены ее голодали, но не жалели сил для дела; самый долгий день был для них недостаточно долог, и все же временами казалось, что быть или не быть революции – вопрос

нескольких долларов. Однажды, когда плата за помещение впервые не была внесена в течение двух месяцев и хозяин угрожал выселением, не кто иной, как Фелипе Ривера, поломойка в жалкой, дешевой, изношенной одежде, положил шестьдесят золотых долларов на конторку Мэй Сэтби. Это стало повторяться и впредь. Триста писем, отпечатанных на машинке (воззвания о помощи, призывы к организованным рабочим группам, жалобы на неправильное освещение событий в прессе, протесты против возмутительного обращения с революционерами в судах Соединенных Штатов), лежали не отосланные, в ожидании марок. Исчезли часы Вэры, старомодные золотые часы с репетиром, принадлежавшие еще его отцу. Подобным же образом исчезло и толстое золотое кольцо с руки Мэй Сэтби. Положение было отчаянное. Рамос и Ареллано безнадежно теребили свои длинные усы. Письма должны быть отправлены, а почта не дает марок в кредит. Тогда Ривера надел шляпу и вышел. Вернувшись, он положил на конторку Мэй Сэтби тысячу двухцентовых марок.

– Уж не проклятое ли это золото Диаса? – сказал Вэра товарищам.

Они подняли брови и ничего не ответили. И Фелипе Ривера, мывший пол для революции, по мере надобности продолжал выкладывать золото и серебро на нужды Хунты.

И все же они не могли заставить себя полюбить его. Они не знали этого мальчика. Повадки у него были совсем иные, чем у них. Он не пускался в откровенность. Отклонял все попытки вызвать его на откровенный разговор, а у них не хватало смелости расспрашивать его.

– Возможно, великий и одинокий дух… не знаю, не знаю! – Ареллано беспомощно развел руками.

– В нем нет ничего человеческого, – заметил Рамос.

– В его душе все притупилось, – сказала Мэй Сэтби. – Свет и смех словно выжжены в ней. Он мертвец, и вместе с тем в нем чувствуешь какую-то страшную жизненную силу.

– Ривера прошел через ад, – сказал Паулино. – Человек, не прошедший чередад, не может быть таким, а ведь он еще мальчик.

И все же они не могли его полюбить. Он никогда не разговаривал, никогда ни о чем не расспрашивал, не высказывал своих мнений. Он мог стоять без движения – неодушевленный предмет, если не считать глаз, горевших холодным огнем, – покуда споры о революции развертывались и накалялись. Его глаза вонзались в лица говорящих, как раскаленные сверла, они смущали их и тревожили.

– Он не шпион, – заявил Вэра Мэй Сэтби. – Он патриот,

помяните мое слово! Лучший патриот из всех нас! Это я чувствую сердцем и головой. И все же я его совсем не знаю.

– У него дурной характер, – сказала Мэй Сэтби.

– Да, – ответил Вэра и вздрогнул. – Он посмотрел на меня сегодня. Эти глаза не могут любить, они угрожают; они дикие, словно глаза тигра. Я знаю: измени я делу, он убьет меня. У него нет сердца. Он безжалостен, как сталь, жесток и холоден, как мороз. Он словно лунный свет в зимнюю ночь, когда человек замерзает на одинокой горной вершине. Я не боюсь Диаса со всеми его убийцами, но этого мальчика я боюсь. Я правду говорю, боюсь. Он – дыхание смерти.

И однако Вэра, а никто другой, уговорил товарищей впервые дать ответственное поручение Ривере. Линия связи между Лос-Анджелесом и Нижней Калифорнией была прервана. Трое товарищей сами вырыли себе могилы и на краю их были расстреляны. Двое других в Лос-Анджелесе стали узниками Соединенных Штатов, Хуан Альварадо, командир федеральных войск, оказался негодяем. Он разрушил все их планы. Они больше не могли связываться с новыми революционерами в Нижней Калифорнии.

Молодой Ривера получил надлежащие инструкции и отбыл на юг. Когда он вернулся, связь была восстановлена, а Хуан Альварадо был мертв: его нашли в постели с ножом, по рукоятку ушедшим в грудь. Это превышало полномочия Риверы, но в Хунте имелись точные сведения о всех его передвижениях. Его ни о чем не стали расспрашивать. Он ничего не рассказывал. Но товарищи переглянулись между собой и все поняли.

– Я говорил вам, – сказал Вэра. – Больше чем кого-либо Диасу приходится опасаться этого юноши. Он неумолим. Он – карающая десница.

Дурной характер Риверы, заподозренный Мэй Сэтби и затем признанный всеми, подтверждался наглядными, чисто физическими доказательствами. Теперь Ривера нередко появлялся с рассеченной губой, распухшим ухом, с синяком на скуле. Ясно было, что он ввязывается в драки там – во внешнем мире, где он ест и спит, зарабатывает деньги и бродит по путям, им неведомым. Со временем Ривера научился набирать маленький революционный листок, который Хунта выпускала еженедельно. Случалось, однако, что набирать он был не в состоянии: то большие пальцы у него были повреждены и плохо двигались, то суставы кровоточили, то одна рука беспомощно болталась вдоль тела, а лицо искажала мучительная боль.

– Бродяга, – говорил Ареллано.

– Завсегдатай злачных мест, – говорил Рамос.

– Но откуда у него деньги? – спрашивал Вэра. – Сегодня я узнал, что он оплатил счет за бумагу – сто сорок долларов.

– Это результат его отлучек, – заметила Мэй Сэтби. – Он никогда не рассказывает о них.

– Надо его выследить, – предложил Рамос.

– Не хотел бы я быть тем, кто за ним шпионит, – сказал Вэра. – Думаю, что вы больше никогда не увидели бы меня, разве только на моих похоронах. Он предан какой-то неистовой страсти. Между собой и этой страстью он не позволит стать даже Богу.

– Перед ним я кажусь себе ребенком, – признался Рамос.

– Я чувствую в нем первобытную силу. Это дикий волк, приготовившийся к нападению, гремучая змея, ядовитая сколопендра[82]! – сказал Ареллано.

– Я готова плакать, когда думаю о нем, – сказала Мэй Сэтби. – У него нет друзей. Он всех ненавидит. Нас он терпит лишь потому, что мы – путь к осуществлению его желаний. Он одинок, слишком одинок… – Голос ее прервался подавленным всхлипыванием, и глаза затуманились.

Времяпрепровождение Риверы и вправду было таинственно. Случалось, что его не видели целую неделю. Однажды он отсутствовал месяц. Это неизменно кончалось тем, что он возвращался и, не пускаясь ни в какие объяснения, клал золотые монеты на конторку Мэй Сэтби. Потом опять отдавал Хунте все свое время – дни, недели. И снова, через неопределенные промежутки, исчезал на весь день, заходя в помещение Хунты только рано утром и поздно вечером. Однажды Ареллано застал его в полночь за набором; пальцы у него были распухшие, а рассеченная губа еще кровоточила.

II

Кризис приближался. Так или иначе, но революция зависела от Хунты, а Хунта находилась в крайне стесненных обстоятельствах. Нужда в деньгах ощущалась острее, чем когда-либо, а добывать их стало еще трудней.

Патриоты отдали уже свои последние гроши и больше дать не могли. Сезонные рабочие – беглые мексиканские пеоны[83] жертвовали Хунте половину своего скудного заработка. Но нужно было куда больше. Многолетний тяжелый труд, подрывная подпольная работа готовы были принести плоды. Время шло. Революция была на чаше весов. Еще один толчок, последнее усилие, и шкала этих весов покажет победу. Хунта знала свою

Мексику. Однажды вспыхнув, революция уже сама о себе позаботится. Вся политическая машина Диаса рассыплется, как карточный домик. Граница готова к восстанию. Некий янки с сотней товарищей из организации «Индустриальные рабочие мира» только и ждет приказа перейти ее и начать битву за Нижнюю Калифорнию. Но он нуждается в оружии. В оружии нуждались все – социалисты, анархисты, разочаровавшиеся члены профсоюзов, мексиканские изгнанники, пеоны, вырвавшиеся из рабства, горняки из Кер д'Ален и Колорадо, жаждавшие только одного – как можно яростнее сражаться, – и, наконец, явные авантюристы, солдаты фортуны, бандиты, – словом, все отщепенцы и отбросы дьявольски сложного современного мира. И Хунта со всеми ними держала связь. Винтовок и боеприпасов, боеприпасов и винтовок! – таков был несмолкаемый, непрекращающийся вопль, идущий от самых берегов Атлантического океана.

Только перекинуть эту разношерстную, горящую местью толпу через границу – и революция начнется. Таможня, северные порты Мексики будут захвачены. Диас не сможет сопротивляться. Он не осмелится бросить свои основные силы против них, потому что ему нужно удержать юг. Но, несмотря на это, пламя распространится и на юге. Народ восстанет. Оборона городов будет сломлена. Штат за штатом начнет переходить в их руки, и, наконец, победоносные армии революции со всех сторон окружат город Мехико, последний оплот Диаса.

Но как достать денег? У них были люди, нетерпеливые и упорные, которые сумеют применить оружие. Они знали торговцев, которые продадут и доставят его. Но подготовка к революции истощила Хунту. Последний доллар был израсходован, последний источник использован, последний изголодавшийся патриот выжат до отказа, а великое дело по-прежнему колебалось на весах. Винтовок и боеприпасов! Нищие батальоны должны получить вооружение. Но каким образом? Рамос оплакивал свои конфискованные поместья. Ареллано горько сетовал на свою расточительность в юные годы. Мэй Сэтби размышляла, как бы все сложилось, если б люди Хунты в свое время были экономнее.

– Подумать, что свобода Мексики зависит от нескольких несчастных долларов! – воскликнул Паулино Вэра.

Отчаяние было написано на лицах всех их. Последняя их надежда, новообращенный Хосе Амарильо, обещавший дать деньги, был арестован на своей гасиенде[84] в Чиуауа и расстрелян у стены своей собственной конюшни. Весть об этом только что дошла до них.

Ривера, на коленях скребший пол, поднял глаза. Щетка застыла в его обнаженных руках, залитых грязной мыльной водой.

– Пять тысяч помогут делу? – спросил он.

На всех лицах изобразилось изумление. Вэра кивнул и с трудом перевел дух. Говорить он не мог, но в этот миг в нем вспыхнула надежда.

– Так заказывайте винтовки, – сказал Ривера. Затем последовала самая длинная фраза, которую когда-либо от него слышали: – Время дорого. Через три недели я принесу вам пять тысяч. Это будет хорошо. Станет теплее, и воевать будет легче. Кроме этого я ничего сделать не могу.

Вэра попытался подавить вспыхнувшую в нем надежду. Она была неправдоподобна. Слишком много заветных чаяний разлетелось в прах с тех пор, как он начал революционную игру. Он верил этому обтрепанному мальчишке, мывшему полы для революции, и в то же время не смел верить.

– Ты сошел с ума! – сказал он.

– Через три недели, – отвечал Ривера. – Заказывайте винтовки.

Он встал, опустил засученные рукава и надел куртку.

– Заказывайте винтовки, – повторил он. – Я ухожу.

III

После спешки, суматохи, бесконечных телефонных разговоров и ругани в конторе Келли происходило ночное совещание. Дел у Келли было выше головы; кроме того, ему не повезло. Три недели назад он привез Дэнни Уорда из Нью-Йорка, чтобы организовать ему встречу с Билли Карти, но Карти вот уже два дня как лежит со сломанной рукой, что тщательно скрывалось от спортивных репортеров. Заменить его было некем. Келли засыпал телеграммами легковесов Запада, но все они были связаны выступлениями и контрактами. А теперь опять вдруг забрезжила надежда, хотя и слабая.

– Ну, ты, видно, не робкого десятка, – едва взглянув на Риверу, сказал Келли.

Злоба и ненависть горели в глазах Риверы, но лицо его оставалось бесстрастным.

– Я побью Уорда. – Это было все, что он сказал.

– Откуда ты знаешь? Видел ты когда-нибудь, как он дерется?

Ривера молчал.

– Да он положит тебя одной рукой, с закрытыми глазами!

Ривера пожал плечами.

– Что, у тебя язык присох, что ли? – пробурчал импресарио.

– Я побью его.

– А ты когда-нибудь с кем-нибудь дрался? – осведомился Майкл Келли.

Майкл, брат импресарио, держал тотализатор в Йеллоустоуне и зарабатывал немало денег на боксерских встречах.

Ривера в ответ удостоил его только злобным взглядом.

Секретарь импресарио, молодой человек спортсменского вида, громко фыркнул.

– Ладно, ты знаешь Робертса? – Келли первый нарушил неприязненное молчание. – Я за ним послал. Он сейчас придет. Садись и жди, хотя по виду у тебя нет никаких шансов. Я не могу надувать публику. Ведь первые ряды идут по пятнадцати долларов.

Появился Робертс, явно несколько навеселе. Это был высокий, тощий человек; его походка, так же как и речь, отличалась плавностью и медлительностью.

Келли без обиняков приступил к делу.

– Слушайте, Робертс, вы хвастались, что открыли этого маленького мексиканца. Вам известно, что Карти сломал руку. Так вот, этот мексиканский щенок имеет нахальство уверять, что сумеет заменить Карти. Что вы на это скажете?

– Все в порядке, Келли, – последовал неторопливый ответ. – Он может драться.

– Вы, пожалуй, скажете еще, что он побьет Уорда? – съязвил Келли.

Робертс немного поразмыслил.

– Нет, этого я не скажу. Уорд – классный боец, король ринга. Но в два счета расправиться с Риверой он не сможет. Я Риверу знаю. Это человек без нервов, и он одинаково хорошо работает обеими руками. Он может послать вас на пол в любой позиции.

– Все это пустяки. Важно, сможет ли он угодить публике? Вы растили и тренировали боксеров всю свою жизнь. Я преклоняюсь перед вашим суждением. Но публика за свои деньги хочет получить удовольствие. Сумеет он ей это доставить?

– Безусловно, и вдобавок здорово измотает Уорда. Вы не знаете этого мальчика, а я знаю. Он – мое открытие. Человек без нервов! Сущий дьявол! Уорд еще ахнет, познакомившись с этим самородком, а заодно ахнете и вы все. Я не утверждаю, что он побьет Уорда, но он вам такое покажет! Это восходящая звезда!

– Отлично. – Келли обратился к своему секретарю: – Позвоните Уорду. Я его предупредил, что если найду что-нибудь подходящее, то позову его. Он сейчас недалеко, в Йеллоустоуне.

Щеголяет там среди публики и зарабатывает себе популярность. – Келли повернулся к тренеру: – Хотите выпить?

Робертс отхлебнул виски и разговорился.

– Я еще не рассказывал вам, как я открыл этого малыша. Несколько лет назад он появился в тренировочных залах. Я готовил Прэйна к встрече с Дэнни. Прэйн – человек злой. Милосердия ждать от него не приходится. Он изрядно отколошматил своего партнера, и я никак не мог найти человека, который бы по доброй воле согласился работать с ним. Положение было отчаянное. И вдруг попался мне на глаза этот голодный мексиканский парнишка, который вертелся у всех под ногами. Я зацапал его, надел ему перчатки и пустил в дело. Выносливый – как дубленая кожа; но сил маловато. И ни малейшего понятия о правилах бокса. Прэйн изодрал его в клочья. Но он хоть и чуть живой, а продержался два раунда и затем потерял сознание. Голодный – вот и все. Изуродовали его так, что мать родная не узнала бы. Я дал ему полдоллара и накормил сытным обедом. Надо было видеть, как он жрал! Оказывается, у него два дня во рту не было маковой росинки. Ну, думаю, теперь он больше носа не покажет. Не тут-то было. На следующий день явился – весь в синяках, но полный решимости еще раз заработать полдоллара и хороший обед. Со временем он здорово окреп. Прирожденный боец и жестокий невероятно! У него нет сердца. Это кусок льда. Сколько я помню этого мальчишку, он ни разу не произнес десяти слов подряд.

– Я его знаю, – заметил секретарь. – Он немало для вас поработал.

– Все наши знаменитости пробовали себя на нем, – подтвердил Робертс. – И он все у них перенял. Я знаю, что многих из них он мог бы побить. Но сердце его не лежит к боксу. По-моему, он никогда не любил нашу работу. Так мне кажется.

– Последние несколько месяцев он выступал по разным мелким клубам, – сказал Келли.

– Да. Но я не знаю, что его заставило. Или, может быть, вдруг ретивое заговорило? Он многих за это время побил. Скорей всего – ему нужны были деньги; и он неплохо подработал, хотя по его одежде это и незаметно. Странная личность! Никто не знает, чем он занимается, где проводит время. Даже когда он при деле и то – кончит работу и сразу исчезнет. Временами пропадает по целым неделям. Советов он не слушает. Тот, кто станет его менеджером, заработает капитал; да только он сам не желает принимать это во внимание. Вы увидите, как этот мальчишка будет домогаться наличных денег, когда вы заключите с ним договор.

В эту минуту прибыл Дэнни Уорд. Это было торжественно

обставленное появление. Его сопровождали менеджер и тренер, а сам он ворвался как всепобеждающий вихрь добродушия и веселья. Приветствия, шутки, остроты расточались им направо и налево, улыбка находилась для каждого. Такова уж была его манера, правда, не совсем искренняя. Уорд был превосходный актер и добродушие считал наиболее ценным приемом в игре преуспевания. По существу, это был осмотрительный, хладнокровный боксер и бизнесмен. Остальное было маской. Те, кто знал его или имел с ним дело, говорили, что в денежных вопросах этот малый – жох! Он самолично участвовал в обсуждении всех дел; и поговаривали, что его менеджер не более как пешка.

Ривера был иного склада. В жилах его текла индейская кровь, и он сидел, забившись в угол, молчаливый, неподвижный, только его черные глаза перебегали с одного лица на другое и видели решительно все.

– Так вот он! – сказал Дэнни, окидывая испытующим взглядом своего предполагаемого противника. – Добрый день, старина!

Глаза Риверы пылали злобой, и на приветствие Дэнни он даже не ответил. Он терпеть не мог всех гринго[85], но этого ненавидел лютой ненавистью.

– Вот это так! – шутливо обратился Дэнни к импресарио. – Уж не думаете ли вы, что я буду драться с глухонемым? – Когда смех умолк, он сострил еще раз: – Видно, Лос-Анджелес здорово обеднел, если это лучшее, что вы могли откопать. Из какого детского сада вы его взяли?

– Он славный малый, Дэнни, верь мне! – примирительно сказал Робертс. – И с ним не так легко справиться, как ты думаешь.

– Кроме того, половина билетов уже распродана, – жалобно протянул Келли. – Придется тебе пойти на это, Дэнни. Ничего лучшего мы сыскать не могли.

Дэнни еще раз окинул Риверу пренебрежительным взглядом и вздохнул.

– Думаю, что долго с ним не провожусь. Если он не выкинет какой-нибудь фортель.

Робертс фыркнул.

– Потише, потише, – осадил Дэнни менеджер. – Неизвестный противник всегда может учинить неприятность.

– Ладно, ладно, я это учту, – улыбнулся Дэнни. – Я готов сначала понянчиться с ним для удовольствия почтеннейшей публики. Как насчет пятнадцати раундов, Келли?.. А потом устроить ему нокаут?

– Идет, – последовал ответ. – Только чтобы публика приняла это за чистую монету.

– Тогда перейдем к делу. – Дэнни помолчал, мысленно производя подсчет. – Разумеется, шестьдесят пять процентов валового сбора, как и с Карти. Но делиться будем по-другому. Восемьдесят процентов меня устроят. – Он обратился к менеджеру. – Подходяще?

Тот одобрительно кивнул.

– Ты понял? – обратился Келли к Ривере. Ривера покачал головой.

– Так вот слушай, – сказал Келли. – Общая сумма составит шестьдесят пять процентов со сбора. Ты дебютант, и никто тебя не знает. С Дэнни будете делиться так: восемьдесят процентов ему, двадцать тебе. Это справедливо. Верно ведь, Робертс?

– Вполне справедливо, Ривера, – подтвердил Робертс. – Ты же еще не составил себе имени.

– Сколько это – шестьдесят пять процентов со сбора? – осведомился Ривера.

– Может, пять тысяч, а может – даже и все восемь.

Дэнни поспешил пояснить.

– Что-нибудь в этом роде. На твою долю придется от тысячи до тысячи шестисот долларов. Очень недурно за то, что тебя побьет боксер с моей репутацией. Что скажешь на это?

Тогда Ривера их ошарашил.

– Победитель получит все, – решительно сказал он. Воцарилась мертвая тишина.

– Ну, уж это чистый грабеж, – проговорил, наконец, менеджер Уорда.

Дэнни покачал головой.

– Я слишком опытный человек, – пояснил он. – Я не подозреваю рефери или кого-нибудь из присутствующих. Я ничего не говорю о букмекерах[86] и о всяких блефах, что тоже иногда случается. Единственно, что я могу сказать: меня это не устраивает. Я играю наверняка. А кто знает – вдруг я сломаю руку, а? Или кто-нибудь опоит меня? – Он сделал величественный жест. – Победитель или побежденный – я получаю восемьдесят процентов! Ваше мнение, мексиканец?

Ривера покачал головой.

Дэнни взбесился и заговорил уже по-другому:

– Ладно же, мексиканская собака! Теперь-то уж мне захотелось расколотить тебе башку.

Робертс медленно поднялся и стал между ними.

– Победитель получит все, – угрюмо повторил Ривера.

– Почему ты на этом настаиваешь? – спросил Дэнни.

– Я побью вас.

Дэнни начал было снимать пальто. Его менеджер знал, что это только комедия. Пальто почему-то не снималось, и Дэнни милостиво разрешил присутствующим успокоить себя. Все были на его стороне. Ривера, однако, стоял поодаль.

– Послушай, дуралей, – начал доказывать Келли. – Кто ты? Никто! Мы знаем, что в последнее время ты побил нескольких мелких местных боксеров – и все. А Дэнни – классный боец. В следующем выступлении он будет оспаривать звание чемпиона. Тебя публика не знает. За пределами Лос-Анджелеса никто и не слыхал о тебе.

– Еще услышат, – пожав плечами, отвечал Ривера, – после этой встречи.

– Неужели ты хоть на секунду можешь вообразить, что справишься со мной? – не выдержав, заорал Дэнни.

Ривера кивнул.

– Да ты рассуди, – убеждал Келли. – Подумай, какая это для тебя реклама!

– Мне нужны деньги, – отвечал Ривера.

– Ты будешь драться со мной тысячу лет и то не победишь, – заверил его Дэнни.

– Тогда почему вы упорствуете? – сказал Ривера. – Если деньги сами идут к вам в руки, чего же от них отказываться?

– Хорошо, я согласен, – с внезапной решимостью крикнул Дэнни. – Я тебя до смерти исколочу на ринге, голубчик мой. Нашел с кем шутки шутить! Пишите условия, Келли. Победитель получает всю сумму. Поместите это в спортивных газетах. Сообщите также, что здесь дело в личных счетах. Я покажу этому младенцу, где раки зимуют!

Секретарь Келли уже начал писать, когда Дэнни вдруг остановил его.

– Стой! – Он повернулся к Ривере. – Когда взвешиваться?

– Перед выходом, – последовал ответ.

– Ни за что на свете, наглый мальчишка! Если победитель получает все, взвешиваться будем утром, в десять.

– Тогда победитель получит все? – переспросил Ривера.

Дэнни утвердительно кивнул. Вопрос был решен. Он выйдет на ринг в полном обладании сил.

– Взвешиваться здесь, в десять, – продиктовал Ривера.

Перо секретаря снова заскрипело.

– Это значит лишних пять фунтов, – недовольно заметил Робертс Ривере. – Ты пошел на слишком большую уступку. Продул бой. Дэнни будет силен как бык. Дурень ты! Он наверняка тебя побьет. Даже малейшего шанса у тебя не осталось.

Вместо ответа Ривера бросил на него холодный, ненавидящий взгляд. Он презирал даже этого гринго, которого считал лучшим из всех.

IV

Появление Риверы на ринге осталось почти незамеченным. В знак приветствия раздались только отдельные жидкие хлопки. Публика не верила в него. Он был ягненком, отданным на заклание великому Дэнни. Кроме того, публика была разочарована. Она ждала эффектного боя между Дэнни Уордом и Билли Карти, а теперь ей приходилось довольствоваться этим жалким маленьким новичком. Недовольство ее выразилось в том, что пари за Дэнни заключались два, даже три против одного. А на кого поставлены деньги, тому отдано и сердце публики.

Юный мексиканец сидел в своем углу и ждал. Медленно тянулись минуты. Дэнни заставлял дожидаться себя. Это был старый трюк, но он неизменно действовал на начинающих бойцов. Начинающий терял душевное равновесие, сидя вот так, один на один со своим собственным страхом и равнодушной, утопающей в табачном дыму публикой. Но на этот раз испытанный трюк себя не оправдал. Робертс оказался прав: Ривера не знал страха. Более организованный, более нервный и впечатлительный, чем кто бы то ни было из здесь присутствующих, этого чувства он не ведал. Атмосфера заранее предрешенного поражения не влияла на него. Его секундантами были гринго – подонки, грязные отбросы этой кровавой игры, бесчестные и бездарные. И они тоже были уверены, что их сторона обречена на поражение.

– Ну, теперь смотри в оба! – предупредил его Спайдер Хагэрти. Спайдер был главным секундантом. – Старайся продержаться как можно дольше – таково основное предписание Келли. Иначе растрезвонят на весь Лос-Анджелес, что это опять фальшивая игра.

Все это не могло способствовать бодрости духа. Но Ривера ничего не замечал. Он презирал бокс. Это была ненавистная игра ненавистных гринго. Начал он ее в роли снаряда для тренировки только потому, что умирал с голода. То, что он был словно создан для бокса, ничего для него не значило. Он это занятие ненавидел. До своего появления в Хунте Ривера не выступал за деньги, а потом убедился, что это легкий заработок. Не первый из сынов человеческих преуспевал он в профессии, им самим презираемой.

Впрочем, Ривера не вдавался в размышления. Он твердо знал,

что должен выиграть этот бой. Иного выхода не существовало. Тем, кто сидел в этом переполненном зале, и не мерещилось, какие могучие силы стоят за его спиной. Дэнни Уорд дрался за деньги, за легкую жизнь, покупаемую за эти деньги. То же, за что дрался Ривера, пылало в его мозгу, и пока он ожидал в углу ринга своего хитроумного противника, ослепительные и страшные видения, как наяву, проходили перед его широко открытыми глазами.

Он видел белые стены гидростанции в Рио-Бланко. Видел шесть тысяч рабочих, голодных и изнуренных. Видел ребятишек лет семи-восьми, за десять центов работающих целую смену. Видел мертвенно-бледные лица ходячих трупов – рабочих в красильнях. Он помнил, что его отец называл эти красильни «камерами самоубийц», – год работы в них означал смерть. Он видел маленькое патио[87] и свою мать, вечно возившуюся со скудным хозяйством и все же находившую время ласкать и любить сына. Видел и отца, широкоплечего, длинноусого, добрейшего человека, который всех любил и чье сердце так щедро, что избыток этой любви изливался и на мать, и на маленького мучачо[88], игравшего в углу патио. В те дни его звали не Фелипе Ривера, а Фернандес: он носил фамилию отца и матери. Его имя было Хуан. Впоследствии он переменил и то и другое. Фамилия Фернандес была слишком ненавистна полицейским префектам и жандармам.

Большой, добродушный Хоакин Фернандес! Немалое место занимал он в видениях Риверы. В те времена малыш ничего не понимал, но теперь, оглядываясь назад, юноша понимал все. Он словно опять видел отца за наборной кассой в маленькой типографии или за письменным столом – пишущим бесконечные, торопливые, неровные строчки. Он словно опять переживал те необычные вечера, когда рабочие под покровом тьмы, точно злодеи, стекались к его отцу и вели долгие, нескончаемые беседы, а он, мучачо, без сна лежал в своем уголке.

Словно откуда-то издалека донесся до него голос Хагэрти:

– Ни в коем случае сразу не ложиться на пол. Таковы инструкции. Получай трепку за свои деньги!

Десять минут прошло, а Ривера все еще сидел в своем углу. Дэнни не показывался: видимо, он хотел выжать все, что можно, из своего трюка.

Новые видения пылали перед внутренним взором Риверы. Забастовка, вернее – локаут, потому что рабочие Рио-Бланко помогали своим бастующим братьям из Пуэблы. Голод, хождение в горы за ягодами, кореньями и травами; все они этим питались и мучались резями в желудке. А затем кошмар: пустырь перед

лавкой Компании; тысячи голодных рабочих; генерал Росальо Мартинес и солдаты Порфирио Диаса; и винтовки, изрыгающие смерть… Казалось, они никогда не смолкнут, казалось, прегрешения рабочих не перестанут омываться их собственной кровью! И эта ночь! Доверху набитые трупами телеги, отправляемые в Вэра Крус, – пища для акул в заливе. Сейчас он снова ползет по этим страшным кучам, ищет отца и мать, находит их, растерзанных, изуродованных. Особенно запомнилась ему мать: виднелась только ее голова, тело было погребено под грудой других тел. Снова затрещали винтовки солдат Порфирио Диаса, снова мальчик пригнулся к земле и пополз прочь, точно затравленный горный койот[89].

Рев, похожий на шум моря, донесся до его слуха, и он увидел Дэнни Уорда, выступающего по центральному проходу со свитой тренеров и секундантов. Публика неистовствовала, приветствуя героя и заведомого победителя. У всех на устах было его имя. Все стояли за него. Даже секунданты Риверы повеселели, когда Дэнни ловко нырнул под канат и вышел на ринг. Улыбка сияла на его лице, а когда Дэнни улыбался, то улыбалась каждая его черточка, даже уголки глаз, даже зрачки. Свет не видывал такого благодушного боксера. Лицо его могло бы служить рекламой, образцом хорошего самочувствия, искреннего веселья. Он знал всех. Он шутил, смеялся, посылал с ринга приветы друзьям. Те, что сидели подальше и не могли выказать ему своего восхищения, громко кричали: «О, о, Дэнни!» Бурные выражения восторга продолжались не менее пяти минут.

На Риверу никто не обращал внимания. Его словно и не существовало. Одутловатая физиономия Спайдера Хагэрти склонилась над ним.

– Не поддаваться страху, – предупредил Спайдер. – Помни инструкции. Держись до последнего. Не ложиться. Если окажешься на полу, нам велено избить тебя в раздевалке. Понятно? Драться – и точка!

Зал разразился аплодисментами. Дэнни шел по направлению к противнику. Он наклонился, обеими руками схватил его правую руку и от всей души пожал ее. Улыбающееся лицо Дэнни вплотную приблизилось к лицу Риверы. Публика завывала при этом проявлении истинно спортивного духа: противника он приветствовал как родного брата. Губы Дэнни шевелились, и публика, истолковывая неслышные ей слова как благожелательное приветствие, снова разразилась восторженными воплями. Только Ривера расслышал сказанное шепотом.

– Ну ты, мексиканский крысенок, – прошипел Дэнни, не

переставая улыбаться, – сейчас я вышибу из тебя дух!

Ривера не шевельнулся. Не встал. Его ненависть сосредоточилась во взгляде.

– Встань, собака! – крикнул кто-то с места.

Толпа начала свистеть, осуждая его за неспортивное поведение, но он продолжал сидеть неподвижно. Новый взрыв аплодисментов приветствовал Дэнни, когда тот шел обратно.

Едва Дэнни разделся, послышались восторженные охи и ахи. Тело у него было великолепное – гибкое, дышащее здоровьем и силой. Кожа белая и гладкая, как у женщины. Грация, упругость и мощь были воплощены в нем. Да он и доказал это во множестве боев. Все спортивные журналы пестрели его фотографиями.

Словно стон понесся по залу, когда Спайдер Хагэрти стащил через голову свитер с Риверы. Из-за смуглости кожи его тело казалось еще более худосочным. Мускулы у него были, но значительно менее эффектные, чем у его противника. Однако публика не разглядела ширины его грудной клетки. Не могла она также угадать неутомимости Риверы, мгновенного реагирования каждой его мускульной клеточки, утонченности нервной системы, превращавшей его тело в великолепный боевой механизм. Публика видела только смуглокожего восемнадцатилетнего юношу с еще мальчишеским телом. Другое дело Дэнни! Дэнни был мужчина двадцати четырех лет, и его тело было истинно мужское тело. Контраст этот еще больше бросился в глаза, когда они вместе стали посреди ринга, выслушивая последние инструкции рефери.

Ривера заметил Робертса, сидевшего непосредственно за репортерами. Он был пьянее, чем обычно, и речь его, соответственно, была еще медлительнее.

– Не робей, Ривера, – тянул Робертс. – Он тебя не убьет, запомни это. Первого натиска нечего пугаться. Защищайся, а потом иди на клинч. Он тебя особенно не изувечит. Представь себе, что это тренировочный зал.

Ривера и виду не подал, что расслышал его слова.

– Вот угрюмый чертенок! – пробормотал Робертс, обращаясь к соседу. – Какой был, такой и остался.

Но Ривера уже не смотрел перед собою обычным, исполненным ненависти взглядом. Бесконечные ряды винтовок мерещились ему и ослепляли его. Каждое лицо в зале на верхних местах ценою в доллар превратилось в винтовку. Он видел перед собой мексиканскую границу, бесплодную, выжженную солнцем; вдоль нее двигались оборванные толпы, жаждущие оружия.

Встав, он продолжал ждать в своем углу. Его секунданты уже пролезли под канаты и унесли с собой брезентовый стул. В

противоположном углу ринга стоял Дэнни и смотрел на него. Загудел гонг, и бой начался. Публика взвыла от восторга. Никогда она не видела столь внушительного начала боя. Правильно писали в газетах: тут были личные счеты. Дэнни одним прыжком покрыл три четверти расстояния, отделявшего его от противника, и намерение съесть этого мексиканского мальчишку так и было написано на его лице. Он обрушил на него не один, не два, не десяток, но вихрь ударов, сокрушительных, как ураган. Ривера исчез. Он был погребен под лавиной кулачных ударов, наносимых ему опытным и блестящим мастером со всех углов и со всех позиций. Он был смят, отброшен на канаты; рефери разнял бойцов, но Ривера тотчас же был отброшен снова.

Боем это никто бы не назвал. Это было избиение. Любой зритель, за исключением зрителя боксерских состязаний, выдохся бы в первую минуту. Дэнни, несомненно, показал, на что он способен, и сделал это великолепно. Уверенность публики в исходе состязания, равно как и ее пристрастие к фавориту были так велики, что она не заметила, что мексиканец все еще стоит на ногах. Она позабыла о Ривере. Она едва видела его, так он был заслонен от нее свирепым натиском Дэнни. Прошла минута, другая. В момент, когда бойцы разошлись, публике удалось бросить взгляд на мексиканца. Губа у него была рассечена, из носа лила кровь. Когда он повернулся и вошел в клинч, кровавые полосы от соприкосновения с канатами были ясно видны на его спине. Но вот то, что грудь его не волновалась, а глаза горели обычным холодным огнем, – этого публика не заметила. Слишком много будущих претендентов на звание чемпиона практиковали на нем такие сокрушительные удары. Он научился выдерживать их за полдоллара разовых или пятнадцать долларов в неделю, – тяжелая школа, но она пошла ему на пользу.

Затем случилось нечто поразительное. Ураган комбинированных ударов вдруг стих. Ривера один стоял на ринге. Дэнни, грозный Дэнни, лежал на спине! Он не пошатнулся, не опустился на пол медленно и постепенно, но грохнулся сразу. Короткий боковой удар правого кулака Риверы поразил его внезапно, как смерть. Рефери оттолкнул Риверу одной рукой и теперь отсчитывал секунды, стоя над павшим гладиатором.

Тело Дэнни затрепетало, когда сознание понемногу стало возвращаться к нему. В обычае завсегдатаев боксерских состязаний приветствовать удачный нокаут громкими изъявлениями восторга. Но теперь они молчали. Все произошло слишком неожиданно. В напряженном молчании прислушивался зал к счету секунд, как вдруг торжествующий голос Робертса прорезал тишину:

– Я же говорил вам, что он одинаково владеет обеими руками.

На пятой секунде Дэнни перевернулся лицом вниз; когда рефери сосчитал до семи, он уже отдыхал, стоя на одном колене, готовый подняться при счете девять, раньше чем будет произнесено десять. Если при счете десять колено Дэнни все еще будет касаться пола, его должны признать побежденным и выбывшим из строя. В момент, когда колено отрывается от пола, он считается «на ногах»; и в этот момент Ривера уже вправе снова положить его. Ривера не хотел рисковать. Он приготовился ударить в ту секунду, когда колено Дэнни отделится от пола. Он обошел противника, но рефери втиснулся между ними; и Ривера знал, что секунды тот считает слишком медленно. Все гринго были против него, даже рефери.

При счете «девять» рефери резко оттолкнул Риверу. Это было неправильно, но Дэнни успел подняться, и улыбка снова появилась на его губах. Согнувшись почти пополам, защищая руками лицо и живот, он ловко пошел в клинч. По всем правилам, рефери должен был его остановить, но он этого не сделал, и Дэнни буквально прилип к противнику, с каждой секундой восстанавливая свои силы. Последняя минута раунда была на исходе. Если он выдержит до конца, у него будет целая минута, чтобы прийти в себя. И он выдержал, продолжая улыбаться, несмотря на свое отчаянное положение.

– И все ведь улыбается! – крикнул кто-то, и публика облегченно засмеялась.

– Черт знает, какой удар у этого мексиканца! – шепнул Дэнни тренеру, покуда секунданты, не щадя сил, трудились над ним.

Второй и третий раунды прошли бледно. Дэнни, хитрый и многоопытный король ринга, только маневрировал, финтил, стремясь выиграть время и оправиться от страшного удара, полученного им в первом раунде. В четвертом раунде он уже совсем пришел в себя. Расстроенный и потрясенный, он все же благодаря силе своего тела и духа сумел войти в форму. Правда, свирепой тактики он уже больше не применял. Мексиканец оказывал потрясающее сопротивление. Теперь Дэнни мобилизовал всю свою опытность. Этот великий мастер, ловкий и умелый боец, приступил к методическому изматыванию противника, не будучи в силах нанести ему решительный удар. На каждый удар Риверы Дэнни отвечал тремя, но этим он скорее мстил противнику, чем приближал его к нокауту. Опасность заключалась в сумме ударов. Дэнни почтительно остерегался этого мальчишки, обладавшего удивительной способностью обоими кулаками наносить короткие боковые удары.

В защите Ривера прибег к смутившему противника отбиву левой рукой. Раз за разом пользовался он этим приемом, все более гибельным для носа и губ Дэнни. Но Дэнни был многообразен в приемах. Поэтому-то его и прочили в чемпионы. Он умел на ходу менять стиль боя. Теперь он перешел к инфайтингу, в котором был непревзойденным мастером, и это дало ему возможность спастись от страшного отбива противника. Несколько раз подряд вызывал он бурные овации великолепным апперкотом, поднимавшим мексиканца на воздух и затем валившим его с ног. Ривера отдыхал на одном колене, сколько дозволял счет, зная, что для него рефери отсчитывает очень короткие секунды.

В седьмом раунде Дэнни применил поистине дьявольский апперкот, но Ривера только пошатнулся. Зато тотчас же вслед за этим, не дав ему опомниться, Дэнни нанес противнику страшный удар, отбросивший его на канаты. Ривера шлепнулся на сидевших внизу репортеров, и они толкнули его обратно на край платформы. Он отдохнул на одном колене, покуда рефери отсчитывал секунды. По ту сторону каната его дожидался Дэнни. Рефери и не думал вмешиваться или отталкивать Дэнни. Публика была вне себя от восторга.

Вдруг раздался крик:

– Бей его, Дэнни, бей!

Сотни голосов, точно стая волков, подхватили этот вопль.

Дэнни сделал все от него зависящее, но Ривера при счете восемь, а не девять неожиданно проскочил под канат и вошел в клинч. Рефери опять захлопотал, отводя Риверу так, чтобы Дэнни мог ударить его, и предоставляя любимцу все преимущества, какие только может предоставить пристрастный рефери.

Но Ривера держался по-прежнему, и туман в его мозгу рассеялся. Все было в порядке вещей. Эти ненавистные гринго бесчестны все до одного! Знакомые видения снова пронеслись перед ним: железнодорожные пути в пустыне; жандармы и американские полисмены; тюрьмы и карцеры; бродяги у водокачек – все страшные и грязные эпизоды его одиссеи после Рио-Бланко и забастовки. И в блеске и сиянии славы он увидел великую красную Революцию, шествующую по стране. Винтовки! Вот они здесь, перед ним! Каждое ненавистное лицо – винтовка. За винтовки он сейчас примет бой. Он сам винтовка! Он сам – Революция! Он бьется за всю Мексику!

Поведение Риверы стало явно раздражать публику. Почему он не принимает уготованной ему трепки? Ведь все равно он будет побит, зачем же так упрямо оттягивать исход? Очень немногие интересовались Риверой, хотя были и такие. Почти уверенные,

что выиграет Дэнни, они все же поставили на мексиканца. Четыре против девяти и один против трех. Большинство из них, правда, ставило на то, сколько раундов выдержит Ривера. Бешеные суммы служили залогом, что он не продержится и до шестого или седьмого раунда. Уже выигравшие эти пари теперь, когда их рискованное предприятие окончилось так благополучно, на радостях тоже аплодировали фавориту.

Ривера не желал быть побитым. В восьмом раунде его противник тщетно пытался повторить апперкот. В девятом Ривера снова поверг публику в изумление. Во время клинча он легким, быстрым движением отодвинулся от противника, и правая рука его ударила в узкий промежуток, образовавшийся между их телами. Дэнни упал, надеясь уже только на спасительный счет. Толпа обомлела. Дэнни стал жертвой своего же собственного приема. Знаменитый апперкот правой теперь обрушился на него самого. Ривера не сделал попытки схватиться с ним, когда он поднялся при счете «девять». Рефери явно хотел застопорить схватку, хотя, когда ситуация была обратной и подняться должен был Ривера, он стоял, не вмешиваясь.

В девятом раунде Ривера дважды прибег к апперкоту, то есть нанес удар правой снизу, от пояса к подбородку противника. Отчаяние охватило Дэнни. Улыбка по-прежнему не сходила с его лица, но он вернулся к своим свирепым приемам. Несмотря на ураганный натиск, ему не удалось вывести Риверу из строя, тогда как последний умудрился среди этого вихря, этой бури ударов три раза кряду положить Дэнни. Теперь Дэнни оживал уже не так быстро, и к одиннадцатому раунду положение его стало очень серьезным. Но с этого момента и до четырнадцатого раунда он демонстрировал все свои боксерские навыки и качества, бережливо расходуя силы. Кроме того, он прибегал к таким подлым приемам, которые известны только опытному боксеру. Все трюки и подвохи были им использованы до отказа: он как бы случайно прижимал локтем к боку перчатку противника, затыкал ему рот, не давая дышать; входя в клинч, шептал своими рассеченными, но улыбающимися губами в ухо Ривере нестерпимые и грязные оскорбления. Все до единого, начиная от рефери и кончая публикой, держали сторону Дэнни, помогали ему, отлично зная, что у него на уме.

Нарвавшись на такую неожиданность, он все ставил теперь на один решительный удар. Он финтил, изворачивался во имя этой единственной оставшейся ему возможности: нанести удар, вложив в него всю свою силу, и тем самым повернуть колесо судьбы. Как это уже было сделано однажды до него неким еще более известным боксером, он должен нанести удар справа и

слева, в солнечное сплетение и челюсть. И Дэнни мог это сделать, ибо, пока он держался на ногах, руки его сохраняли силу.

Секунданты Риверы не очень-то заботились о нем в промежутках между раундами. Они махали полотенцами лишь для виду, почти не подавая воздуха его задыхающимся легким. Спайдер Хагэрти усиленно шептал ему советы, но Ривера знал, что следовать им нельзя. Все были против него. Его окружало предательство. В четырнадцатом раунде он снова положил Дэнни, а сам, бессильно опустив руки, отдыхал, покуда рефери отсчитывал секунды. В противоположном углу послышалось подозрительное перешептывание. Ривера увидел, как Майкл Келли направился к Робертсу и, нагнувшись, что-то зашептал. Слух у Риверы был как у дикой кошки, и он уловил обрывки разговора. Но ему хотелось услышать больше, и, когда противник поднялся, он сманеврировал так, чтобы схватиться с ним над самыми канатами.

– Придется! – услышал он голос Майкла Келли. И Робертс одобрительно кивнул. – Дэнни должен победить… не то я теряю огромную сумму… я всадил в это дело целую кучу денег. Если он выдержит пятнадцатый – я пропал… Вас мальчишка послушает. Необходимо что-то предпринять.

С этой минуты никакие видения уже не отвлекали Риверу. Они пытаются надуть его! Он снова положил Дэнни и отдыхал, уронив руки. Робертс встал.

– Ну, готов, – сказал он. – Ступай в свой угол.

Он произнес это весьма авторитетным тоном, каким не раз говорил с Риверой на тренировочных занятиях. Но Ривера только с ненавистью взглянул на него, продолжая ждать, когда Дэнни поднимется. В последовавший затем минутный интервал Келли пробрался в угол Риверы и заговорил с ним.

– Брось эти шутки, черт тебя побери! – прошептал он. – Ложись, Ривера. Послушай меня, и я устрою твое будущее. В следующий раз я дам тебе побить Дэнни. Но сегодня ты должен лечь.

Ривера показал глазами, что расслышал, но не подал ни знака согласия, ни отказа.

– Что же ты молчишь? – злобно спросил Келли.

– Так или иначе – ты проиграешь, – поддал жару Спайдер Хагэрти. – Дэнни не отдаст тебе победы. Послушайся Келли и ложись.

– Ложись, мальчик, – настаивал Келли, – и я сделаю из тебя чемпиона.

Ривера не отвечал.

– Честное слово, сделаю! А сейчас помоги мне.

Удар гонга зловеще прозвучал для Риверы. Публика ничего не замечала. Он и сам еще не знал, в чем опасность, знал только, что она приближается к нему. Былая уверенность, казалось, вернулась к Дэнни. Это и испугало Риверу. Ему готовили какой-то подвох. Дэнни ринулся на него, но Ривера ловко отступил в сторону, в безопасное место. Его противник ждал клинча. Видимо, это было необходимо ему для задуманного подвоха. Ривера отступал, увертывался, но знал, что рано или поздно ему не избежать ни клинча, ни подвоха. В отчаянии он решил броситься навстречу судьбе. Он сделал вид, что готов схватиться с Дэнни при первом же его натиске. Вместо этого, когда их тела вот-вот должны были соприкоснуться, Ривера отпрянул назад. В это мгновение в углу Дэнни завопили: «Нечестно!» Ривера одурачил их. Рефери в нерешительности остановился. Слова, уже готовые сорваться с его губ, так и не были произнесены, потому что пронзительный мальчишеский голос крикнул с галерки:

– Грубая работа!

Дэнни вслух обругал Риверу и двинулся на него. Ривера стал пятиться. Мысленно он решил больше не наносить ударов в корпус. Правда, таким образом терялась половина шансов на победу, но он знал, что если ему вообще суждено победить, то только с дальней дистанции. Все равно теперь по малейшему поводу его станут обвинять в нечестной борьбе. Дэнни уже послал к черту всякую осторожность. Два раунда кряду он беспощадно дубасил этого мальчишку, не смевшего схватиться с ним вплотную.

Ривера принимал удар за ударом, он принимал их десятками, лишь бы избегнуть гибельного клинча. Во время этого великолепного натиска Дэнни публика вскочила на ноги. Казалось, все сошли с ума. Никто ничего не понимал. Они видели только одно: их любимец побеждает!

– Не уклоняйся от боя! – в бешенстве орали Ривере. – Трус! Раскройся, щенок! Раскройся! Бей его, Дэнни! Бей его! Твое дело верное!

Во всем зале один Ривера сохранял спокойствие. По темпераменту, по крови он был самым горячим, самым страстным из всех; но он закалился в волнениях, настолько больших, что эта бурная страсть толпы, нараставшая, как морские волны, для него была не чувствительнее легкого дуновения вечерней прохлады.

На семнадцатом раунде Дэнни привел в исполнение свой замысел. Ривера согнулся под тяжестью его удара. Руки его бессильно опустились. Дэнни решил, что счастливый миг настал. Мальчишка был в его власти. Но Ривера этим маневром усыпил его бдительность и сам нанес ему сокрушительный удар в

челюсть. Дэнни упал. Ривера три раза повторил этот удар, и никакой рефери не посмел бы назвать его неправильным.

– Билл! Билл! – жалобно завопил Келли, обращаясь к рефери.

– Что я могу сделать? – в тон ему отвечал тот. – Мне не к чему придраться.

Дэнни, побитый, но решительный, всякий раз поднимался снова. Келли и другие сидевшие возле самого ринга начали звать полицию, чтобы прекратить это избиение, хотя секунданты Дэнни по-прежнему стояли с полотенцами. Ривера видел, как толстый полисмен неуклюже полез под канаты. Что это может значить? Сколько разных надувательств у этих гринго! Дэнни, поднявшись на ноги, как пьяный, бессмысленно топтался перед ним. Рефери и полисмен одновременно добежали до Риверы в тот миг, когда он наносил последний удар. Нужды прекращать борьбу уже не было, так как Дэнни больше не поднялся.

– Считай! – хрипло закричал Ривера.

Когда рефери кончил считать, секунданты подняли Дэнни и оттащили его в угол.

– За кем победа? – спросил Ривера.

Рефери неохотно взял его руку в перчатке и высоко поднял ее.

Никто не поздравил Риверу. Он один прошел в свой угол, где секунданты даже не поставили для него стула. Он прислонился спиной к канатам и с ненавистью посмотрел на секундантов, затем перевел взгляд дальше, и еще дальше, пока не охватил все десять тысяч гринго. Колени у него дрожали, он всхлипывал в изнеможении. Ненавистные лица плыли и качались перед ним. Но вдруг он вспомнил, что это – винтовки! Винтовки принадлежат ему! Революция будет продолжаться!

Вопросы и задания

1. Составьте устный портрет Риверы.

2. Почему в Хунте «не любили» Мексиканца?

3. Назовите основные обстоятельства, сформировавшие характер Риверы.

4. Как в новелле мотивируется ненависть Риверы к гринго?

5. Почему Мексиканец ненавидит бокс?

6. Сравните внешний облик и внутреннюю сущность Дэнни Уорда и Фелипе Риверы и сопоставьте эти два характера.

7. Как в новелле создается образ США, каково авторское отношение к создаваемому образу?

8. Назовите основные проявления героизма и героические характеры, упоминаемые в новелле.

Роберт Шекли

Современный американский писатель Р. Шекли считается одним из классиков научной фантастики. Однако широкая известность этого автора вызвана тем, что его интересует не столько развитие науки и техники, сколько их влияние на людей, на их человеческие качества.

Вы уже хорошо знакомы с понятием фантастики как формы художественной условности. Чем отличается научная фантастика? Это произведения, в которых писатели, опираясь на современные им научные знания, пытаются спрогнозировать возможные последствия научного прогресса для судеб человечества. Научная фантастика зародилась в начале XIX века. У ее истоков стоят «Франкенштейн, или Современный Прометей» М. Шелли, романы Жюля Верна. Если в XIX веке писателей интересовали в первую очередь технические открытия и изменения материального мира, то в XX веке на передний план выступают нравственные последствия прогресса, его воздействие на психику человека, на его характер.

Один из классиков научной фантастики, С. Лем, говорил о своем романе «Солярис», что в нем он хотел предупредить людей о возможности «встречи с неизведанным», для понимания которого человеческого опыта недостаточно. Роберт Шекли тоже стремится понять, какие скрытые возможности способна пробудить в человеке «встреча с неизведанным».

Новелла «Запах мысли» очень типична для творчества американского фантаста. Ее герой, Лерой Кливи, оказавшись в необычайной и опасной ситуации, неожиданно обнаруживает в себе совершенно неведомые ему доселе силы.

Постарайтесь объяснить значение названия этой новеллы и поразмыслите над ее концовкой.

У Р. Шекли есть и еще одна привлекательная особенность. Все его произведения проникнуты очень тонким чувством юмора.

Как юмор помогает понять характер главного героя?

Запах мысли

Перевод Н. Евдокимовой

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вел почтолет-243 по неосвоенному звездному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные трудности межзвездного почтальона: старый корабль, изъязвленные трубы, невыверенные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор велся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

– Опять неполадки, Кливи? – спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

– Да как вам сказать, – иронически ответил Кливи. – Если не считать труб, приборов и проводки, все прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

– Действительно, позор, – сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствия. – Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, отер пот, заливавший глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчиненному.

– Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? – Почтмейстер невесело рассмеялся. – Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой плетеной корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал раскаляться.

– Не отходите от приемника, – сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся шлаком, раскаленным добела. Четвертый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

– Горючего не осталось, – сообщил он. – По-моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернется.

Он схватил Аварийный Справочник и пролистал раздел о скоплении Пророкоугольника. В этой группе звезд отсутствовали

колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать по карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому не было ведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

– Попробую З-М-22, – проревел он сквозь нарастающие разряды.

– Хорошенько присматривай за почтой, – протяжно прокричал в ответ Почтмейстер. – Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи спросил, что ему делать с почтой – со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к этому времени Почтмейстер уже прекратил прием.

Кливи удачно приземлился на З-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскаленным приборам невозможно было прикоснуться. Размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолет-243 вплыл в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов от поверхности отказался от борьбы и рухнул вниз камнем.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже темно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по-прежнему была прочно пристегнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежал сотню ярдов. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи навзничь. Он встал, сделал еще два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришел в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в великолепном, непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобожденный, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом; разум же ничем не был отягощен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегает маленький зверек, величиной с белку, но с темно-зеленым мехом.

Когда зверек приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило – напротив, показалось вполне уместным. На кой черт сдались белке глаза да уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли…

Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка. Этот зверь тоже был зеленого цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У животного тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в приоткрытой пасти у него сверкали два ряда мощных

клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых?

Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трех футов он, по-видимому, потерял след – вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении. «Слепой охотится на слепца», – подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, точно дервиш, внезапно прыгнул на белку и сожрал ее, трижды лязгнув зубами.

«Какие у волков большие зубы», – безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

«Теперь он съест и меня», – подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком, съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнулся он вечером. По земле протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Все было цело.

Он привстал на одно колено, еще пошатываясь от слабости, но уже во всем отдавая себе отчет. Что случилось? Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль взорвался, он отошел поодаль и упал в обморок. Потом познакомился с волком и белкой.

Кливи неуверенно поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Должно быть, последний фрагмент воспоминаний ему пригрезился. Его бы давно уж не осталось в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зеленый хвостик белки, а чуть поодаль ее голову.

Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут происходит и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей. Но тогда каким образом выслеживали они друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах от него пробегало нечто похожее на пантеру – на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

«Проклятый зверинец», – подумал Кливи и затаился в. густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации?

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера…

Едва он дошел в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

«Что же я сделал? – спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву. – Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Все, что я успел, – это решил ей не попадаться…»

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Это послужило последней каплей. Животное, лишенное глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Оно непременно должно обладать телепатическими способностями.

Чтобы испытать свою теорию, Кливи мысленно произнес слово «пантера», бессознательно отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера яростно взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла – быть может, отключила свой крохотный мозг. Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать – по крайней мере перестал думать на той длине волн, какую улавливает волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача – это пантера.

Зверь снова взревел. Он находился всего лишь в тридцати футах от Кливи, и эта дистанция быстро уменьшалась. «Все, что остается делать, – подумал Кливи, – это не думать о… думать о чем-нибудь другом. Тогда, может быть, пан… ну, может быть, она потеряет след». Он принялся думать обо всех девушках, которых когда-либо знал, старательно припоминал мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать о девушках, и о космолетах, и о планетах, и опять о девушках, и о космолетах, и обо всем, кроме

пантеры.

Пантера придвинулась еще на пять футов.

«Черт возьми, – подумал он, – как можно о чем-то не думать? Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к… но ты ее игнорируешь и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай еще раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но вообще-то не узнавая п… Как бы там ни было, она все же приближается».

Пытаться о чем-то не думать – это все равно что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддается бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п…

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, и о вечеринках, и о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайтесь прочь!); о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детенышах (берегись!), п-панегириках, и эмпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно восемь футов), обедах, филеминьонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п…

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, все еще напрягшаяся для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая ее? Он подумал о своих (тьфу, черт, самкиных!) детенышах, о теплом логове, о прелестях охоты на белок…

Пантера медленно подошла вплотную и потерлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой мировой парень эта пантера – такой большой, сильный, с такими огромными зубами!

Самец замурлыкал!

Кливи улегся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Она коротко зарычала глубоким горловым рыком, повернулась и ускакала прочь.

Только что село солнце, и все вокруг залила синева. Кливи

обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь и что он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера еще на секунду…

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьезно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк – другой, человек – третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его образ мыслей, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чем особенном не думает?

Пантера учуяла его лишь в тот момент, когда он подумал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной; чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что же, подождем – увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удается… однажды.

Кливи лег навзничь и воззрился в небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтеками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливают некое перемирие? Ему было наплевать.

К дьяволу белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!

Он уснул.

Утром он удивился, что все еще жив. Пока все идет хорошо. В конце концов денек может выдаться недурной.

В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолета-243 осталась лишь груда искореженного металла на оплавленной почве. Кливи нашел металлический стержень, прикинул его на руку и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но все-таки придает уверенность.

Корабль был в безнадежном состоянии. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счел, что он терпкий, но вкусный. Он до отвалу наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалеку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело – затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотою в шесть футов.

К концу дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно

всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчетам, быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое. Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Там что-то есть!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полет.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрел дальше. Еще через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь по крайней мере с одним вопросом покончено. Кливи можно выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал прием, к которому прибег накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Еще минуту назад они были тут. Один зеленый, другой пятнистый, третий…

Быть может, у этих волков не рождались пятнистые детеныши. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостами, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперед. Волки попятились, но один из них проскользнул к нему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи не способен как следует изобразить пантеру. Волки прекратили отступление. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутек, но тот, что прорвался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновенья. Он вообразил себя змеей – очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас же соскочили с него. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понесся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд кверху, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на зеленую землю, которая ковром расстилается все шире и шире.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая все выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил еще один день. Но, по-видимому, все гамбиты удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придет спасательное судно?

Когда стемнело, он долго еще не мог заснуть и все смотрел в небо. Однако там виднелись только звезды. Слышал же он лишь редкое рычанье волка да рев пантеры, мечтающей о завтраке.

…Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся с ощущением усталости; сон его не освежил. Не вставая, Кливи ждал. Где же спасатели? «Времени у них было предостаточно, – решил Кливи. – Почему их еще нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера…»

Не надо было так думать. В ответ справа от себя он услышал звериный рык.

Кливи встал и отошел подальше: гораздо охотнее он предстанет перед волками…

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к реву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-желтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть…

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперед. Волки оставались на почтительном расстоянии, по-видимому намеренные довольствоваться остатками ее трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после едва уловимого колебания продолжала свой путь.

Кливи попятился к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево…

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порожденной отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвел. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но все же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, пронзительно фыркнула и склонила голову набок.

«Ну право же, – думал Кливи, – кому придет в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я – всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь обломить зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поедала кусты? А ведь я и есть куст. Спроси у моей мамаши. Она тоже куст. Все мы кусты. Так повелось исстари, с каменноугольного периода».

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась она и удалиться. Кливи сомневался, что долго протянет. О чем он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка.

«Ну не мило ли, – подумал Кливи. – Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти».

Птичка легонько клюнула Кливи в шею.

«Полегче, – подумал Кливи. – Не надо рубить сук, на котором сидишь…»

Птичка клюнула еще раз, примеряясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

«Проклятый дятел», – подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не

выдержал: он сгреб птичку и швырнул ею в пантеру…

Пантера щелкнула зубами, но опоздала. Оскорбленная птичка произвела разведочный полет вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он попытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп.

Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мертвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здравомыслящее животное, как бы голодно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения еще на несколько дней. Он сосредоточился на том, как ужасно неудобоварим, как он безнадежно невкусен. И в глубине души – он был в этом убежден – искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасен! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донесся подлинный запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле ее назвали бы стервятником.

В тот миг Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошел к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на ее глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева – забраться, пистолета – выстрелить или хоть факела – отпугнуть…

– Факел!

Кливи тотчас же понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнем в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая пламенем кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь с волками.

Пришел его черед! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх пожара! Право же, Кливи будет самым страшным пожаром, какой когда-либо охватывал эту

местность.

Поднялся легкий ветерок и разнес его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники побежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара – от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел все, что происходит вокруг, и все ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая все на своем пути. И чувствовал страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царем природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеек в трех милях от старта, воспламенил группу кустов, запылал, выбросил струю пламени…

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он все горел, но одна капля превратилась в пять, потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища – трава и кусты – вскоре промокли насквозь.

Он начинал угасать.

«Это просто нечестно», – подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на ее условиях и вышел победителем… лишь для того, чтобы слепое деяние природы все погубило.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств…

* * *

– …Чертовски удачная работа. Ты берег почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолета.

Он находился на спасательном судне.

– Что случилось? – прохрипел он.

– Мы подоспели как раз вовремя, – ответил Почтмейстер. – Тебе пока лучше не двигаться. Еще немного – и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22. Шатаясь, он подошел к

смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зеленую поверхность.

– Ты был на волосок от гибели, – сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз. – Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Рассматривая безупречный зеленый ковер, Почтмейстер, казалось, испытал минуту сомнения. Он посмотрел еще раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

– Постой… А как получилось, что на тебе нет ожогов?

Вопросы и задания

1. Какие отличительные признаки научной фантастики присутствуют в новелле «Запах мысли»?

2. Определите основной конфликт и охарактеризуйте композицию новеллы.

3. Объясните смысл названия новеллы.

4. Какие художественные приемы использует автор для раскрытия характера Лероя Кливи?

5. Какие качества помогают Кливи выжить на З-М-22?

6. Можно ли назвать характер Кливи героическим?

7. Как показана роль творческого воображения в новелле Р. Шекли?

8. Придумайте фабулу научно-фантастической новеллы.

Третий урок мастерства

Мир и человек в русской литературе

Каждая национальная литература обладает своими характерными особенностями. Как у любого живого человека есть свои привычки, привязанности, любимые цвета и излюбленные речевые обороты, так и литература определенной нации придерживается какой-то своей общей традиции, заложенной многими поколениями писателей.

Литературная традиция складывается веками. Любое художественное открытие, важная черта национального характера, использование возможностей родного языка, однажды нашедшие воплощение в произведении какого-нибудь писателя, затем становятся предметом размышлений и споров других писателей, которые бережно сохраняют все самое лучшее, что было сделано их предшественниками и современниками.

Традиция – это неисчерпаемая сокровищница народного восприятия, в которую по крупицам собираются художественные приемы, предания и легенды, философские открытия и образцы человеческой мудрости. Любой писатель вправе воспользоваться этим бесценным кладом, потому что в нем содержится все, что

соответствует эстетическим идеалам народа.

Эстетическая национальная традиция сохраняет то представление о красоте, которое связывает самых разных людей. Это представления о внешней и внутренней красоте человека, о красоте природы и прекрасном в человеческих отношениях и о многом другом, что вызывало и вызывает восхищение у людей. Именно литературная традиция обеспечивает непрерывность развития национальной литературы, связывает между собой произведения разных эпох.

Основу литературной традиции составляет классика. Вы встречали это понятие в самых разных сочетаниях, но ведь за этим привычным словом скрывается подлинное чудо. Подумайте сами, произведение, созданное несколько веков назад, заставляет трепетать сердце читателя XX века. Отчего так происходит? В чем таинственная сила классики? Прежде всего классикой мы называем далеко не каждое произведение и далеко не каждого писателя, чьи книги публикуются в наши дни. **Классика –** это лучшие произведения мировой литературы, выдержавшие суровое испытание временем и изменчивостью вкусов читателей.

Классика– это произведения, обладающие магическим свойством оживлять прошлое, делать его зримым, живым и значимым для нас. Художественный мир классики близок и понятен нам. Мы без помощи специальных учебников и словарей проникаем в него и сочувствуем населяющим его персонажам.

Классика – это те произведения, где проявляются и художественно осмысливаются самые важные качества человека, качества, которые присущи любому настоящему человеку, в какое бы время он ни жил. Это те качества, без которых человек перестает быть самим собой. Именно классика учит нас подлинной человечности.

А вот теперь мне хотелось бы побеседовать с вами о русской литературной традиции, об уроках русской классики. Вы уже достаточно образованны, и мне нет нужды уверять вас в том, что это поистине великая литература. И подлинная причина ее величия заключается в отношении к человеку.

Человек всегда был эстетическим центром русской литературы, но главное, как вы догадываетесь, не в этом: ведь мы уже выяснили, что любая литература есть «человековедение».

Русские авторы всегда предъявляли к своим персонажам особые требования. Русская литературная традиция включала в себя не только определенную эстетику, но и этику, систему нравственных требований к человеку.

У русской литературы есть одна очень специфическая особенность, и вам следует о ней помнить, когда вы обращаетесь

к русской классике. Эта особенность заключается в том, что в основе национальной традиции лежит сочетание фольклора и духовной литературы.

Вы изучили произведения европейского Возрождения, европейского классицизма XVII века. А что в это время происходило в русской литературе? Кого из русских писателей можно поставить рядом с Шекспиром, Сервантесом, Мольером?

В то время русская литература очень сильно отличалась от западноевропейской. Заметьте, отличалась именно литература, ведь русский фольклор, возникший ничуть не позже западноевропейского, обладал с ним сходными чертами (вспомните детские песенки, сказки, былины, баллады и пр.). А вот художественной литературы, подобной западноевропейской, на Руси до XVII столетия не было. Зато выделялась удивительно богатая и обладавшая высоким художественным совершенством духовная церковная литература. Мне не придется долго убеждать вас в ее совершенстве, я лишь напомню вам «Сказание о Борисе и Глебе», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Житие святого Александра Невского»… Нужны ли иные доказательства?

Издревле книжность, грамотность сосредоточивались в русских монастырях, в храмах. Носителями литературной традиции были священнослужители православной церкви. При дворах князей секретарей, историографов, поэтов с успехом заменяли священники, бывшие первыми советчиками русских феодалов в различных делах. (Не могу не напомнить вам, что князь Дмитрий, отправляясь на Куликовскую битву, посетил Сергия Радонежского, чтобы испросить его совета и благословения.) В селах центром культуры был храм. Церковь очень хорошо понимала свое культурное значение и стремилась полностью удовлетворять культурные, в том числе и литературные, запросы своих прихожан. Вот почему церковные книги поднимают проблемы, далеко выходящие за рамки собственно религиозного чтения. На эту особенность русской средневековой культуры обратил внимание М. В. Ломоносов. Великий писатель, русский ученый, почувствовавший опасность безоглядного преклонения перед западной культурой, написал замечательный труд под названием «О пользе книг церковных».

Не будем забывать, что на Руси в то время еще не было такого сильного разрыва между помещичьей и крестьянской культурами, как в Западной Европе. Русский помещик слушал проповедь в церкви вместе с его крестьянами, а на праздничное застолье приглашал сельских певцов. Мамки и няньки, следившие за детьми русских феодалов, рассказывали им народные сказки и пели народные песни.

Таким образом, в период средневековья на Руси развивалась самобытная словесность, ориентировавшаяся на два основных идеала: на православный (церковная литература) и на общенародный (устное поэтическое творчество). Оба эти идеала были близки друг другу и предъявляли человеку очень высокие нравственные требования. Именно в этот период в традиционные представления о русском характере были заложены такие качества, как патриотизм, душевная щедрость, высокая требовательность к себе, честность, стремление к самосовершенствованию и самопознанию.

Отсутствие капиталистических отношений на Руси приводило к тому, что словесность долгое время оставалась равнодушной к проблеме индивидуализма, возникшей на Западе в эпоху Возрождения.

Поскольку на Руси капиталистические отношения не получили развития, не было здесь ни буржуазных противоречий, ни буржуазного индивидуализма. Крестьянин и помещик одинаково были связаны с землей, с сельской общиной. Основу культуры составляли патриархальные отношения, когда помещик рассматривался как «отец» своих крестьян, староста – как «отец» деревни, а во главе семьи стоял старший по роду.

К началу XVIII столетия Русь подошла, имея за плечами самобытную национальную культуру и многовековую литературную традицию. В XVIII веке положение меняется. Петр I, «прорубивший окно в Европу», поставил свой народ перед необходимостью осмыслить процессы, происходившие не только в России, но и на Западе. Тесное взаимодействие России с Западной Европой потребовало новой литературы, в которой ставились и разрешались новые проблемы. Изменился характер русского человека, и это тоже не могло не отразиться на литературе. Церковная литература не могла, но и ни в коем случае не должна была брать на себя труд по осмыслению, например, буржуазных отношений, торговых связей. Она продолжала борьбу за духовную и нравственную чистоту паствы.

Новый человек нашел отражение в светской литературе. Причем молодая русская светская литература не только не вступала в борьбу с литературой церковной, но, напротив, обращалась лишь к тем проблемам, которые явно выходили за пределы церковных интересов. Политика, экономические отношения, частная жизнь людей – вот что в первую очередь привлекало русских писателей. Но главное, чем заинтересовалась русская литература, это вопрос: сумеет ли в новых условиях русский человек сохранить свою самобытность, не раствориться в семействе европейских народов, сумеет ли он остаться верен тем

нравственным идеалам, которым служили его предки?

Русская литературная традиция всегда утверждала тесную взаимосвязь человека с миром, его окружающим. Если вокруг царит зло, то в этом повинен в первую очередь сам человек, не вступивший в борьбу за торжество добра. Эта черта является определяющей и для всей русской классики XVIII и XIX веков. Конечно же, каждый из писателей теперь вынужден был решать новые задачи. Русская литература не только опирается на многовековую традицию, но порождает множество новаторских произведений.

Но задумывались ли вы над сутью **литературного новаторства?** Новаторство – это не разрыв с традицией и не изобретение новых тем или форм. Это обогащение литературы новыми художественными открытиями, естественно дополняющими национальную традицию и оказывающими воздействие на будущих писателей. Другими словами, подлинное новаторство не только обогащает традицию, но само становится ее частью для последующих поколений.

В XVIII столетии русские писатели внимательно читают западноевропейскую литературу, и в России появляется новая система жанров: наряду с житиями, поучениями, летописями, сказаниями и повестями публикуются новеллы, трагедии, сонеты, оды, поэмы… Это очень важный момент в истории отечественной словесности.

Здесь я вас попрошу быть особенно внимательными! Очень легко поддаться соблазну и заявить, что русские писатели «пошли в ученики» к своим западноевропейским собратьям или «сменили литературную традицию». Но ничего подобного не было и быть не могло. Если бы литература отказалась от национальной традиции, она попросту прекратила бы свое существование. Не может цвести дерево, если у него обрублены корни, и не может стоять дом, если взорван его фундамент.

Русские писатели потому так легко обратились к новым литературным формам, что совсем не беспокоились о сохранении содержания, поскольку все время оставались верны своей культурной традиции. Только очень сильная и богатая литература может решиться на такой смелый шаг. Еще раз хочу напомнить вам имя М. В. Ломоносова: он разрабатывал новый жанр оды, он принимал участие в реформе русского стихосложения, но он же написал трактат «О пользе книг церковных».

Взаимодействие с западноевропейскими странами и бурное развитие России заставляют писателей пристально вглядываться в особенности русского характера. Деньги, власть, сословные

противоречия – все это разрушает патриархальные отношения, свойственные Руси. Но сама Россия остается великой державой, со своей культурой и своими традициями. Каков должен быть русский характер, как должен вести себя русский человек в новых условиях – ответы на эти вопросы дает новая русская литература.

А теперь, если вы усвоили мой урок, попытайтесь определить, в чем проявилось новаторство Н. М. Карамзина, написавшего «Наталью, боярскую дочь». На какую национальную традицию опирается «Страшная месть» Н. В. Гоголя?

Мир и человек в средневековой русской литературе

Русская средневековая литература была очень самобытной и имела ряд существенных отличий от литературы западноевропейской. С одной стороны, ей присущи все основные черты, связанные с пониманием места человека в окружающем его мире: для Руси, как и для других европейских стран, характерно сильное влияние народного идеала на изображение человека в литературе; сама же картина мира и образ человека ориентируются на христианское учение. С другой стороны, все основные русские литературные традиции проявляются в основном в литературе духовной, религиозной, которая, в свою очередь, очень тесно связана с фольклором.

Важной чертой средневековой литературы была и ее связь с летописной традицией. Все важнейшие события русской истории получали осмысление в замечательных памятниках словесности: «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», «Задонщина» и др.

В XVI веке начинает формироваться и светская литература. В это время возникает жанр, называемый «повестью» (в значении «повествование», «рассказ»), в котором делаются первые попытки пересказать сюжеты западноевропейских рыцарских романов («Повесть о Петре Златые власы», «Повесть о Бове-королевиче»), осмыслить исторические события («Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков») или преподать читателю нравственный урок («Повесть о Савве Грудцыне»). Центральное место в этих произведениях занимает образ человека, оказавшегося в сложной жизненной ситуации, из которой он самостоятельно должен найти выход.

В XVII веке появляется сатирическая разновидность

«повести», в которой проявляются демократические тенденции. Эта разновидность очень последовательно ориентируется на народный, фольклорный идеал.

Сатирическая повесть охотно пользовалась эпизодами из сказок, а иногда попросту пересказывала известные сказочные сюжеты. В то же время в ней поднимались очень серьезные вопросы: в «Повести о Ерше Ершовиче» разоблачаются пороки русского судопроизводства, в «Повести о Шемякином суде» представлен конфликт между богатыми и бедными.

> Читая «Повесть о Шемякином суде», *обратите внимание на использование фольклорных приемов в организации повествования. Мне кажется, что вы обнаружите здесь известное сходство со сказкой, но при этом проследите, как показаны в «Повести…» основные персонажи: бедный брат, богатый брат, поп и судья Шемяка. Подумайте, как в них проявляется представление автора об идеале человеческого поведения.*

Повесть о Шемякином суде

В некоих местах жили два брата-земледельца: один богатый, другой бедный. Богатый же ссужал много лет бедного, но не мог поправить скудости его.

По некотором времени пришел бедный к богатому просить лошадь, чтобы было на чем ему себе дров привезти. Брат же не хотел дать ему лошади, говорит: «Много тебя я ссужал, а поправить не мог». И когда дал ему лошадь, а тот, взяв ее, начал просить хомута[90], обиделся на него брат, стал поносить убожество[91] его, говоря: «И того-то, и хомута у тебя нет своего». И не дал ему хомута.

Пошел бедный от богатого, взял свои дровни, привязал за хвост лошади и привез к своему двору. И забыл он выставить подворотню. Ударил лошадь кнутом, лошадь же изо всей мочи рванула с возом через подворотню и оторвала себе хвост.

И вот бедный привел к брату своему лошадь без хвоста. И увидел брат его, что у лошади его хвоста нет, начал брата своего поносить, что, выпросив у него лошадь, испортил ее. И, не взяв назад лошади, пошел на него бить челом в город, к Шемяке-судье.

А бедный брат, видя, что брат его пошел бить на него челом, пошел и сам за братом, зная, что будут все равно за ним из города посылать, а не пойти, так придется еще и приставам[92] проездные платить.

И остановились они оба в некоем селе, не доходя до города.

Богатый пошел ночевать к попу того села, затем что был тот ему знакомый. И бедный пришел к тому попу, а придя, лег у него на полатях. И стал богатый рассказывать попу про погибель своей лошади, ради чего в город идет. И потом стал поп с богатым ужинать, бедного же не зовут с собою есть. Бедный стал с полатей смотреть, что едят поп с братом его, сорвался с полатей на зыбку[93] и задавил попова сына насмерть. И тот также поехал с богатым братом в город бить челом на бедного за смерть сына своего. И пришли они к городу, где жил судья; а бедный за ними следом идет.

Шли они через мост у города. А из жителей города некто вез рвом в баню отца своего мыть. Бедный же, зная, что будет ему погибель от брата и от попа, задумал себя смерти предать. А бросившись, упал на старика и задавил отца насмерть. Схватили его, привели к судье.

Он же размышлял, как бы напасти избыть и что бы дать судье. И, ничего у себя не найдя, надумал так: взял камень, завернул в платок, положил в шапку и стал пред судьею.

И вот принес брат его челобитную, иск на него за лошадь, стал бить судье Шемяке челом. Шемяка же, выслушав челобитную, говорит бедному: «Ответствуй!» Бедный, не зная, что говорить, вынул из шапки завернутый камень, показал судье и поклонился. А судья, чая, что бедный ему мзду посулил, сказал брату его: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, не бери у него лошади своей до тех пор, пока у лошади не вырастет хвост. А как вырастет хвост, в то время и возьми у него свою лошадь».

А потом начался другой суд. Поп стал искать за смерть сына своего, за то, что он сына у него задавил. Бедный же опять вынул из шапки тот же узел и показал судье. Судья увидел и думает, что по другому делу другой узел золота сулит, говорит попу: «Коли он у тебя сына зашиб, отдай ему свою жену-попадью до тех пор, покамест от попадьи твоей не добудет он ребенка тебе; в то время возьми у него попадью вместе с ребенком».

И после начался третий суд за то, что, бросаясь с моста, зашиб он отца-старика у сына. Бедный же, вынув из шапки камень, в платке завернутый, показал в третий раз судье. Судья, чая, что за третий суд он третий ему узел сулит, говорит тому, у кого убит отец: «Взойди на мост, а убивший отца твоего пусть станет под мостом. И ты с моста сверзнись сам на него и убей его так же, как он отца твоего».

После же суда вышли истцы с ответчиком из приказа. Стал богатый у бедного спрашивать свою лошадь, а тот ему отвечает: «По судейскому указу, как-де говорит, у ней хвост вырастет, в ту пору и отдам твою лошадь». Богатый же брат дал ему за свою

лошадь пять рублей, чтобы он ему, хоть и без хвоста, ее отдал. А он взял у брата пять рублей и отдал ему лошадь. И стал бедный у попа спрашивать попадью по судейскому указу, чтобы ему от нее ребенка добыть, а добыв, попадью назад ему отдать с ребенком. Поп же стал ему бить челом, чтобы он попадьи у него не брал. И взял тот с него десять рублей. Тогда стал бедный говорить и третьему истцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взойди на мост и бросайся на меня так же, как и я на отца твоего». А тот думает: «Броситься мне, так его, поди, не зашибешь, а сам расшибешься». Стал и он с бедным мириться, дал ему мзду за то, чтоб бросаться на себя не велел. И так взял себе бедный со всех троих.

Судья же прислал слугу к ответчику и велел у него те показанные три узла взять. Стал слуга у него спрашивать: «Дай то, что ты из шапки судье казал в узлах; он велел у тебя то взять». А тот, вынувши из шапки завязанный камень, показал. Тогда слуга говорит ему: «Что же ты кажешь камень?» А ответчик сказал: «Это судье. Я-де, – говорит, – когда бы он не по мне стал судить, убил его тем камнем».

Вернулся слуга и рассказал все судье. Судья же, выслушав слугу, сказал: «Благодарю и хвалю Бога, что по нем судил. Когда бы не по нем судил, то он бы меня зашиб».

Потом бедный пошел домой, радуясь и хваля Бога.

Вопросы и задания

1. Какой вид юмора используется в этом произведении?

2. Объясните смысл названия этого произведения. Какие нравственные ценности утверждаются, а какие отрицаются в произведении?

3. Почему бедный земледелец выиграл все три судебные тяжбы?

4. Охарактеризуйте образ Шемяки.

5. Объясните идейный смысл концовки произведения. Почему в конце повести и бедняк, и Шемяка возносят хвалу Богу?

6. Какие фольклорные черты вы отметили в повести?

7. Подготовьте пересказ «Шемякина суда» от лица судьи.

Стрельцы и крестьянин

Русская народная баллада

В предлагаемой вам балладе очень хорошо проявляется особенность понимания роли крестьянства на Руси. К тому же здесь отчетливо звучат сатирические нотки.

Вы, без сомнения, сможете сказать, над чем насмехается эта баллада и какие художественные средства используются в ней для изображения стрельцов.

Шли стрельцов молодцов
Пятьдесят человек,
Сами сговорились,
Сами смолвилися:
«Ежели бы нам, ребятушки,
Кобылушку соловую[94]!
Нам бы только экипаж[95] везла,
Сами бы мы пешки шли!»
Едет крестьянин,
Дуб своло́к;
Под крестьянином
Кобылушка соловая.
Взглянули они,
Сами сме́хнулися:
«Что в Христа молили,
То Господь нам дал!
Ну-ка, сем-ка мы, ребятушки,
Нава́лимся!»
Видит крестьянин
Неминучее свое,
Распрягает кобылушку
Соловую,
На колене дугу
Распрямливает:
Всех перебил,
Будто волк переел,
Спины понабил,
Как сычуг[96] снарядил.
«Ну-ка, ребята,
Челобитную[97] писать,
Челобитную писать,
К Москве посылать,
К Москве посылать,
Ко царю подавать!
К Москве нам идтить, -

Нам и правыми быть,
Правыми быть,
Виноватыми слыть.
Ну-ка, ребята,
По своим домам!
Заставим мы жен
Ванюшки топить,
Ванюшки топить,
Свои спинушки лечить.
Раны на нас
Некопейчатые[98],
Раны на нас -
Всё дубинный шлях[99]».

Вопросы и задания

1. Укажите основные жанровые признаки народной баллады и проиллюстрируйте их примерами из прочитанного произведения.

2. Сопоставьте образ крестьянина с образом Ильи Муромца из народной былины: что общего в характерах этих персонажей и в способах их создания.

3. Как в этой балладе показывается сила крестьянина?

4. Какую роль играет в балладе упоминание царя?

Мир и человек в русской литературе XVIII–XIX веков

Иван Новиков

Мы, к сожалению, почти ничего не знаем об этом писателе. Неизвестны нам ни даты его рождения и смерти, ни даже его отчество. Но зато мы знаем опубликованную в 1792 году книгу «Похождения Ивана– гостиного сына», сборник веселых и мудрых новелл, из которых я предлагаю вам прочитать «О двух ворах и попе, одержимом подагрою».

Это очень характерное для всего XVIII века произведение, хотя написано оно на исходе столетия. В нем ярко видны отличия светской литературы от церковной: священнослужитель выступает здесь как отрицательный персонаж, что бывало в жизни, но не проявлялось в церковной литературе, язык повествования ориентируется на разговорный, а не на книжный стиль.

Видно в этом произведении и стремление соединить книжную и фольклорную традиции. Если попробовать определить жанр этого произведения, то мы обнаружим в нем черты новеллы, басни и анекдота, причем повествовательная манера автора ближе всего к фольклорной традиции анекдота.

Но самое главное, на что хотелось бы обратить ваше внимание, заключается в том, как точно отражены здесь новые отношения между людьми и новые черты человеческого характера. Новелла И. Новикова – произведение сатирическое. Автор показывает в ней отрицательные черты, разрушающие человеческий характер. Как вы полагаете, есть ли в этом произведении положительные характеры? Какие художественные средства использует И. Новиков для создания своих персонажей?

О двух ворах и попе, одержимом подагрою [100]

Два вора, хотя и были в своем рукомесле[101] не первого, а не самого ж и последнего номера, пришедши в деревню, по обыкновению своему оглядевши, где плохо запираются ворота, тын[102] невысок и клети[103] не очень крепки, усмотрели, что у одного крестьянина нашлось сходственно с их желанием: в одной клети увидели спящих овец и телят, а в другой что-то насыпанное в мешках; они по своему намерению и считали, что на одну ночь довольно будет труда, чем позабавиться, ежели все дочиста убрать удастся. Дождавшись ночного времени, пошли оба на работу; первому удалось взять два мешка орехов; он принес их на паперть[104] при церкви, где уговорились сходиться; развязавши один мешок, дожидаясь товарища своего, на досуге стал зубами пощелкивать орешки. В то время у сельского попа загашен был огонь нечаянно в избе, трут весь изошел, огниво[105] потеряно, и спиц[106] не нашли, послал дьячка своего в церковь, чтоб он засветил из горящей лампады и принес. Дьячок, подошедши к паперти, как ночь была очень темная, то он, не видавши никого, а услышав орехову щелкотню, подумал, что, конечно, какой-нибудь гулящий демон, набравши в лесу орешков, запоздавши, пришел на паперть позабавиться и укрыться от ненастной погоды; и так долго прислушиваясь, бросился благим матом к настоятелю своему и, запыхаючи, сказал, что черт, сидя на паперти, забавляется орехами. Поп, ничего тому не веря, бранивши его много, посылает с ним другого своего хлопца, чтоб они непременно достали огня. Дьячок со слезами говорил:

– Батюшка, у меня, сударь, и от первого походу трещат кости, как в застенке, а жилы сводит подобно лихорадке.

Священник, усиливаясь добиться огня, гнал их палкою, приказывая отходить[107] молитвою. Напуганный дьячок и другой, глядя на него, скинувши чоботы[108], как журавли, выступали тихими шагами. Подошедши к паперти, услышали оба, что вор грызет орехи, но между тем дьячок рассказал другому, якобы он видел того сатану в лицо: в каком кафтане, в рукавицах и шапке и какие имел онучи[109] и лапти. Долго они, стоя в великом размышлении, не знали, что начать, а вор, не внимая ничего, подавливал орешки. Дьячок взял батрака за руку, и тихим образом возвратились к попу и рассказали, что сатана, сидя, досязает головою до свода паперти и имеет превеликие крылья, на ногах и на руках железные когти, а из глаз пылают пламенные искры. Поп сего предсказания не убоялся, потому что, поминаючи с вечера родителей, немало попито было, то к полуночи голова болит и в желудке горит, а без огня и ключей сыскать нельзя, –

приказал подать свои носилки, ибо он был, конечно, от питья воды подагрою болен. Причетники, посадя батьку в оные, с дрожанием понесли к церкве, но надеялись на себя; ежели черт захочет полакомиться кого-нибудь из них скушать, то хромоногий поп прежде их попадется. По приближении к паперти вор, услыша неосторожно идущих людей, думал, что то его другой товарищ, спросил:

– Разве тебе тяжело? Постой, я подсоблю; много ль ты взял и сколько там еще осталось?

Прислужники поповские, услыша голос, оцепенели и, брося с попом носилки, побежали ко двору, и один, как-то запнувшись за подворотню, раскроил себе лоб, а другой также ненароком переломил ногу, а батька, может быть, притворничая, не ходивши на ногах лет с пять, едва мог собраться с силами, также, вскоча, с великою трудностию побежал, а вор, идучи за ним, хохочет:

– Куда тебя черт несет и чего ты меня боишься, ведь я один здесь.

Но поп, добежавши до ворот и переправясь через подворотню, хлопнувши калиткою, и хрипливым голосом едва мог выговорить:

– Будь свет проклят именем Божиим, аминь, аминь, рассыпься и пропади в недра земные и бездонное окно.

Вор узнал, что то была ошибка; дождавшись другого, рассказал сие странное приключение; долго хохотали и с добычею пошли в свое жилище, а поп после того и днем, приходя к паперти, ограждал себя крестным знамением, зачал ходить на ногах, а не на носилках, однако ночью в церковь за огнем ни сам не ходил, ни подданных своих посылать не осмеливался.

Вопросы и задания

1. Для чего в произведение вводится портрет сатаны?

2. Что заставило попа поверить в сатану, сидящего на паперти?

3. Чем в произведении объясняется «смелость» попа, отправляющегося в церковь?

4. Какой человеческий порок высмеивается в этом произведении?

5. Какими художественными средствами создается комический эффект?

6. Выпишите из текста архаизмы и историзмы, объясните их значение и художественную роль в новелле.

7. Какие фольклорные приемы можно обнаружить в

новелле?

Александр Александрович Бестужев-Марлинский

А. А. Бестужев, живший в начале XIX века, принадлежал к знатной дворянской семье, давшей России четырех декабристов, одним из которых был и Александр. Честный и благородный русский офицер, он мечтал о счастье и свободе своего народа. 14 декабря 1825 года вместе с братом Михаилом он вывел на Сенатскую площадь Московский полк. После разгрома восстания Александр Бестужев был арестован и приговорен к смертной казни, замененной на каторгу и высылку в Сибирь. В 1828 году по его прошению переведен рядовым на Кавказ, где погиб во время военных действий против горцев.

Широко образованный и любящий литературу, А. А. Бестужев вместе с поэтом-декабристом К. Ф. Рылеевым издавал альманах «Полярная звезда», в котором публиковались многие талантливые писатели начала века. Под псевдонимом Марлинский он выпускает в свет свои собственные произведения, в центре которых, как правило, сильные героические характеры. В новелле «Вечер на бивуаке» воссоздается атмосфера взаимоотношений русских боевых офицеров, которая резко противопоставлена фальши и цинизму высшего света. Эта небольшая новелла очень интересно построена: в ней несколько повествователей и несколько микроновелл.

Подумайте, какой вид композиции использует здесь писатель. С какой целью он соединяет несколько рассказов в одну новеллу? Сопоставьте характеры Ольского, Лидина, Мечина и мужа Софии. Какими художественными средствами пользуется писатель, чтобы создать эти характеры?

А. С. Пушкин, прочитав новеллу, написал А. А. Бестужеву-Марлинскому: «Все это ознаменовано твоей печатью, т. е. умом и чудесной живописью». *О какой живописи говорит А. С. Пушкин?*

Вечер на бивуаке [110]

…Едва проглянет день,
Каждый по полю порхает,
Кивер[111] зверски набекрень,
Ментик[112] с вихрями

играет.
Конь кипит под седоком,
Сабля свищет – враг валится.
Бой умолк – и вечерком
Снова ковшик шевелится.

Д. Давыдов[113]

Вдали изредка слышались выстрелы артиллерии, преследовавшей на левом фланге опрокинутого неприятеля, и вечернее небо вспыхивало от них зарницей. Необозримые огни, как звезды, зажглись по полю, и крики солдат, фуражиров[114], скрип колес, ржание коней одушевляли дымную картину военного стана. ***20 гусарского полка эскадрону имени полковника Мечина досталось на аванпосты[115]. Втянув цепь и приказав кормить лошадей через одну, офицеры расположились вокруг огонька пить чай. После авангардного дела, за круглою чашею, радостно потолковать нераненому о том о сем, похвалить отважных, посмеяться учтивости некоторых перед ядрами. Уже разговор наших аванпостных офицеров приметно редел, когда кирасирский[116] поручик князь Ольский спрыгнул перед ними с коня.

– Здравствуйте, други.

– Добро пожаловать, князь! Насилу мы тебя к себе заручили; где пропадал?

– Спрашивают ли такие вопросы? Обыкновенно, перед своим взводом, рубил, колол, побеждал, – однако и вы, гусары, сегодня доказали, что не на правом плече ментик носите; объявляю вам мою благодарность. Между прочим, вахмистр[117]! прикажи выводить и покормить моего Донца: он сегодня ничего не кушал, кроме порохового дыма.

– Послушай-ка, ваше сиятельство…

– Мое сиятельство ничего не слышит и не слушает, покуда не выпьет глинтвейну[118], без которого ему ни светло, ни тепло; давайте скорее стакан.

– Изволь! – сказал ротмистр[119] Струйский. – Но знай, что эта чара заветная: за нее ты должен приплатиться анекдотом[120].

– Хоть сотней! За ними дело не станет: я весь слеплен из анекдотов и расскажу вам один из самых свежих, со мной случившихся. За здоровье храбрых, товарищи!

Как-то недавно у нас не было дни с три крошки провианту. Кругом, по милости вашей и казацкой, стало чисто, как в моем кармане, а, на беду, тяжелую конницу фуражировать не пускают.

Что делать? Голод тем более умножался, что во французской линии слышалось гармоническое мычание быков, которое плачевным эхом отдавалось в моем пустом желудке. Рассуждая о суете мирской, лежал я, завернувшись буркою[121], и грыз сухарь, так заплесневелый, что над ним можно бы было учиться ботанике, так черствый, что его надо было провожать в горло шомполом[122]. Вдруг блеснула во мне пресчастливая мысль. Сейчас же ногу в стремя – и марш.

«Куда, – спросили меня, – едешь ты на своей бешеной Бьютти?»

«Куда глаза глядят».

«Зачем?»

«Умереть или пообедать!» – отвечал я трагическим голосом, дал шпоры и, показывая вид, будто меня занесла лошадь, пустился птицею и скрылся из глаз изумленных моих товарищей. Они считали меня погибшим. Проскакав русскую цепь, я навязал на палаш[123] платок, который в молодости своей бывал белым, и поехал рысью.

«Qui vive?[124]» – раздалось с неприятельского пикета.

«Parlementaire russe![125]» – отвечал я.

«Halte la![126]»

Ко мне подъехал унтер-офицер с взведенным пистолетом.

«Зачем вы приехали?»

«Поговорить с начальником отряда».

«Для чего же без трубача?»

«Его убили».

Мне завязали глаза, повели пешего, и через три минуты я уже по обонянию угадал, что нахожусь подле офицерского шалаша. «Добрый знак! – думал я. – Счастливый тут как тут к обеду». Снимают повязку – и я очутился в компании полковника и человек осьми конно-егерских французских офицеров; малый я не застенчивый.

«Messieurs![127] – сказал я им, поклонясь весьма развязно, – я не ел почти три дня и, зная, что у вас всего много, решился, по рыцарскому обычаю, положиться на великодушие неприятелей и ехать к вам на обед в гости. Твердо уверен, что французы не воспользуются этим и не захотят, чтобы я за шутку заплатил вольностью. Да и много ли выиграет Франция, если завладеет конным поручиком, которого все знания и действия очерчиваются концом палаша?»

Я не обманулся: французам моя выходка понравилась как нельзя больше. Они пропировали со мной до вечера, нагрузили съестным мой чемодан, и мы расстались друзьями, обещая при первой встрече раскроить друг другу голову от чистого сердца.

– Не из печатного ли это? – спросил, усмехаясь, штабс-ротмистр Ничтович, который слыл в полку за великого критика.

– Да хотя бы из печатного, для тебя оно все-таки должно быть новостью! – отвечал Ольский.

– А после какого дела это случилось?

– После того самого, где ты ранен был в сапог. Штабс-ротмистр запил пилюлю и напрасно теребил усы, ища ответа на ответ: на этот раз остроумие его осеклось.

– Не расскажет ли нам чего-нибудь Лидин? – сказал подполковник, обращаясь к офицеру, который в рассеянности курил давно погасшую трубку.

– Нет, подполковник! Мне нечего рассказывать. Мой роман занимателен для меня одного, потому что обилен только чувствами, а не приключениями. И признаюсь вам: теперь вы нарушили самый великолепный воздушный мой замок. Мне мечталось, что я за отличие уже произведен в штабс-офицеры, что я сорвал «Георгия»[128] с вражеской пушки, что я возвращаюсь в Москву, украшен ранами и славой; что троюродный мой дядя, который старее Дендерского Зодиака, умирает от радости, и я, богач, бросаюсь к ногам милой, несравненной Александрины!

– Мечтатель, мечтатель! – сказал Мечин. – Но кто не был им? Кто больше меня веровал в верность и любовь женскую? Я расскажу теперь случай моей жизни, который тебе, милый Лидин, может послужить уроком, если влюбленные могут учиться чужой опытностью, – для вас же примолвлю, друзья мои, что это будет история медальона, о котором я давно обещал вам рассказать. Послушайте!

Года за два до кампании княжна София привлекала к себе все сердца и лорнеты Петербурга: Невский бульвар кипел воздыхателями, когда она прогуливалась; бенефисы были удачны, если она приезжала в театр, и на балах надо было тесниться, чтобы на нее взглянуть, не говорю уже танцевать с нею. Любопытство заставило меня узнать ее покороче; самолюбие подстрекало обратить на себя внимание Софии, а любезность, образованный ум и доброта сердца очаровали меня навсегда. Впрочем, говорят, и я верю, что любовь прилетает не иначе, как на крыльях надежды, – я недаром в княжну влюбился. Вы знаете, друзья, что природа влила в меня знойные страсти, которыми увлекаюсь в радости – до восторга, в досадах – до исступления или отчаяния. Судите же, каково было мое блаженство при замеченной взаимности! Я забредил идиллиями; мне вообразилось, что одинокая жизнь несносна, тем более что родители Софии смотрели на меня благосклонным взором. Со мною жил тогда первый мой друг, отставной майор Владев,

человек с благородными правилами, с пылким характером, но с холодною головою. «Ты дурачишься, – не раз говорил он мне в ответ на мои восторги, – избирая невесту из блестящего круга. У отца княжны более долгов и прихотей, чем денег, а твоего имения ненадолго станет для женщины, привыкшей к роскоши. Ты скажешь: ее можно перевоспитать на свой образец, ей только семнадцать лет от роду; но зато сколько в ней предрассудков от воспитания! Все возможно с любовью! – твердишь ты, но кто ж уверит тебя, что княжна вздыхает от любви, а не от узкого корсета, что она глядит в глаза твои для тебя, а не для того, чтоб глядеться в них самой? Поверь мне, что в ту минуту, когда она так нежно рассуждает об умеренности, о счастии домашней жизни, мысли ее уже стремятся к дамскому току или к карете с белыми колесами, в которой блестит она в Екатерингофе, или к новой шали, для показа которой тебя затаскивают по скучным визитам. Друг! я знаю твое раздражительное от самых безделок сердце и в княжне вижу прелестную, прелюбезную женщину, но женщину, которая любит жить в свете и для света и едва ли пожертвует тебе котильоном, не только столичного жизнию, когда расчеты или долг службы позовут тебя в армию. За упреками настанет убийственное равнодушие, и тогда– прости, счастье!» Я смеялся его словам, однако ж изведывал наклонности Софии и каждый день находил в ней новые достоинства, и с каждым часом страсть моя возрастала. Между тем я не спешил объяснением: мне хотелось, чтобы княжна любила во мне не мундир, не мазурку, не острые слова, но меня самого без всяких видов. Наконец я в том уверился и решился. Накануне предполагаемого сватовства я танцевал с княжною у графа Т. и был радостен как дитя, упоен надеждою и любовью. Один капитан, слывший тогда за образец моды, досадуя, что София не пошла с ним танцевать, позволил себе весьма нескромные на ее счет выражения, стоя за мною, и довольно громко. Кто осмеливается обидеть даму, тот возлагает на ее кавалера обязанность мстить за нее, хотя бы она вовсе не была ему знакома. Я вспыхнул и едва мог удержать себя до конца кадрили, услышав его остроты насчет княжны. Объяснение не замедлило. Г. капитан думал отыграться шутками, говорил, что не помнит слов своих. «Но я, м. г., по несчастью, имею очень счастливую память. Вы должны просить на коленях прощения у моей дамы, или завтра в десять часов волею и неволею увидитесь со мной на Охте». Вам известно, что я не охотник до пробочных дуэлей[129]: мы стрелялись на пяти шагах, и первый его выстрел, по жребью, положил меня замертво. Какой-то испанский поэт, имени и отчества не упомню, сказал, что первый удар аптекарской

иготи[130] есть уже звон погребального колокола: пуля вылетела насквозь в соседстве легких; антонов огонь[131] грозил сжечь сердце, но, вопреки Лесажу и Мольеру, я выздоровел, с помощью лекарей и пластырей, в полтора месяца. Бледность лица очень мила, но чтобы не показаться княжне мертвецом, я умерил на несколько дней свое нетерпение и, уже оправляясь, полетел верхом к князю на дачу. Сердце мое билось новою жизнию: я мечтал о радостной встрече моей с Софиею, о ее смущенье, об объяснении, о супружестве, о первом дне его…

Полный восторгов надежды, взбегаю на лестницу, в переднюю залу, – громкий смех княжны в гостиной поражает слух мой. Признаюсь, то меня огорчило. Как! та София, которая грустила, если не видела меня два дня, веселится теперь, когда я за нее слег в смертную постелю! Я приостановился у зеркала: послышалось, будто упоминают мое имя, говорят о Дон Кихоте; вхожу – молодой офицер, склонясь на спинку стула Софии, рассказывал ей что-то вполголоса и, как кажется, весьма дружески. Княжна нисколько не смутилась: спросила меня со холодной заботливостью о здоровье, обошлась со мною как со старым знакомцем, но, видимо, отдавала преимущество своему соседу: не хотела понимать ни взглядов, ни намеков моих о прежнем. Я не мог вообразить вины такой обыкновенной холодности – и напрасно искал в ее взорах столь милой досады, делающей сладостным примирение: в них не было уже ни искры, ни тени любви. Иногда она украдкою бросала на меня взгляды, но в них прочитал я одно любопытство. Гордость зажгла во мне кровь, ревность разорвала сердце. Я кипел, грыз себе губы и, боясь, чтобы чувства мои не вырвались речью, решился уехать. Не помню, где скакал я по полям и болотам, под проливным дождем; в полночь воротился я домой без шляпы, без памяти. «Жалею тебя! – сказал Владов, меня встречая. – И, прости укор дружбы, не предсказал ли я, что дом князя будет для тебя ящиком Пандоры? Однако ж на сильные болезни надобны сильные лекарства: читай». Он отдал мне свадебный билет – о помолвке княжны за моего соперника!.. Бешенство и месть, как молния, запалили кровь мою. Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался еще мой выстрел), чтобы коварная не могла торжествовать с ним. Я решился высказать ей все, укорить ее… одним словом, я неистовствовал. Знаете ли вы, друзья мои, что такое жажда крови и мести? Я испытал ее в эту ужаснейшую ночь! В тиши слышно было кипение крови в моих жилах, – она то душила сердце приливом, то остывала, как лед. Мне беспрестанно мечталось: гром пистолета, огонь, кровь и трупы. Едва перед утром забылся я тяжким сном. Ординарец военного

министра разбудил меня: «Ваше благородие, пожалуйте к генералу!» Я вскочил с мыслию, что, верно, зовут меня насчет дуэли. Являюсь. «Государь император, – сказал министр, – приказал выбрать надежного офицера, чтобы отвезти к генералу Кутузову, главнокомандующему Южною армиею, важные депеши; я назначил вас – спешите! Вот пакеты и прогоны. Секретарь напишет на подорожной час отъезда. Счастливого пути, господин курьер!» Тележка стояла у крыльца, и я очнулся уже в третьей станции; великодушный Владов ехал со мною. Тут-то изведал я, что дружество утешает, но не наполняет сердца, и дорога дальняя, вопреки общему мнению, только разбила, но не рассеяла меня. Главнокомандующий принял меня отменно ласково и, наконец, уговорил остаться в действующей армии. Презрение к жизни довело меня до мысли о самоубийстве, но Владов своими советами и нежным участием тронул меня. Кто жить советует, всегда красноречив, и он спас мою совесть от двух убийств, мое имя – от насмешек. «Я знал все, – говорил он мне, – но не смел объявить тебе во время болезни. Видя, что открылась тайна, и зная твой бешеный нрав, я бросился к секретарю военного министра, моему приятелю, просил, умолял: тебя послали курьером. Время – лучший советник, и теперь признайся сам: стоит ли пороху твой противник? Стоит ли шуму твоя любезная, избравшая в женихи человека без чести и правил, потому только, что он в тоне[132], что матушка ее заметила лишний против твоего нуль в звончатых титулах человека, который решился проиграть мне брильянтовый портрет своей невесты, ее подарок?» Он отдал тогда мне этот медальон. Подполковник снял его с груди и показал офицерам.

– Пусть мне тупым кремнем отпилят голову, если я вижу тут что-нибудь! – вскричал Ольский. – Вся эмаль разбита вдребезги.

– Провидение, – продолжал подполковник, – сохранило меня от смерти на берегах Дуная, чтобы долее послужить отечеству: пуля сплюснулась на портрете Софии, но не пощадила его. Прошел год, и армия, по заключении мира с турками, двинулась наперерез Наполеону. Тоска и климат расстроили мое здоровье: я на месяц отпросился на Кавказ – искать целительных вод для здоровья, живой воды – для моего духа.

На другой день по приезде я пошел с тамошним доктором отправить визиты. «Вы увидите, – сказал доктор, когда мы приближались к одному домику, – молодую, прекрасную особу, которая чахнет, быв жертвою брака по расчету. Родители напели ей о счастии пышности, а обиженное самолюбие завлекло ее в сети блестящего негодяя, и, обманутая минутного прихотью сердца, она кинулась в его объятья. Что ж вышло? Тетушка и

матушка, искавшие в женихе богатство, нашли одно хвастовство, необъятные долги и разврат; он искал приданого и, обманутый обещаниями, в свою очередь, оказался во всей черноте: измучил жену язвительными упреками, поведением вогнал ее в чахотку и, наконец, проигравши и промотавши все, бросил ее, ославив в свете. Теперь она приехала сюда с отцом, умереть под теплым кавказским небом». Я боялся обеспокоить ее посещением. «О нет! – говорил доктор, – ведь чахоточные умирают на ногах, и я имею правило: коротать рассеянностью время больных, когда лекарствами нельзя продлить их жизни». Говоря таким образом, вошли мы в комнату. Это была София!.. Есть невыразимые чувства и сцены. Я думал, что ненавижу Софию; уверял себя, что, если судьба приведет меня с нею встретиться, я заплачу за измену холодным презрением; но я узнал, как много любил ее, когда, вместо гордой красавицы, увидел несчастную жертву света, с потухшими очами, с смертною бледностию лица. На краю гроба исчезают все приличия, и, когда София пришла в чувство, рука ее была омочена моими слезами и поцелуями. «Вы не клянете меня? Виктор, ты меня прощаешь?.. – сказала она раздирающим сердце голосом. – Благородная душа… ты сожалеешь, видя меня, так жестоко наказанную за легкомыслие. Теперь я умру покойно». Жизнь, как тлеющая лампада, от дуновения вспыхнула в ней на несколько дней чем-то бывалым. Но каково мне было видеть разрушение Софии, слышать, как постепенно сокращалось ее дыхание, чувствовать ее муки, переносимые с ангельским терпением!.. Она гасла – без ропота, обвиняя во всем себя одну. Друзья! друзья! я перенес много страданий, но ни одно мученье в мире не сравнится с мукою – видеть умирающую любезную; ужасно и вспомнить… София умерла на руках моих!..

Подполковник не мог продолжать. Тронутые офицеры молчали, и даже с ресниц ротмистра скатилась слеза на ус и с него капнула в серебряный стакан с глинтвейном. Вдруг послышался выстрел, другой, третий. Казаки с ведетов[133] неслись мимо эскадрона.

– Что, много ли неприятелей? – спросил торопливо ротмистр, вспрыгнув на своего Черкеса.

– Видимо-невидимо, ваше высокоблагородие! – отвечал урядник.

– Мундштучь[134], садись! – скомандовал подполковник. – Фланкеры[135]! осмотреть пистолеты. Сабли вон! по три налево заезжай! Рысью! Марш!

Вопросы и задания

1. Объясните смысл названия новеллы.

2. Почему все рассказы военных посвящены мирным проблемам?

3. Как в этой новелле раскрывается тема дружбы? Охарактеризуйте образ Владова.

4. Как в этой новелле раскрывается тема любви? Почему Мечин решается рассказать офицерам о своей влюбленности в Софию?

5. Какую художественную роль играет в новелле медальон Мечина? Объясните его символическое значение.

6. Какие характеры создает в новелле автор? Ответ обоснуйте.

7. Какие нравственные идеалы утверждаются в новелле?

8. Подготовьте рассказ «романтического анекдота» из вашей жизни.

Орест Михайлович Сомов

Писателя и журналиста первой половины XIX века О. М. Сомова современники знали как человека, близкого по духу декабристам, Пушкину и поэтам пушкинского круга. Он был членом Вольного общества любителей российской словесности.

Проведя часть своей жизни на Украине, Сомов познакомился с украинскими народными песнями, преданиями, поверьями, обычаями и обрядами. С тех пор народное творчество стало источником, из которого он черпал свое поэтическое вдохновение. Это очень самобытный писатель, пытавшийся понять народ и его характер, раскрыть полноту и широту души человека, живущего в Малороссии.

Знакомство с творчеством писателя предлагаю начать с романтической новеллы «Русалка». Обратите внимание на подзаголовок произведения, указывающий на связь его с преданиями далекой древности. По поверьям восточных славян, русалками становились молодые девушки-утопленницы или совершившие какой-либо тяжкий грех. С длинными, закрывающими все тело волосами, в зеленом венке из ивовых прутьев они выходят из воды на русалочьей (зеленой) неделе, веселятся и танцуют в поле или на полянах и, заманивая в свой круг, убивают живых людей.

В новелле О. М. Сомова реальность и фантастика переплетаются настолько тесно, что художественный мир произведения становится зыбким и подвижным, как круг танцующих русалок. В то же время О. М. Сомов показывает

глубину и многообразие человеческой души, ставя человека перед лицом сверхъестественного, неподвластного разуму, смыкающегося со сказкой.

Не найдя понимания у самого близкого ей человека, которому она открыла свою душу, Горпинка, центральный персонаж новеллы, отчаивается и, преодолев страх и отвращение, идет просить помощи у колдуна. Мать девушки тоже в конце концов приходит к нему за помощью.

Как вы думаете, что заставляет людей в подобных ситуациях обращаться к сверхъестественным силам?

Как невозможно переделать человека, не нарушив его собственного «я», переделать мир, не нарушив его совершенства и гармонии, изменить порядок вещей без трагических последствий, так и невозможно вернуть и почувствовать то, что возникает лишь на фантастически короткий иллюзорный миг. Но именно этот миг способен перевернуть многое.

Слухи о существовании колдуна и фантастические описания его магических действий, пляски русалок, а затем и личное участие в магическом действии Фенны, превращения дочери, ее уход из дома, смерть Казимира в лесу – вот тот ряд, который использовал автор, чтобы показать, сколько разнообразных и противоречивых качеств характера заключено в одном человеке, сколько силы таит в себе человеческая душа.

Русалка
Малороссийское предание

Давным-давно, когда еще златоглавый наш Киев был во власти поляков, жила-была там одна старушка, вдова лесничего. Маленькая хатка ее стояла в лесу, где лежит дорога к Китаевой пустыни: здесь, пополам с горем, перебивалась она трудами рук своих вместе с шестнадцатилетнею Горпинкою, дочерью и единою своею отрадою. И подлинно дочь дана была ей на отраду: она росла, как молодая черешня, высока и стройна; черные ее волосы, заплетенные в дрибушки[136], отливались как вороново крыло под разноцветными скиндячками[137], большие глаза ее чернелись и светились тихим огнем, как два полуистухших угля, на которых еще перебегали искорки. Бела, румяна и свежа, как молодой цветок на утренней заре, она росла на беду сердцам молодецким и на зависть своим подружкам. Мать не слышала в ней души, и труженики Божий, честные отцы Китаевой пустыни, умильно и приветливо глядели на нее как на будущего своего собрата

райского, когда она подходила к ним под благословение.

Что же милая Горпинка (так называл ее всякий, кто знал) стала вдруг томна и задумчива? Отчего не поет она больше, как вешняя птичка, и не прыгает, как молодая козочка? Отчего рассеянно глядит она на все вокруг себя и невпопад отвечает на вопросы? Не дурной ли ветер подул на нее, не злой ли глаз поглядел, не колдуны ли обошли?.. Нет, не дурной ветер подул, не злой глаз поглядел и не колдуны обошли ее; в Киеве, наполненном в тогдашнее время ляхами[138], был из них один, по имени Казимир Чепка. Статен телом и пригож лицом, богат и хорошего рода, Казимир вел жизнь молодецкую: пил венгерское с друзьями, переведывался на саблях за гонор[139], танцевал краковяк и мазурку с красавицами. Но в летнее время, наскуча городскими потехами, часто целый день бродил он по сагам[140]днепровским и по лесам вокруг Киева, стрелял крупную и мелкую дичь, какая ему попадалась. В одну из охотничьих своих прогулок встретился он с Горпинкою. Милая девушка, от природы робкая и застенчивая, не испугалась, однако ж, ни богатырского вида, ни черных закрученных усов, ни ружья, ни большой лягавой собаки: молодой пан ей приглянулся, она еще больше приглянулась молодому пану. Слово за слово, он стал ей напевать, что она красавица, что между городскими девушками он не знал ни одной, которая могла бы поспорить с нею в пригожестве; и мало ли чего не напевал он ей? Первые слова лести глубоко западают в сердце девичье: ему как-то верится, что все, сказанное молодым красивым мужчиною, сущая правда. Горпинка поверила словам Казимира, случайно или умышленно они стали часто встречаться в лесу, и оттого теперь милая девушка стала томна и задумчива.

В один летний вечер пришла она из лесу позже обыкновенного. Горпинка не отвечала ни слова, села на лавке в углу и призадумалась. Долго она молчала; давно уже мать перестала делать ей выговоры и сидела, также молча, за пряжею; вдруг Горпинка, будто опомнясь или пробудясь от сна, взглянула на мать свою яркими, черными своими глазами и промолвила вполголоса:

– Матушка! У меня есть жених.

– Жених?… кто? – спросила старушка, придержав свое веретено и заботливо посмотрев на дочь.

– Он не из простых, матушка, он хорошего рода и богат: это молодой польский пан… – Тут она с детским простодушием рассказала матери своей все: и знакомство свое с Казимиром, и любовь свою, и льстивые его обещания быть знатною паней.

– Берегись, – говорила ей старушка, сомнительно покачивая

головою, – берегись лиходея; он насмеется над тобою, да тебя и покинет. Кто знает, что на душе у иноверца, у католика?.. А и того еще хуже (с нами сила крестная!), если в виде польского пана является тебе злой искуситель. Ты знаешь, что у нас в Киеве, за грехи наши, много и колдунов, и ведьм. Лукавый всегда охотнее вертится там, где люди ближе к спасению.

Горпинка не отвечала на это, и разговор тем кончился. Милая, невинная девушка была уверена, что ее Казимир не лиходей и не лукавый искуситель, и потому она с досадою слушала речь своей матери.

«Он так мил, так добр! Он непременно сдержит свое слово и теперь поехал в Польшу для того, чтоб уговорить своего отца и устроить дела свои. Можно ли, чтобы с таким лицом, с такою душой, с таким сладким, вкрадчивым голосом он мог иметь на меня недобрые замыслы? Нет! Матушка на старости сделалась слишком недоверчива, как и все пожилые люди».

Таким нашептыванием легковерного сердца убаюкивала себя неопытная молодая девушка; а между тем мелькали дни, недели, месяцы – Казимир не являлся и не давал о себе вести. Прошел и год – о нем ни слуху ни духу. Горпинка почти не видела света Божьего: от слез померкли ясные очи, от частых вздохов теснило грудь ее девичью. Мать горевала о дочернем горе, иногда плакала, сидя одна в ветхой своей хатке за пряжею, и, покачивая головою, твердила:

– Не быть добру! Это наказание Божие за грехи наши и за то, что несмышленая полюбила ляха-иноверца!

Долго тосковала Горпинка; бродила почти беспрестанно по лесу, уходила рано поутру, приходила поздно ночью, почти ничего не ела, не пила, иссохла, как былинка. Знакомые о ней жалели и за глаза толковали то и другое; молодые парни перестали на нее заглядываться, а девушки ей завидовать. Услужливые старушки советовали ей пойти к колдуну, который жил за Днепром, в бору, в глухом месте: он-де скажет тебе всю правду и наставит на путь, на дело! Горе придает отваги: Горпинка откинула страх и пошла.

Осенний ветер взрывал волны в Днепре и глухо ревел по бору; желтый лист, опадая с деревьев, с шелестом кружился по дороге, вечер хмурился на дождливом небе, когда Горпинка пошла к колдуну. Что сказал он ей, никто того не ведает; только мать напрасно ждала ее во всю ту ночь, напрасно ждала и на другой день, и на третий: никто не знал, что с нею сталось! Один монастырский рыболов рассказывал спустя несколько дней, что, плывя в челноке, видел молодую девушку на берегу Днепра: лицо ее было исцарапано иглами и сучьями деревьев, волосы разбиты,

скиндячки оборваны; но не посмел близко подплыть к ней из страха, что то была или бесноватая, или бродячая душа какой-нибудь умершей, тяжкой грешницы.

Бедная старушка выплакала глаза свои. Чуть свет вставала она и бродила далеко-далеко, по обоим берегам Днепра, расспрашивала у всех встречных о своей дочери, искала тела ее по песку прибрежному и каждый день с грустью и горькими слезами возвращалась домой одна-одинехонька: не было ни слуху, ни весточки о милой ее Горпинке! Она клала на себя набожные обещания, ставила из последних своих трудовых денег большие свечи преподобным угодникам печерским[141]: сердцу ее становилось от того на время легче, но мучительная неизвестность о судьбе дочери все не прерывалась. Миновала осень, прошла и суровая зима в напрасных поисках, в слезах и молитвах. Честные отцы, черноризцы Китаевой пустыни, утешали несчастную мать и христиански жалели о заблудшей овце; но сострадание и утешительные их беседы не могли изгладить горестной утраты из материнского сердца. Настала весна; снова старуха начала бродить по берегам Днепра, и все так же напрасно. Она хотела бы собрать хоть косточки бедной Горпинки, омыть их горючими слезами и прихоронить, хотя тайком, на кладбище с православными. И этого последнего утешения лишала ее злая доля.

Те же услужливые старушки, которые наставили дочь идти к колдуну, уговаривали и мать у него искать помощи. Кто тонет, тот и за бритву рад ухватиться, говорит пословица. Старуха подумала, подумала – и пошла в бор. Там, в страшном подземелье или берлоге, жил страшный старик. Никто не знал, откуда он был родом, когда и как зашел в заднепровский бор и сколько ему лет от роду; но старожилы киевские говаривали, что в детстве слыхали они от дедов своих об этом колдуне, которого с давних лет все называли Боровиком: иного имени ему не знали. Когда старая Фенна, мать Горпинки, пришла на то место, где, по рассказам, можно было найти его, то волосы у нее поднялись дыбом и лихорадочная дрожь ее забила… Она увидела старика, скрюченного, сморщенного, словно выходца с того света: в жаркий майский полдень лежал он на голой земле под шубами, против солнца и, казалось, не мог согреться. Около него был очерчен круг, в ногах у него сидела огромная черная жаба, выпуча большие зеленые глаза; а за кругом кипел и вился клубами всякий гад: и ужи, и змеи, и ящерицы; по сучьям деревьев качались большие нетопыри[142], а филины и совы и девятисмерты[143] дремали по верхушкам и между листьями. Лишь только появилась старуха – вдруг жаба трижды проквакала

страшным голосом, нетопыри забили крыльями, филины и совы завыли, змеи зашипели, высунув кровавые жала, и закружились быстрее прежнего. Старик приподнялся, но, увидя дряхлую, оробевшую женщину, он махнул черною ширинкою с какими-то чудными нашивками красного шелка – и мигом все исчезло с криком, визгом, вытьем и шипеньем: одна жаба не слазила с места и не сводила глаз с колдуна. «Не входи в круг, – прохрипел старик чуть слышным голосом, как будто б этот голос выходил из могилы, – и слушай: ты плачешь и тоскуешь об дочери; хотела ли бы ты ее видеть? Хотела ли б быть опять с нею?»

– Ох, пан-отче! Как не хотеть! Это одно мое детище, как порох в глазу…

– Слушай же: я дам тебе клык черного вепря и черную свечу… – Тут он пробормотал что-то на неведомом языке, и жаба, завертев глазами, в один прыжок скакнула в подземелье, находившееся в нескольких шагах от круга, другим прыжком выскочила оттуда, держа во рту большой белый клык и черную свечу; то и другое положила она перед старухой и снова села на прежнее свое место.

– Скоро настанет зеленая неделя[144], – продолжал старик, – в последний день этой недели, в самый полдень, пойди в лес, отыщи там поляну, между чащею; ты ее узнаешь: на ней нет ни былинки, а вокруг разрослись большие кусты папоротника. Проберись на ту поляну, очерти клыком круг около себя и в середине круга воткни черную свечу. Скоро они прибегут, ты всматривайся пристально и чуть только заметишь свою дочь – схвати ее за левую руку и втащи к себе в круг. Когда же все другие пробегут, ты вынь свечу из земли и, держа ее в руке, веди дочь свою к себе в дом. Что бы она ни говорила – ты не слушай ее речей и все веди ее, держа свечу у нее над головою: и что бы после ни случилось, не сказывай своим попам да монахам, не служи ни панихид, ни молебен и терпи год. Иначе худо тебе будет…

Старухе показалось, что в эту минуту жаба страшно на нее покосилась и захлопала уродливым своим ртом. Бедная Фенна чуть не упала от испуга. Поскорее отдала она поклон колдуну и дрожащими ногами поплелась из бора. Однако ж до чего не доведет любовь материнская! Надежда отыскать дочь свою подкрепила силы старухи и придала ей отваги.

В последний день зеленой недели, когда солнце шло на полдень, она пошла в чащу леса, отыскала там сказанную колдуном поляну, очертила круг клыком черного вепря, воткнула посредине в землю черную свечу – и свеча сама собою загорелась синим огнем. Вдруг раздался шум: с гиканьем и ауканьем, быстро

как вихрь помчалась через поляну несчетная вереница молодых девушек; все они были в легкой, сквозящей одежде, и на всех были большие венки, покрывавшие все волосы и даже спускавшиеся на плечи. На одних венки сии были из осоки, на других из древесных ветвей, так что казалось, будто бы у них зеленые волосы. Девушки пробегали, минуя круг, но не замечая или не видя старухи; и она, откинув страх, всматривалась в лицо каждой. Смотрит – вот бежит ее Горпинка. Старуха едва успела схватить ее за левую руку и втащить в круг. Другие, видно, на быстром, исступленном бегу своем и, гикая и аукая, пронеслись мимо. Старая Фенна поспешно выхватила из земли пылавшую черную свечу, подняла ее над головою своей дочери – и мигом зеленый венок из осоки затрещал, загорелся и рассыпался с головы Горпинкиной. В кругу Горпинка стояла как оцепенелая; но едва мать вывела ее из круга, то она начала проситься у нее тихим, ласковым голосом:

– Мать! Отпусти меня погулять по лесу, покачаться на зеленой неделе и снова погрузиться в подводные наши селения… Знаю, что ты тоскуешь, ты плачешь обо мне: кто же тебе мешает быть со мною неразлучно? Брось напрасный страх и опустись к нам на дно Днепра. Там весело! Там легко! Там все молодеют и становятся так же резвы, как струйки водяные, так же игривы и беззаботны, как молодые рыбки. У нас и солнышко сияет ярче, у нас и утренний ветерок дышит привольнее. Что в вашей земле? Здесь во всем нужды: то голод, то холод; там мы не знаем никаких нужд, всем довольны, плещемся водой, играем радугой, ищем по дну драгоценностей и ими утешаемся. Зимою нам тепло под льдом, как под шубой; а летом, в ясные ночи, мы выходим греться на лучах месяца, резвимся и веселимся, для забавы часто шутим над живыми. Что в том беды, если мы подчас щекочем их или уносим на дно реки? Разве им от того хуже? Они становятся так же легки и свободны, как и мы сами… Мать! Отпусти меня: мне тяжко, мне душно будет с живыми! Отпусти меня, мать, когда любишь…

Старуха не слушалась и все вела ее к своей хате; но с горестью узнала, что дочь ее сделалась русалкою. Вот пришли; старуха ввела Горпинку в хату; она села против печки, облокотясь обеими руками себе на колена и уставя глаза в устье печки. В эту минуту черная свеча догорела, и Горпинка сделалась неподвижною. Лицо ее посинело, все члены окостенели и стали холодны как лед; волосы были мокры, как будто бы теперь только она вышла из воды. Страшно было глядеть на ее безжизненное лицо, на ее глаза, открытые, тусклые и не видя смотрящие! Старуха поздно вскаялась, что послушалась лукавого колдуна; но

и тут чувство матери и какая-то смутная надежда перемогла и страх и упреки совести: она решилась ждать во что бы то ни стало.

Проходит день, настает ночь – Горпинка сидит по-прежнему, мертва и неподвижна. Жутко было старухе оставаться на ночь с своей ужасною гостьей; но, скрепя сердце, она осталась. Проходит и ночь – Горпинка сидит по-прежнему; проходят недели, месяцы – все так же неподвижно сидит она, опершись головою на руки, все так же открыты и тусклы глаза ее, бессменно глядящие в печь, все так же мокры волосы. В околотке разнесся об этом слух, и все добрые и недобрые люди не смели ни днем ни ночью пройти мимо хаты: все боялись мертвеца и старой Фенны, которую расславили ведьмою. Тропинка близ хаты заросла травою и почти заглохла; даже в лес ходили соседние обыватели изредка и только по крайней нужде. Наконец бедная старуха мало-помалу привыкла к своему горю и положению: уже без страха спала в той хате, где страшная гостья сидела в гробовой своей неподвижности.

Прошел год: все так же без движения и без признаков жизни сидела мертвая. Настала и зеленая неделя. На первый день, около полуденного часа, старуха, отворя дверь хаты, что-то стряпала. Вдруг раздались гиканье и ауканье и скорый шорох шагов. Фенна вздрогнула и невольно взглянула на дочь свою: лицо Горпинки вдруг страшно оживилось, синева исчезла, глаза засверкали, какая-то неистовая и как бы пьяная улыбка промелькнула на губах. Она вскочила; трижды плеснула в ладоши и, прокричав: «Наши, наши, наши!» – пустилась как молния за шумною толпою… и след ее пропал!

Старуха, мучаясь совестью, положила на себя тяжкий зарок: она пошла в женский монастырь в послушницы; принимала на себя самые трудные работы, молилась беспрерывно и, наконец, успокоенная в душе своей, тихо умерла, оплакивая несчастную дочь свою.

На другой день после того, как русалка убежала от своей матери, нашли в лесу мертвое тело. Это был поляк в охотничьем платье, и единоземцы его узнали в нем Казимира Чепку, ловкого молодого человека, бывшего душою всех веселых обществ. Ружье его было заряжено и лежало подле него, но собаки его при нем не было; никакой раны, никакого знака насильственной смерти не заметно было на теле; но лицо было сине и все жилы в страшном напряжении. Знали, что у него было много друзей и ни одного явного недруга. Врачи толковали то и другое; но народ объяснял дело гораздо проще: он говорил, что покойника русалки защекотали.

Вопросы и задания

1. Как используются в этой новелле фантастика и жизнеподобие, каково их соотношение, идейные и художественные функции?

2. Для чего Сомов подчеркивает, что Казимир «иноверец», как это связано с фантастической линией новеллы?

3. Определите основной конфликт новеллы и укажите основные особенности композиции.

4. Почему матери не помогают молитвы, но берется помочь колдун?

5. Как показана в новелле сила материнской любви?

6. Почему в конце новеллы мать Горпинки уходит в монастырь?

7. Каким представляется вам характер матери?

8. Какую роль играют в новелле пейзажи?

9. Объясните, почему О. Сомов использует сказовую форму, укажите ее особенности.

10. Самостоятельно подготовьте сопоставительную характеристику образа Колдуна из новеллы Сомова и «Страшной мести» Гоголя.

Александр Сергеевич Пушкин

Поэма «Цыганы» написана А. С. Пушкиным в 1824 году в романтический период творчества и входит в цикл «южных поэм», созданных во время южной ссылки поэта. В эти годы в России внимательно следили за творчеством западноевропейских романтиков, в творениях которых часто появляется фигура гордого индивидуалиста, противопоставляющего себя другим людям и нередко вступающего в непримиримую борьбу со всем окружающим миром.

Такой персонаж очень скоро стали называть **байроническим героем,** потому что английский поэт-романтик Дж. Г. Байрон в своем цикле «Восточные поэмы» особенно подробно и разнообразно описал его наиболее характерные черты. Байронический герой вызывал симпатии читающей публики: он скрывал в душе обиду на несправедливость общества, когда-то покаравшего или изгнавшего его; происхождение и прошлая жизнь этого персонажа скрывались покровом тайны, он появлялся неведомо откуда и бросался в отчаянную схватку со всеми, кто

возникал на его пути, чаще всего погибая в гордом одиночестве.

Восхищенные байроническим героем читатели не замечали (а может быть, не хотели замечать), что сам Байрон относился к созданному им литературному типу весьма сурово. Поэт не скрывал ни равнодушия к судьбам других людей, ни неприкрытого эгоизма, ни неразборчивости в средствах байронического героя. Но тем не менее тот все-таки стал кумиром публики.

Хотелось бы заметить вам, что ни Байрон, ни публика не были повинны в создавшемся положении. Помните, мы с вами говорили об индивидуализме, порожденном на Западе буржуазными отношениями? Это очень непростое и неоднозначное явление. С одной стороны, оно отразило естественное стремление человека к свободе, явилось выражением борьбы личности за освобождение от сословных пут феодализма. Именно в этом заключалась привлекательность индивидуализма. Но, с другой стороны, утверждение личной свободы слишком часто порождало эгоизм, нетерпимость или презрение к другим людям, что, естественно, ущемляло их свободу. Борясь с феодальными пережитками, буржуазный индивидуализм возрождал, помимо своего желания, феодальный культ силы, подчиняющей себе других людей.

А. С. Пушкин очень быстро понял опасность всеобщего увлечения байроническим героем. Сам поэт вступил в литературу, предложив своим читателям в качестве протагониста почти былинного героя – Руслана (поэма «Руслан и Людмила»). Во время южной ссылки А. С. Пушкин пишет ряд поэм, внешне напоминающих «Восточные поэмы» Дж. Г. Байрона. Сходство это не случайно. Русский поэт вступает в поэтический спор с английским собратом, предлагая свое художественное решение проблемы индивидуализма.

«Цыганы» – произведение, завершающее спор, начатый поэмой «Кавказский пленник». В ней содержится поэтический приговор индивидуализму байронического героя. А. С. Пушкин использует все художественные приемы «Восточных поэм», чтобы поставить Алеко в условия, характерные для действий байронического героя: в цыганский табор из ночной тьмы Земфира приводит неизвестного юношу, которого «преследует закон»; юноша отказывается от соблазнов светской жизни ради цыганской свободы; в таборе Алеко обретает любовь и семью…

Налицо все признаки байронического героя. Кроме того, в «Цыганах» А. С. Пушкин использует и **вершинную композицию,** на которой держатся «Восточные поэмы» Байрона: после небольшой экспозиции следует завязка, развитие действия

отсутствует, и поэт сразу же представляет читателю кульминацию, за которой стремительно наступает развязка. Все очень похоже на традицию европейской романтической поэмы, но…

Приглядитесь-ка повнимательнее к завязке: в ней ведь сходится не один, а несколько конфликтов. Да и композиция наряду с вершинностью имеет и явные признаки ретроспекции (взаимоотношения Старого цыгана и Мариулы). Сопоставление вершинной и ретроспективной композиций создает в «Цыганах» **тематический параллелизм,** то есть параллельное рассмотрение двух сходных тем, ситуаций. Тем самым поэт подводит читателя к необходимости сравнения двух характеров (Алеко и Старого цыгана), двух способов разрешения сходного конфликта. А отсюда уже рукой подать до сопоставления двух разных пониманий свободы: индивидуалистического (Алеко) и гуманистического (Старый цыган).

А раз уж мы заговорили об авторской позиции, следует отметить, что А. С. Пушкин в поэме тщательно скрывает собственный голос. Заметьте, там, где вводится диалог, поэт избегает даже самых простых авторских пояснений, используя драматический прием последовательных реплик. В связи с этим вам следует задуматься над вопросом: *как проявляется авторская позиция в поэме?*

В «Цыганах» есть и эпилог. *Как вы думаете, для чего он вводится А. С. Пушкиным в поэму?*

А самое главное задание я приберег для вас напоследок: *попробуйте проследить русскую национальную традицию в понимании сущности человеческой свободы и смысла человеческого существования в этой поэме.*

Цыганы

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами;
Между колесами телег,
Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом

Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Все живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недальний,
И песни жен, и крик детей,
И звон походной наковальни.
Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье,
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье.
Огни везде погашены,
Спокойно все, луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальнее глядит,
Ночным подернутое паром.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном поле.
Она привыкла к резвой воле,
Она придет; но вот уж ночь,
И скоро месяц уж покинет
Небес далеких облака, -
Земфиры нет как нет; и стынет
Убогий ужин старика.

Но вот она. За нею следом
По степи юноша спешит;
Цыгану вовсе он неведом.
«Отец мой, – дева говорит, -
Веду я гостя; за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на́ ночь зазвала.
Он хочет быть как мы цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду.
Его зовут Алеко – он
Готов идти за мною всюду».

СТАРИК

Я рад. Останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и кров.
Будь наш – привыкни к нашей доле,
Бродящей бедности и воле -
А завтра с утренней зарей
В одной телеге мы поедем;
Примись за промысел любой:
Железо куй иль песни пой
И селы обходи с медведем.

АЛЕКО

Я остаюсь.

ЗЕМФИРА

Он будет мой:
Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно… месяц молодой
Зашел; поля покрыты мглой,
И сон меня невольно клонит…

* * *

Светло. Старик тихонько бродит
Вокруг безмолвного шатра.
«Вставай, Земфира: солнце всходит,
Проснись, мой гость! пора, пора!..
Оставьте, дети, ложе неги!..»
И с шумом высыпал народ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться в поход.
Все вместе тронулось – и вот
Толпа валит в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;

Мужья и братья, жены, девы,
И стар и млад вослед идут;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волынки говор, скрып телег,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все так живо-неспокойно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной!

* * *

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.
С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет;
Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет -
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальние страны,

В теплый край, за сине море
Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной
И он, изгнанник перелетный,
Гнезда надежного не знал
И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звезда;
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром нередко грохотал;
Но он беспечно под грозою
И в вёдро ясное дремал.
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но Боже! как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, надолго ль усмирели?
Они проснутся: погоди!

* * *

ЗЕМФИРА

Скажи, мой друг: ты не жалеешь
О том, что бросил навсегда?

АЛЕКО

Что ж бросил я?

ЗЕМФИРА

Ты разумеешь:
Людей отчизны, города.

АЛЕКО

О чем жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волненье,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

ЗЕМФИРА

Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!..

АЛЕКО

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий.
А девы… Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг!
А я… одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье!

СТАРИК

Ты любишь нас, хоть и рожден
Среди богатого народа.
Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучен.
Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозванье.)
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной -
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный -
И полюбили все его,
И жил он на брегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя;
Не разумел он ничего,
И слаб и робок был, как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мерзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный Бог
Его карал за преступленье…
Он ждал: придет ли избавленье.
И все несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальний град воспоминая,
И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью – чуждой сей земли
Не успокоенные гости!

АЛЕКО

Так вот судьба твоих сынов,

О Рим, о громкая держава!..
Певец любви, певец богов,
Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий?
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?

* * *

Прошло два лета. Так же бродят
Цыганы мирною толпой;
Везде по-прежнему находят
Гостеприимство и покой.
Презрев оковы просвещенья,
Алеко волен, как они;
Он без забот и сожаленья
Ведет кочующие дни.
Все тот же он; семья все та же;
Он, прежних лет не помня даже,
К бытью цыганскому привык.
Он любит их ночлегов сени,
И упоенье вечной лени,
И бедный, звучный их язык.
Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора
Перед толпою осторожной
И тяжко пляшет, и ревет,
И цепь докучную грызет;
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берет.
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул – и всё в покое…
В шатре и тихо и темно.

* * *

Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поет любовь.
Алеко внемлет и бледнеет.

ЗЕМФИРА

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда; не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

АЛЕКО

Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песен не люблю.

ЗЕМФИРА

Не любишь? мне какое дело!
Я песню для себя пою.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда

Мы твоей седине!

АЛЕКО

Молчи, Земфира! я доволен…

ЗЕМФИРА

Так понял песню ты мою?

АЛЕКО

Земфира!

ЗЕМФИРА

Ты сердиться волен,
Я песню про тебя пою.

Уходит и поет: Старый муж и проч.

СТАРИК

Так, помню, помню – песня эта
Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поется меж людей она.
Кочуя на степях Кагула,
Ее, бывало, в зимню ночь
Моя певала Мариула,
Перед огнем качая дочь.
В уме моем минувши лета
Час от часу темней, темней;
Но заронилась песня эта
Глубоко в памяти моей.

* * *

Все тихо; ночь. Луной украшен

Лазурный юга небосклон,
Старик Земфирой пробужден:
«О мой отец! Алеко страшен.
Послушай: сквозь тяжелый сон
И стонет, и рыдает он».

СТАРИК

Не тронь его. Храни молчанье.
Слыхал я русское преданье:
Теперь полунощной порой
У спящего теснит дыханье
Домашний дух; перед зарей
Уходит он. Сиди со мной.

ЗЕМФИРА

Отец мой! шепчет он: Земфира!

СТАРИК

Тебя он ищет и во сне:
Ты для него дороже мира.

ЗЕМФИРА

Его любовь постыла мне,
Мне скучно; сердце воли просит -
Уж я… Но тише! слышишь? он
Другое имя произносит…

СТАРИК

Чье имя?

ЗЕМФИРА

Слышишь? хриплый стон
И скрежет ярый!.. Как ужасно!..
Я разбужу его…

СТАРИК

Напрасно,
Ночного духа не гони -
Уйдет и сам…

ЗЕМФИРА

Он повернулся,
Привстал, зовет меня… проснулся -
Иду к нему – прощай, усни.

АЛЕКО

Где ты была?

ЗЕМФИРА

С отцом сидела.
Какой-то дух тебя томил;
Во сне душа твоя терпела
Мученья; ты меня страшил:
Ты, сонный, скрежетал зубами
И звал меня.

АЛЕКО

Мне снилась ты.
Я видел, будто между нами…
Я видел страшные мечты!

ЗЕМФИРА

Не верь лукавым сновиденьям.

АЛЕКО

Ах, я не верю ничему:
Ни снам, ни сладким увереньям,

Ни даже сердцу твоему.

* * *

СТАРИК

О чем, безумец молодой,
О чем вздыхаешь ты всечасно?
Здесь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь: тоска тебя погубит.

АЛЕКО

Отец, она меня не любит.

СТАРИК

Утешься, друг: она дитя.
Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское – шутя.
Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит -
И вот – уж перешла в другое;
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?
Утешься.

АЛЕКО

Как она любила!
Как нежно преклонясь ко мне,

Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
Веселья детского полна,
Как часто милым лепетаньем
Иль упоительным лобзаньем
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!..
И что ж? Земфира неверна!
Моя Земфира охладела!..

СТАРИК

Послушай: расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал еще москаль -
(Вот видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль.)
Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком паша
С высоких башен Аккермана -
Я молод был: моя душа
В то время радостно кипела;
И ни одна в кудрях моих
Еще сединка не белела, -
Между красавиц молодых
Одна была… и долго ею,
Как солнцем, любовался я,
И наконец назвал моею…

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее: только год
Меня любила Мариула.

Однажды близ Кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали;
Цыганы те, свои шатры
Разбив близ наших у горы,
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь, -
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.

Я мирно спал; заря блеснула;
Проснулся я, подруги нет!
Ищу, зову – пропал и след.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал – с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

АЛЕКО

Да как же ты не поспешил
Тотчас вослед неблагодарной
И хищникам и ей коварной
Кинжала в сердце не вонзил?

СТАРИК

К чему? вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.

АЛЕКО

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! когда б над бездной моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.

МОЛОДОЙ ЦЫГАН

Еще одно… одно лобзанье…

ЗЕМФИРА

Пора: мой муж ревнив и зол.

ЦЫГАН

Одно… но доле!., на прощанье.

ЗЕМФИРА

Прощай, покамест не пришел.

ЦЫГАН

Скажи – когда ж опять свиданье?

ЗЕМФИРА

Сегодня, как зайдет луна,
Там, за курганом над могилой…

ЦЫГАН

Обманет! не придет она!

ЗЕМФИРА

Вот он! беги!.. Приду, мой милый.

* * *

Алеко спит. В его уме
Виденье смутное играет;
Он, с криком пробудясь во тьме,

Ревниво руку простирает;
Но обробелая рука
Покровы хладные хватает -
Его подруга далека…
Он с трепетом привстал и внемлет…
Все тихо – страх его объемлет,
По нем текут и жар и хлад;
Встает он, из шатра выходит,
Вокруг телег, ужасен, бродит;
Спокойно все; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звезд неверный свет,
Чуть по росе приметный след
Ведет за дальные курганы:
Нетерпеливо он идет,
Куда зловещий след ведет.

Могила на краю дороги
Вдали белеет перед ним…
Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием томим,
Дрожат уста, дрожат колени,
Идет… и вдруг… иль это сон?
Вдруг видит близкие две тени
И близкий шепот слышит он -
Над обесславленной могилой.

1-Й ГОЛОС

Пора…

2-Й ГОЛОС

Постой…

1-Й ГОЛОС

Пора, мой милый.

2-Й ГОЛОС

Нет, нет, постой, дождемся дня.

1-Й ГОЛОС

Уж поздно.

2-Й ГОЛОС

Как ты робко любишь.
Минуту!

1-Й ГОЛОС

Ты меня погубишь.

2-Й ГОЛОС

Минуту!

1-Й ГОЛОС

Если без меня
Проснется муж?..

АЛЕКО

Проснулся я.
Куда вы! не спешите оба;
Вам хорошо и здесь у гроба.

ЗЕМФИРА

Мой друг, беги, беги…

АЛЕКО

Постой!
Куда, красавец молодой?
Лежи!

Вонзает в него нож.

ЗЕМФИРА

Алеко!

ЦЫГАН

Умираю…

ЗЕМФИРА

Алеко, ты убьешь его!
Взгляни: ты весь обрызган кровью!
О, что ты сделал?

АЛЕКО

Ничего.
Теперь дыши его любовью.

ЗЕМФИРА

Нет, полно, не боюсь тебя! -
Твои угрозы презираю,
Твое убийство проклинаю…

АЛЕКО

Умри ж и ты!

Поражает ее.
ЗЕМФИРА

Умру любя…

* * *

Восток, денницей озаренный,
Сиял. Алеко за холмом,

С ножом в руках, окровавленный
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали,
Убийца страшен был лицом.
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой.
Могилу в стороне копали.
Шли жены скорбной чередой
И в очи мертвых целовали.
Старик-отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии печали;
Подняли трупы, понесли
И в лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрел
На все… когда же их закрыли
Последней горстию земной,
Он молча, медленно склонился
И с камня на траву свалился.

Тогда старик, приближась, рек:
«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики; нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним -
Не нужно крови нам и стонов -
Но жить с убийцей не хотим…
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел – оставь же нас,
Прости, да будет мир с тобою».

Сказал – и шумною толпою
Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега.
И скоро все в дали степной
Сокрылось; лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда перед зимою,
Туманной, утренней порою,
Когда подъемлется с полей

Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несется,
Пронзенный гибельным свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом.
Настала ночь; в телеге темной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подъемной
До утра сном не опочил.

Эпилог

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.

В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орел двуглавый
Еще шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы -
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны,
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

1824

Вопросы и задания

1. Охарактеризуйте жанр романтической поэмы и покажите ее особенности на примере «Цыган» А. С. Пушкина.

2. Что заставляет Алеко присоединиться к цыганскому табору?

3. Как раскрывается в таборе характер Алеко?

4. Охарактеризуйте Алеко как байронического героя. Сопоставьте его характер с характером Старого цыгана.

5. Как развивается в поэме тема свободы?

6. Каково значение пейзажей в поэме?

7. Каким представляется вам характер Земфиры? Ответ обоснуйте.

8. Объясните, как используется в поэме прием параллелизма.

9. Выпишите изобразительно-выразительные средства, используемые для создания характеров в поэме.

10. Дайте характеристику ритмической организации поэмы.

Александр Сергеевич Пушкин

В русской литературе испокон веков утвердилось уважительное отношение к женщине. Еще во времена язычества одной из самых почитаемых богинь была Макошь, покровительница домашнего очага. После крещения Руси, покровительницей и заступницей женщины стала Богоматерь. Вспомните женские образы русских народных сказок: Василису Премудрую, Царевну-лягушку и др. Даже Баба Яга в них гораздо мудрее и человечнее Кощея Бессмертного. Не только в фольклоре, но и в литературных произведениях женщинам отводилась очень важная роль. В «Повести о Петре и Февронии Муромских» центральное место занимает замечательный характер русской женщины, защищающей своего возлюбленного мужа и свое счастье. А в XVIII веке был создан целый ряд удивительных по

своей красоте и глубине женских характеров: здесь и мудрые императрицы Елизавета Петровна и Екатерина Великая, и мятущаяся героиня лирики А. П. Сумарокова («Тщетно я скрываю сердца скорби люты…»), и хитрая, но по-своему обаятельная авантюристка из «Пригожей поварихи» М. Д. Чулкова. Завершает этот ряд нежный и трагический образ девушки из «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина.

А. С. Пушкин в своем творчестве не только опирался на традицию русской словесности, создав множество прекрасных, запоминающихся женских образов. Он существенно обогатил эту традицию. «У Пушкина женщина всегда права», – очень точно заметила А. А. Ахматова. Это не значит, что героини великого русского писателя никогда не допускают ошибок и во всем превосходят героев. Они выступают в произведениях как нравственный критерий, своим поведением определяя правильность или сомнительность совершаемого выбора.

Вспомните Машу Троекурову из романа «Дубровский». Именно ее поведение во время последней встречи с Владимиром определяет трагизм и бесперспективность выбранного Дубровским жизненного пути. А две цыганки, Земфира и Мариула, отнюдь не являющиеся образцами добродетели, тем не менее помогают читателю очень четко противопоставить друг другу нравственные позиции Старого цыгана и Алеко.

Сейчас вам предстоит познакомиться с новеллой А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка», в центре которой обаятельный характер милой и шаловливой девушки Лизы. Прежде всего обратите внимание на название произведения и на его эпиграф. Пушкинская проза обладает удивительной емкостью и четкостью. Каждое слово в ней имеет очень важное значение. Если вы чутко реагируете на смысл слов, вы конечно же уже заметили, что название новеллы построено на основе оксюморона, т. е. содержит сочетание противоположных по смыслу слов (с этим приемом вы встречались, когда в 6 классе изучали «Скупого рыцаря»). Лиза Муромская в новелле играет сразу две роли – барышни (молодой госпожи сельского поместья) и крестьянки Акулины, причем обе роли она играет одинаково естественно и непринужденно: сравните ее диалоги с горничной Настей (когда Лиза расспрашивает ее о молодом Берестове) и с Алексеем во время свидания в лесу.

> *Поразмыслите, почему Алексей не заподозрил, что Акулина вовсе не крестьянка. Что помогло Лизе так убедительно войти в образ дочери деревенского кузнеца?*

А теперь рассмотрим эпиграф новеллы: он взят из поэмы

русского поэта XVIII века И. М. Богдановича «Душенька», созданной по мотивам древнеримского мифа об Амуре и Психее. «Во всех ты, Душечка, нарядах хороша», – гласит этот эпиграф, но здесь скрывается не только намек на переодевание главной героини, но важная подсказка читателю, помогающая ему глубже понять характер Лизы. Во всех ли нарядах она хороша? Обратите внимание на эпизод первого приезда Алексея Берестова в Прилучино, когда Лиза появляется перед ним, насурьмленная, набеленная и одетая по образу миссис Жаксон.

Почему юноша не узнал свою возлюбленную? Только ли в нарядах здесь дело?

Действие новеллы происходит в «одной из отдаленных наших губерний», и автор на первый взгляд скупо описывает быт и нравы помещичьих усадеб, но именно такова проза А. С. Пушкина: за внешней лаконичностью скрывается ясное и точное указание, позволяющее читателю зримо представить описываемое и определить свое отношение к персонажам и событиям. В «Барышне-крестьянке» мы видим двух помещиков, две усадьбы, два подхода к воспитанию детей. Присмотритесь, и вы увидите не только различия в быте и нравах помещичьих усадеб, но также много общего, типичного в жизни русской деревни. Обратите внимание на скупые детали, с помощью которых писатель создает характеры своих персонажей, тонко мотивирует их поведение: например, строительство суконной фабрики Берестовым и заклад имения в Опекунский совет Муромского; увлечение охотой Берестова и «англоманию» Муромского.

Очень точно представлены в новелле взаимоотношения помещиков и их крестьян. Рядом с миссис Жаксон, которой поручено воспитание Лизы, находится Настя, простая деревенская девушка, и именно ей поверяет молодая барышня тайны своего сердца. А в усадьбе Берестовых барчук Алексей запросто приходит на именины жены повара и веселится с дворней.

Читая Пушкина, нужно вчитываться в каждое слово, и тогда перед читателем разворачивается удивительно богатый и красивый мир. Заметьте, как тактично описывает писатель зарождающееся и расцветающее любовное чувство своих героев. Сколько эмоций и какая точная характеристика душевного состояния Алексея Берестова содержится в небольшом отрывке: «Он написал Акулине письмо самым четким почерком и самым бешеным слогом, объявлял ей о грядущей им погибели и тут же предлагал ей свою руку».

Подумайте, почему тут соседствуют «четкий почерк» и «бешеный слог», что стоит за этим сочетанием.

Новелла заканчивается словами: «Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку». Пушкин прав, любое описание после всего рассказанного им – излишне. Созданный им художественный мир настолько зрим и жизнен, что читатели без труда представляют себе все происшедшее, словно сами были его свидетелями.

Барышня-крестьянка

Во всех ты, Душенька, нарядах хороша.

Богданович

В одной из отдаленных наших губерний находилось имение[145] Ивана Петровича Берестова. В молодости своей служил он в гвардии, вышел в отставку в начале 1797 года, уехал в свою деревню и с тех пор он оттуда не выезжал. Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время как он находился в отъезжем поле[146]. Хозяйственные упражнения скоро его утешили. Он выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, утроил доходы и стал почитать себя умнейшим человеком во всем околотке, в чем и не прекословили ему соседи, приезжавшие к нему гостить с своими семействами и собаками. В будни ходил он в плисовой куртке, по праздникам надевал сюртук из сукна домашней работы; сам записывал расход и ничего не читал, кроме «Сенатских ведомостей»[147]. Вообще его любили, хотя и почитали гордым. Не ладил с ним один Григорий Иванович Муромский, ближайший его сосед. Этот был настоящий русский барин.

Промотав в Москве большую часть имения своего и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде. Развел он английский сад[148], на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка. Поля свои обрабатывал он по английской методе:

Но на чужой манер хлеб русский не родится[149],

и несмотря на значительное уменьшение расходов, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; он и в деревне находил

способ входить в новые долги; со всем тем почитался человеком не глупым, ибо первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский совет[150]: оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым. Из людей, осуждавших его, Берестов отзывался строже всех. Ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера. Он не мог равнодушно говорить об англомании своего соседа и поминутно находил случай его критиковать. Показывал ли гостю свои владения, в ответ на похвалы его хозяйственным распоряжениям: «Да-с! – говорил он с лукавой усмешкою, – у меня не то, что у соседа Григорья Ивановича. Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты». Сии и подобные шутки, по усердию соседей, доводимы были до сведения Григорья Ивановича с дополнением и объяснениями. Англоман выносил критику столь же нетерпеливо, как и наши журналисты. Он бесился и прозвал своего зоила[151] медведем и провинциалом.

Таковы были сношения между сими двумя владельцами, как сын Берестова приехал к нему в деревню. Он был воспитан в *** университете и намеревался вступить в военную службу, но отец на то не соглашался. К статской службе молодой человек чувствовал себя совершенно неспособным. Они друг другу не уступали, и молодой Алексей стал жить покамест барином, отпустив усы на всякий случай.

Алексей был в самом деле молодец. Право было бы жаль, если бы его стройного стана никогда не стягивал военный мундир, и если бы он, вместо того чтобы рисоваться на коне, провел свою молодость, согнувшись над канцелярскими бумагами. Смотря, как он на охоте скакал всегда первый, не разбирая дороги, соседи говорили согласно, что из него никогда не выйдет путного столоначальника. Барышни поглядывали на него, а иные и заглядывались; но Алексей мало ими занимался, а они причиной его нечувствительности полагали любовную связь. В самом деле, ходил по рукам список с адреса одного из его *писем: Акулине Петровне Курочкиной, в Москве, напротив Алексеевского монастыря, в доме медника Савельева, а вас покорнейше прошу доставить письмо сие А. Н. Р.*

Те из моих читателей, которые не живали в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохою в жизни, и посещение гостя оставляет долгое,

иногда и вечное воспоминание. Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями, но шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: *особенность характера, самобытность* (individualite), без чего, по мнению Жан-Поля[152], не существует и человеческого величия. В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы. Сие да будет сказано не в суд, и не во осуждение, однако ж nota nostra manet[153], как пишет один старинный комментатор.

Легко вообразить, какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Он первый перед ними явился мрачным и разочарованным, первый говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности; сверх того носил он черное кольцо с изображением мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново в той губернии. Барышни сходили по нем с ума.

Но всех более занята была им дочь англомана моего, Лиза (или Бетси, как звал ее обыкновенно Григорий Иванович). Отцы друг ко другу не ездили, она Алексея еще не видала, между тем как все молодые соседки только об нем и говорили. Ей было семнадцать лет. Черные глаза оживляли ее смуглое и очень приятное лицо. Она была единственное и следственно балованное дитя. Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в отчаянье ее мадам мисс Жаксон, сорокалетнюю чопорную девицу, которая белилась и сурьмила себе брови, два раза в год перечитывала «Памелу»[154], получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки *в этой варварской России.*

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же ветрена, как и ее барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей все свои тайны, вместе с нею обдумывала свои затеи; словом, Настя была в селе Прилучине лицом гораздо более значительным, нежели любая наперсница[155] во французской трагедии.

– Позвольте мне сегодня пойти в гости, – сказала однажды Настя, одевая барышню.

– Изволь; а куда?

– В Тугилово, к Берестовым. Поварова жена у них именинница и вчера приходила звать нас отобедать.

– Вот! – сказала Лиза, – господа в ссоре, а слуги друг друга угощают.

– А нам какое дело до господ! – возразила Настя, – к тому же я ваша, а не папенькина. Вы ведь не бранились еще с молодым Берестовым; а старики пускай себе дерутся, коли им это весело.

– Постарайся, Настя, увидеть Алексея Берестова, да расскажи мне хорошенько, каков он собою и что он за человек.

Настя обещалась, а Лиза с нетерпением ожидала целый день ее возвращения. Вечером Настя явилась.

– Ну, Лизавета Григорьевна, – сказала она, входя в комнату, – видела молодого Берестова: нагляделась довольно; целый день были вместе.

– Как это? Расскажи, расскажи по порядку.

– Извольте-с; пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька…

– Хорошо, знаю. Ну потом?

– Позвольте-с, расскажу все по порядку. Вот пришли мы к самому обеду. Комната полна была народу. Были колбинские, захарьевские, приказчица с дочерьми, хлупинские…

– Ну! а Берестов?

– Погодите-с. Вот мы сели за стол, приказчица на первом месте, я подле нее… а дочери и надулись, да мне наплевать на них…

– Ах, Настя, как ты скучна с вечными своими подробностями!

– Да как же вы нетерпеливы! Ну вот вышли мы из-за стола… а сидели мы часа три, и обед был славный; пирожное бланманже синее, красное и полосатое… Вот вышли мы из-за стола и пошли в сад играть в горелки, а молодой барин тут и явился.

– Ну что ж? правда ли, что он так хорош собой? – Удивительно хорош, красавец, можно сказать.

Стройный, высокий, румянец во всю щеку…

– Право? А я так думала, что у него лицо бледное. Что же? Каков он тебе показался? Печален, задумчив?

– Что вы? Да этакого бешеного я и сроду не видывала. Вздумал он с нами в горелки бегать.

– С вами в горелки бегать! Невозможно!

– Очень возможно! Да что еще выдумал! Поймает, и ну целовать!

– Воля твоя, Настя, ты врешь.

– Воля ваша, не вру. Я насилу от него отделалась. Целый день с нами так и провозился.

– Да как же, говорят, он влюблен и ни на кого не смотрит?

– Не знаю-с, а на меня так уж слишком смотрел, да и на Таню, приказчикову дочь, тоже; да и на Пашу колбинскую, да, грех сказать, никого не обидел, такой баловник!

– Это удивительно! А что в доме про него слышно?

– Барин, сказывают, прекрасный: такой добрый, такой веселый. Одно нехорошо: за девушками слишком любит гоняться. Да, по мне, это еще не беда: со временем остепенится.

– Как бы мне хотелось его видеть! – сказала Лиза со вздохом.

– Да что же тут мудреного? Тугилово от нас недалеко, всего три версты: подите гулять в ту сторону или поезжайте верхом; вы, верно, встретите его. Он же всякой день, рано поутру, ходит с ружьем на охоту.

– Да нет, нехорошо. Он может подумать, что я за ним гоняюсь. К тому же отцы наши в ссоре, так и мне все же нельзя будет с ним познакомиться… Ах, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!

– И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и ступайте смело в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает.

– А по-здешнему я говорить умею прекрасно. Ах, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка! – И Лиза легла спать с намерением непременно исполнить веселое свое предположение.

На другой же день приступила она к исполнению своего плана, послала купить на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговок, с помощью Насти скроила себе рубашку и сарафан, засадила за шитье всю девичью, и к вечеру все было готово. Лиза примерила обнову и призналась пред зеркалом, что никогда еще так мила самой себе не казалась. Она повторила свою роль, на ходу низко кланялась и несколько раз потом качала головою, наподобие глиняных котов, говорила на крестьянском наречии, смеялась, закрываясь рукавом, и заслужила полное одобрение Насти. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дерн колол ее нежные ноги, а песок и камушки показались ей нестерпимы. Настя и тут ей помогла: она сняла мерку с Лизиной ноги, сбегала в поле к Трофиму пастуху и заказала ему пару лаптей по той мерке. На другой день, ни свет ни заря, Лиза уже проснулась. Весь дом еще спал. Настя за воротами ожидала пастуха. Заиграл рожок, и деревенское стадо потянулось мимо барского двора. Трофим, проходя перед Настей, отдал ей маленькие пестрые лапти и получил от нее полтину в награждение. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шепотом дала Насте свои наставления касательно мисс Жаксон, вышла на заднее крыльцо и через огород побежала в поле.

Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя; ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполняли сердце Лизы младенческой веселостию; боясь какой-нибудь знакомой встречи, она, казалось, не шла, а летела. Приближаясь к роще, стоящей на рубеже отцовского владения, Лиза пошла тише. Здесь она должна была ожидать Алексея. Сердце ее сильно билось, само не зная почему; но боязнь, сопровождающая

молодые наши проказы, составляет и главную их прелесть. Лиза вошла в сумрак рощи. Глухой, перекатный шум ее приветствовал девушку. Веселость ее притихла. Мало-помалу предалась она сладкой мечтательности. Она думала… но можно ли с точностию определить, о чем думает семнадцатилетняя барышня, одна, в роще, в шестом часу весеннего утра? Итак, она шла, задумавшись, по дороге, осененной с обеих сторон высокими деревьями, как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. В то же время раздался голос: «Tout beau, Sbogar, ici…»[156] – и молодой охотник показался из-за кустарника. «Небось, милая, – сказал он Лизе, – собака моя не кусается». Лиза успела уже оправиться от испугу и умела тотчас воспользоваться обстоятельствами. «Да нет, барин, – сказала она, притворяясь полуиспуганной, полузастенчивой, – боюсь: она, вишь, такая злая; опять кинется». Алексей (читатель уже узнал его) между тем пристально глядел на молодую крестьянку. «Я провожу тебя, если ты боишься, – сказал он ей, – ты мне позволишь идти подле себя?» – «А кто те мешает? – отвечала Лиза, – вольному воля, а дорога мирская». – «Откуда ты?» – «Из Прилучина; я дочь Василья кузнеца, иду по грибы» (Лиза несла кузовок на веревочке). – «А ты, барин? Тугиловский, что ли?» – «Так точно, – отвечал Алексей, – я камердинер молодого барина». Алексею хотелось уравнять их отношения. Но Лиза поглядела на него и засмеялась. «А лжешь, – сказала она, – не на дуру напал. Вижу, что ты сам барин». – «Почему же ты так думаешь?» – «Да по всему». – «Однако ж?» – «Да как же барина с слугой не распознать? И одет-то не так, и баишь иначе, и собаку-то кличешь не по-нашему». Лиза час от часу более нравилась Алексею. Привыкнув не церемониться с хорошенькими поселянками, он было хотел обнять ее; но Лиза отпрыгнула от него и приняла вдруг на себя такой строгий и холодный вид, что хотя это и рассмешило Алексея, но удержало его от дальнейших покушений. «Если вы хотите, чтобы мы были вперед приятелями, – сказала она с важностию, – то не извольте забываться». – «Кто тебя научил этой премудрости? – спросил Алексей, расхохотавшись. – Уж не Настенька ли, моя знакомая, не девушка ли барышни вашей? Вот какими путями распространяется просвещение!» Лиза почувствовала, что вышла было из своей роли, и тотчас поправилась. «А что думаешь? – сказала она, – разве я на барском дворе никогда не бываю? небось: всего наслышалась и нагляделась. Однако, – продолжала она, – болтая с тобою, грибов не наберешь. Иди-ка ты, барин, в сторону, а я в другую. Прощения просим…» Лиза хотела удалиться, Алексей удержал ее за руку. «Как тебя зовут, душа моя?» – «Акулиной, – отвечала Лиза,

стараясь освободить свои пальцы от руки Алексеевой, – да пусти ж, барин; мне и домой пора». – «Ну, мой друг Акулина, непременно буду в гости к твоему батюшке, к Василью кузнецу». – «Что ты? – возразила с живостию Лиза, – ради Христа, не приходи. Коли дома узнают, что я с барином в роще болтала наедине, то мне беда будет: отец мой, Василий кузнец, прибьет меня до смерти». – «Да я непременно хочу с тобою опять видеться». – «Ну я когда-нибудь опять сюда приду за грибами». – «Когда же?» – «Да хоть завтра». – «Милая Акулина, расцеловал бы тебя, да не смею. Так завтра в это время, не правда ли?» – «Да, да». – «И ты не обманешь меня?» – «Не обману». – «Побожись». – «Ну вот те Святая Пятница[157], приду».

Молодые люди расстались. Лиза вышла из лесу, перебралась через поле, прокралась в сад и опрометью побежала в ферму, где Настя ожидала ее. Там она переоделась, рассеянно отвечая на вопросы нетерпеливой наперсницы, и явилась в гостиную. Стол был накрыт, завтрак готов, и мисс Жаксон, уже набеленная и затянутая в рюмочку, нарезывала тоненькие тартинки[158]. Отец похвалил ее за раннюю прогулку. «Нет ничего здоровее, – сказал он, – как просыпаться на заре». Тут он привел несколько примеров человеческого долголетия, почерпнутых из английских журналов, замечая, что все люди, жившие более ста лет, не употребляли водки и вставали на заре зимой и летом. Лиза его не слушала. Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания, весь разговор Акулины с молодым охотником, и совесть начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себе, что беседа их не выходила из границ благопристойности, что эта шалость не могла иметь никакого последствия, совесть ее роптала громче ее разума. Обещание, данное ею на завтрашний день, всего более беспокоило ее: она совсем было решилась не сдержать своей торжественной клятвы. Но Алексей, прождав ее напрасно, мог идти отыскивать в селе дочь Василья кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую девку, и таким образом догадаться об ее легкомысленной проказе. Мысль эта ужаснула Лизу, и она решилась на другое утро опять явиться в рощу Акулиной.

С своей стороны, Алексей был в восхищении, целый день думал он о новой своей знакомке; ночью образ смуглой красавицы и во сне преследовал его воображение. Заря едва занималась, как он уже был одет. Не дав себе времени зарядить ружье, вышел он в поле с верным своим Сбогаром и побежал к месту обещанного свидания. Около получаса прошло в несносном для него ожидании; наконец он увидел меж кустарника мелькнувший синий сарафан и бросился навстречу милой

Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексей тотчас же заметил на ее лице следы уныния и беспокойства. Он хотел узнать тому причину. Лиза призналась, что поступок ее казался ей легкомысленным, что она в нем раскаивалась, что на сей раз не хотела она не сдержать данного слова, но что это свидание будет уже последним и что она просит его прекратить знакомство, которое ни к чему доброму не может их довести. Все это, разумеется, было сказано на крестьянском наречии; но мысли и чувства, необыкновенные в простой девушке, поразили Алексея. Он употребил все свое красноречие, дабы отвратить Акулину от ее намерения; уверял ее в невинности своих желаний, обещал никогда не подать ей повода к раскаянию, повиноваться ей во всем, заклинал ее не лишать его одной отрады: видаться с нею наедине, хотя бы через день, хотя бы дважды в неделю. Он говорил языком истинной страсти и в эту минуту был точно влюблен, Лиза слушала его молча. «Дай мне слово, – сказала она наконец, – что ты никогда не будешь искать меня в деревне или расспрашивать обо мне. Дай мне слово не искать других со мной свиданий, кроме тех, которые я сама назначу». Алексей поклялся было ей Святою Пятницею, но она с улыбкой остановила его. «Мне не нужно клятвы, – сказала Лиза, – довольно одного твоего обещания». После того они дружески разговаривали, гуляя вместе по лесу, до тех пор, пока Лиза сказала ему: пора. Они расстались, и Алексей, оставшись наедине, не мог понять, каким образом простая деревенская девочка в два свидания успела взять над ним истинную власть. Его сношения с Акулиной имели для него прелесть новизны, и хотя предписания странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему в голову. Дело в том, что Алексей, несмотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, был добрый и пылкий малый и имел сердце чистое, способное чувствовать наслаждения невинности.

Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описывать свидания молодых людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятия, разговоры; но знаю, что большая часть моих читателей не разделила бы со мною моего удовольствия. Эти подробности вообще должны казаться приторными, итак я пропущу их, сказав вкратце, что не прошло еще и двух месяцев, а мой Алексей был уже влюблен без памяти, и Лиза была не равнодушнее, хотя и молчаливее его. Оба они были счастливы настоящим и мало думали о будущем.

Мысль о неразрывных узах довольно часто мелькала в их уме,

но никогда они о том друг с другом не говорили. Причина ясная: Алексей, как ни привязан был к милой своей Акулине, все помнил расстояние, существующее между им и бедной крестьянкою; а Лиза ведала, какая ненависть существовала между их отцами, и не смела надеяться на взаимное примирение. К тому же самолюбие ее было втайне подстрекаемо темной, романическою надеждою увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца. Вдруг важное происшествие чуть было не переменило их взаимных отношений.

В одно ясное, холодное утро (из тех, какими богата наша русская осень) Иван Петрович Берестов выехал прогуляться верхом, на всякий случай взяв с собою пары три борзых, стремянного и несколько дворовых мальчишек с трещотками. В то же самое время Григорий Иванович Муромский, соблазнясь хорошею погодою, велел оседлать куцую свою кобылку и рысью поехал около своих англизированных владений. Подъезжая к лесу, увидев он соседа своего, гордо сидящего верхом, в чекмене[159], подбитом лисьим мехом, и поджидающего зайца, которого мальчишки криком и трещотками выгоняли из кустарника. Если б Григорий Иванович мог предвидеть эту встречу, то конечно б он поворотил в сторону; но он наехал на Берестова вовсе неожиданно и вдруг очутился от него в расстоянии пистолетного выстрела. Делать было нечего. Муромский, как образованный европеец, подъехал к своему противнику и учтиво его приветствовал. Берестов отвечал с таким же усердием, с каковым цепной медведь кланяется господам по приказанию своего вожатого. В сие время заяц выскочил из лесу и побежал полем. Берестов и стремянный закричали во все горло, пустили собак и следом поскакали во весь опор. Лошадь Муромского, не бывавшая никогда на охоте, испугалась и понесла. Муромский, провозгласивший себя отличным наездником, дал ей волю и внутренне доволен был случаем, избавляющим его от неприятного собеседника. Но лошадь, доскакав до оврага, прежде ею не замеченного, вдруг кинулась в сторону, и Муромский не усидел. Упав довольно тяжело на мерзлую землю, лежал он, проклиная свою куцую кобылу, которая, как будто опомнясь, тотчас остановилась, как только почувствовала себя без седока. Иван Петрович подскакал к нему, осведомляясь, не ушибся ли он. Между тем стремянный привел виновную лошадь, держа ее под уздцы. Он помог Муромскому взобраться на седло, а Берестов пригласил его к себе. Муромский не мог отказаться, ибо чувствовал себя обязанным, и таким образом Берестов возвратился домой со славою, затравив зайца и ведя своего противника раненым и почти военнопленным.

Соседи, завтракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромский попросил у Берестова дрожек, ибо признался, что от ушибу не был он в состоянии доехать до дома верхом. Берестов проводил его до самого крыльца, а Муромский уехал не прежде, как взяв с него честное слово на другой же день (и с Алексеем Ивановичем) приехать отобедать по-приятельски в Прилучино. Таким образом вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, готова была прекратиться от пугливости куцой кобылки.

Лиза выбежала навстречу Григорью Ивановичу. «Что это значит, папа? – сказала она с удивлением, – отчего вы хромаете? Где ваша лошадь? Чьи это дрожки?» – «Вот уж не угадаешь, my dear[160]», – отвечал ей Григорий Иванович и рассказал все, что случилось. Лиза не верила своим ушам. Григорий Иванович, не дав ей опомниться, объявил, что завтра будут у него обедать оба Берестовы. «Что вы говорите! – сказала она, побледнев. – Берестовы, отец и сын! Завтра у нас обедать! Нет, папа, как вам угодно: я ни за что не покажусь». – «Что ты, с ума сошла? – возразил отец, – давно ли ты стала так застенчива, или ты к ним питаешь наследственную ненависть, как романическая героиня? Полно, не дурачься…» – «Нет, папа, ни за что на свете, ни за какие сокровища не явлюсь я перед Берестовыми». Григорий Иванович пожал плечами и более с нею не спорил, ибо знал, что противоречием с нее ничего не возьмешь, и пошел отдыхать от своей достопримечательной прогулки.

Лизавета Григорьевна ушла в свою комнату и призвала Настю. Обе долго рассуждали о завтрашнем посещении. Что подумает Алексей, если узнает в благовоспитанной барышне свою Акулину? Какое мнение будет он иметь о ее поведении и правилах, о ее благоразумии? С другой стороны, Лизе очень хотелось видеть, какое впечатление произвело бы на него свидание столь неожиданное… Вдруг мелькнула ей мысль. Она тотчас передала ее Насте; обе обрадовались ей как находке и положили исполнить ее непременно.

На другой день за завтраком Григорий Иванович спросил у дочери, все ли намерена она спрятаться от Берестовых. «Папа, – отвечала Лиза, – я приму их, если это вам угодно, только с уговором: как бы я перед ними ни явилась, что б я ни сделала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивления или неудовольствия». – «Опять какие-нибудь проказы! – сказал, смеясь, Григорий Иванович. – Ну, хорошо, хорошо; согласен, делай, что хочешь, черноглазая моя шалунья». С этим словом он поцеловал ее в лоб, и Лиза побежала приготовляться.

В два часа ровно коляска домашней работы, запряженная

шестью лошадьми, въехала во двор и покатилась около густо-зеленого дернового круга. Старый Берестов взошел на крыльцо с помощью двух ливрейных лакеев Муромского. Вслед за ним сын его приехал верхом и вместе с ним вошел в столовую, где стол был уже накрыт. Муромский принял своих соседей как нельзя ласковее, предложил им осмотреть перед обедом сад и зверинец и повел по дорожкам, тщательно выметенным и усыпанным песком. Старый Берестов внутренне жалел о потерянном труде и времени на столь бесполезные прихоти, но молчал из вежливости. Сын его не разделял ни неудовольствия расчетливого помещика, ни восхищения самолюбивого англомана; он с нетерпением ожидал появления хозяйской дочери, о которой много наслышался, и хотя сердце его, как нам известно, было уже занято, но молодая красавица всегда имела право на его воображение.

Возвратясь в гостиную, они уселись втроем: старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексей размышлял о том, какую роль играть ему в присутствии Лизы. Он решил, что холодная рассеянность во всяком случае всего приличнее, и вследствие сего приготовился. Дверь отворилась, он повернул голову с таким равнодушием, с такою гордою небрежностию, что сердце самой закоренелой кокетки непременно должно было бы содрогнуться. К несчастию, вместо Лизы вошла старая мисс Жаксон, набеленная, затянутая, с потупленными глазами и с маленьким книксом[161], и прекрасное военное движение Алексеево пропало втуне[162]. Не успел он снова собраться с силами, как дверь опять отворилась, и на сей раз вошла Лиза. Все встали; отец начал было представление гостей, но вдруг остановился и поспешно закусил себе губы… Лиза, его смуглая Лиза набелена была по уши, насурьмлена пуще самой мисс Жаксон; фальшивые локоны, гораздо светлее собственных ее волос, взбиты были, как парик Людовика XIV[163]; рукава a l'imbécile[164] торчали, как фижмы[165] у Madam de Pompadour[166], талия была перетянута, как буква икс, и все бриллианты ее матери, еще не заложенные в ломбарде, сияли на ее пальцах, шее и ушах. Алексей не мог узнать свою Акулину в этой смешной и блестящей барышне. Отец его подошел к ее ручке, и он с досадою ему последовал; когда прикоснулся он к ее беленьким пальчикам, ему показалось, что они дрожали. Между тем он успел заметить ножку, с намерением выставленную и обутую со всевозможным кокетством. Это помирило его несколько с остальным ее нарядом. Что касается до белил и до сурьмы, то в простоте своего сердца, признаться, он их с первого взгляда не заметил, да и после не подозревал. Григорий Иванович вспомнил свое обещание и старался не показать и виду

удивления; но шалость его дочери казалась ему так забавна, что он едва мог удержаться. Не до смеху было чопорной англичанке. Она догадывалась, что сурьма и белила были похищены из ее комода, и багровый румянец досады пробивался сквозь искусственную белизну ее лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, которая, отлагая до другого времени всякие объяснения, притворялась, будто их не замечает.

Сели за стол. Алексей продолжал играть роль рассеянного и задумчивого. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспев, и только по-французски. Отец поминутно засматривался на нее, не понимая ее цели, но находя все это весьма забавным. Англичанка бесилась и молчала. Один Иван Петрович был как дома: ел за двоих, пил в свою меру, смеялся своему смеху и час от часу дружелюбнее разговаривал и хохотал.

Наконец встали из-за стола; гости уехали, и Григорий Иванович дал волю смеху и вопросам. «Что тебе вздумалось дурачить их? – спросил он Лизу. – А знаешь ли что? Белилы, право, тебе пристали; не вхожу в тайны дамского туалета, но на твоем месте я бы стал белиться; разумеется, не слишком, а слегка». Лиза была в восхищении от успеха своей выдумки. Она обняла отца, обещалась ему подумать о его совете и побежала умилостивлять раздраженную мисс Жаксон, которая насилу согласилась отпереть ей свою дверь и выслушать ее оправдания. Лизе было совестно показаться перед незнакомцами такой чернавкою; она не смела просить… она была уверена, что добрая, милая мисс Жаксон простит ей… и проч., и проч. Мисс Жаксон, удостоверясь, что Лиза не думала поднять ее на смех, успокоилась, поцеловала Лизу и в залог примирения подарила ей баночку английских белил, которую Лиза и приняла с изъявлением искренней благодарности.

Читатель догадается, что на другой день утром Лиза не замедлила явиться в роще свиданий. «Ты был, барин, вечор у наших господ? – сказала она тотчас Алексею, – какова показалась тебе барышня?» Алексей отвечал, что он ее не заметил. «Жаль», – возразила Лиза. «А почему же?» – спросил Алексей. «А потому, что я хотела бы спросить у тебя, правда ли, говорят…» – «Что же говорят?» – «Правда ли, говорят, будто бы я на барышню похожа?» – «Какой вздор! Она перед тобой урод уродом». – «Ах, барин, грех тебе это говорить; барышня наша такая беленькая, такая щеголиха! Куда мне с нею равняться!» Алексей божился ей, что она лучше всевозможных беленьких барышень и, чтоб успокоить ее совсем, начал описывать ее госпожу такими смешными чертами, что Лиза хохотала от души. «Однако ж, – сказала она со вздохом, – хоть барышня, может, и смешна, все же я перед нею

дура безграмотная». – «И! – сказал Алексей, – есть о чем сокрушаться! Да коли хочешь, я тотчас выучу тебя грамоте». – «А взаправду, – сказала Лиза, – не попытаться ли и в самом деле?» – «Изволь, милая; начнем хоть сейчас». Они сели. Алексей вынул из кармана карандаш и записную книжку, и Акулина выучилась азбуке удивительно скоро. Алексей не мог надивиться ее понятливости. На следующее утро она захотела попробовать и писать; сначала карандаш не слушался ее, но через несколько минут она и вырисовывать буквы стала довольно порядочно. «Что за чудо! – говорил Алексей. – Да, у нас учение идет скорее, чем по ланкастерской системе»[167]. В самом деле, на третьем уроке Акулина разбирала уже по складам «Наталью, боярскую дочь»[168], прерывая чтение замечаниями, от которых Алексей истинно был в изумлении, и круглый лист измарала афоризмами[169], выбранными из той же повести.

Прошла неделя, и между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была в дупле старого дуба. Настя втайне исправляла должность почтальона. Туда приносил Алексей крупным почерком написанные письма и там же находил на синей простой бумаге каракульки своей любезной. Акулина, видимо, привыкла к лучшему складу речей, и ум ее приметно развивался и образовывался.

Между тем недавнее знакомство между Иваном Петровичем Берестовым и Григорьем Ивановичем Муромским более и более укреплялось и вскоре превратилось в дружбу, вот по каким обстоятельствам: Муромский нередко думал о том, что по смерти Ивана Петровича все его имение перейдет в руки Алексею Ивановичу; что в таком случае Алексей Иванович будет один из самых богатых помещиков той губернии, и что нет ему никакой причины не жениться на Лизе. Старый же Берестов, с своей стороны, хотя и признавал в своем соседе некоторое сумасбродство (или, по его выражению, английскую дурь), однако ж не отрицал в нем и многих отличных достоинств, например: редкой оборотливости; Григорий Иванович был близкий родственник графу Пронскому, человеку знатному и сильному; граф мог быть очень полезен Алексею, а Муромский (так думал Иван Петрович), вероятно, обрадуется случаю выдать свою дочь выгодным образом. Старики до тех пор обдумывали все это каждый про себя, что наконец друг с другом и переговорились, обнялись, обещались дело порядком обработать и принялись о нем хлопотать каждый со своей стороны. Муромскому предстояло затруднение: уговорить свою Бетси познакомиться короче с Алексеем, которого не видала она с самого достопамятного обеда. Казалось, они друг другу не очень нравились; по крайней мере

Алексей уже не возвращался в Прилучино, а Лиза уходила в свою комнату всякий раз, как Иван Петрович удостоивал их своим посещением. Но, думал Григорий Иванович, если Алексей будет у меня всякий день, то Бетси должна же будет в него влюбиться. Это в порядке вещей. Время все сладит.

Иван Петрович менее беспокоился об успехе своих намерений. В тот же вечер призвал он сына в свой кабинет, закурил трубку и, немного помолчав, сказал: «Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Иль гусарский мундир уже тебя не прельщает!..» – «Нет, батюшка, – отвечал почтительно Алексей, – я вижу, что вам не угодно, чтоб я шел в гусары; мой долг вам повиноваться». – «Хорошо, – отвечал Иван Петрович, – вижу, что ты послушный сын; это мне утешительно; не хочу ж и я тебя неволить; не понуждаю тебя вступить… тотчас… в статскую службу; а покамест намерен я тебя женить».

– На ком это, батюшка? – спросил изумленный Алексей.

– На Лизавете Григорьевне Муромской, – отвечал Иван Петрович; – невеста хоть куда; не правда ли?

– Батюшка, я о женитьбе еще не думаю.

– Ты не думаешь, так я за тебя думал и передумал.

– Воля ваша, Лиза Муромская мне вовсе не нравится.

– После понравится. Стерпится, слюбится.

– Я не чувствую себя способным сделать ее счастие.

– Не твое горе – ее счастие. Что? так-то ты почитаешь волю родительскую? Добро!

– Как вам угодно, я не хочу жениться и не женюсь.

– Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение, как бог свят! продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю! Даю тебе три дня на размышление, а покамест не смей на глаза мне показаться.

Алексей знал, что если отец заберет что себе в голову, то уж того, по выражению Тараса Скотинина[170] у него и гвоздем не вышибешь; но Алексей был в батюшку, и его столь же трудно было переспорить. Он ушел в свою комнату и стал размышлять о пределах власти родительской, о Лизавете Григорьевне, о торжественном обещании отца сделать его нищим и наконец об Акулине. В первый раз видел он ясно, что он в нее страстно влюблен; романическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову, и чем более думал он о сем решительном поступке, тем более находил в нем благоразумия. С некоторого времени свидания в роще были прекращены по причине дождливой погоды. Он написал Акулине письмо самым четким почерком и самым бешеным слогом, объявлял ей о грозящей им погибели и тут же предлагал ей свою руку. Тотчас отнес он письмо на почту, в дупло, и лег спать

весьма довольный собою.

На другой день Алексей, твердый в своем намерении, рано утром поехал к Муромскому, дабы откровенно с ним объясниться. Он надеялся подстрекнуть его великодушие и склонить его на свою сторону. «Дома ли Григорий Иванович?» – спросил он, останавливая свою лошадь перед крыльцом прилучинского замка. «Никак нет, – отвечал слуга, – Григорий Иванович с утра изволил выехать». – «Как досадно!» – подумал Алексей. «Дома ли по крайней мере Лизавета Григорьевна?» – «Дома-с». И Алексей спрыгнул с лошади, отдал поводья в руки лакею и пошел без доклада.

«Все будет решено, – думал он, подходя к гостиной, – объяснюсь с нею самою». – Он вошел… и остолбенел! Лиза… нет Акулина, милая смуглая Акулина, не в сарафане, а в белом утреннем платьице, сидела перед окном и читала его письмо; она так была занята, что не слыхала, как он и вошел. Алексей не мог удержаться от радостного восклицания. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотела убежать. Он бросился ее удерживать. «Акулина, Акулина!..» Лиза старалась от него освободиться… «Mais laissez-moi done, monsieur; mais êtec-vous fou?»[171] – повторяла она, отворачиваясь. «Акулина! друг мой, Акулина!» – повторял он, целуя ее руки. Мисс Жаксон, свидетельница этой сцены, не знала, что подумать. В эту минуту дверь отворилась, и Григорий Иванович вошел.

– Ага! – сказал Муромский, – да у вас, кажется, дело совсем уже слажено…

Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку.

Вопросы и задания

1. Кто из двух помещиков, Берестов или Муромский, более успешно ведет хозяйство и почему?

2. Объясните, почему старинная вражда двух помещиков легко и быстро перерастает в дружбу; мотивировано ли это изменение взаимоотношений в новелле.

3. Как особенности воспитания отразились на характерах Лизы и Алексея?

4. Алексей Берестов носит на пальце черное кольцо с изображением «мертвой головы», свою собаку он называет именем литературного персонажа,

«благородного разбойника» Сбогара. Как это характеризует героя?

5. Почему Лиза не хочет, чтобы Алексей клялся ей Святой Пятницей, но просит у него простого обещания?

6. Какая форма условности используется автором при описании развития взаимоотношений Алексея и «Акулины»?

7. Как вы думаете, случайно ли первой книгой, которую «разбирает» «Акулина», оказывается «Наталья, боярская дочь» П. М. Карамзина; для чего автор упоминает это произведение?

8. Действительно ли Алексей готов отказаться от наследства и жениться на крестьянке? Есть ли в новелле подтверждение твердости его намерений?

9. Для чего в конце новеллы противопоставляются реакции мисс Жаксон и Григория Ивановича на сцену объяснения Алексея и Лизы?

10. Найдите в новелле подтверждение тому, что Лиза, хотя и проказлива, но добра и участлива к людям.

Александр Сергеевич Пушкин

Последняя из написанных А. С. Пушкиным сказок – очень серьезное и сложное произведение. Поэт написал ее в 1834 году, в период глубоких раздумий над судьбой своей родины. Толчком к написанию этой сказки послужило знакомство с уже известной вам «Легендой об арабском астрологе» В. Ирвинга.

Помните? Я говорил вам, что в произведении В. Ирвинга нет ни одного положительного персонажа. У А. С. Пушкина, казалось бы, то же самое. Фабула «Сказки о золотом петушке» предельно проста и очень похожа на фабулу «Легенды об арабском астрологе». Здесь тоже правитель отказывается выполнить требования звездочета, нарушает данное слово из-за прекрасной девушки и в результате подвергается жестокому наказанию.

А теперь обратим внимание на некоторые очень существенные детали пушкинской сказки, отличающие ее от легенды В. Ирвинга. Звездочет именуется «скопцом», а это указание на одну из самых страшных, изуверских сект, существовавших прежде на Руси. Он является к Дадону в «сарачинской шапке белой» (обратите внимание на его портрет), то есть в сарацинской шапке, а сарацины – это арабы-мусульмане. В христианское царство является иноверец (нехристь), враг, предлагающий помощь царю, уставшему отвечать за безопасность своей страны.

У В. Ирвинга Абен-Абус и Ибрагим – единоверцы, поссорившиеся из-за христианской невольницы. В «Сказке о золотом петушке» звездочет и Дадон тоже ссорятся из-за шамаханской царицы. Похоже? Нет! Христианская невольница появляется перед Ибрагимом неожиданно для астролога, не учитывавшего ее в своих планах, а шамаханскую царицу создает своими колдовскими чарами скопец в «сарачинской шапке» (помните, после его смерти «царица вдруг пропала, будто вовсе не бывало»). Да и Дадон околдован шамаханской царицей настолько, что забывает о смерти собственных сыновей, наследников его трона.

Но если Дадон околдован, может ли он отказаться от царицы? Разве не знает этого скопец? Очевидно, знает. Зачем же тогда понадобилось ему требовать от Дадона то, что тот заведомо не пожелает отдать? Или за отказ от царицы звездочет собирался потребовать от Дадона что-то совершенно] немыслимое?

> *Подумайте, чем можно объяснить странное поведение колдуна. Какую цель преследовал он, подарив Дадону петушка (не сохранившего, кстати, жизнь сыновьям Дадона, а еще точнее, спровоцировавшего их смерть, дав Дадону ложное указание на неприятельское нападение) и околдовав его шамаханской царицей?*

Произведение А. С. Пушкина вызывает и еще один очень] интересный вопрос: *а почему сорвался план звездочета, почему погиб сам скопец, не доведя до конца начатое дело?*

Я хочу помочь вам ответить на этот вопрос. Сравните характеры Абен-Абуса и Дадона, при этом сопоставьте и их человеческие качества, и их деятельность как правителей, ответственных за судьбы своих стран. А кроме того, обратите внимание на одно странное слово, вырвавшееся у Дадона в момент, когда он отказывает скопцу: «сам себя ты, грешник, мучишь».

> *Почему Дадон вдруг называет звездочета «грешником»? И почему он говорит: «ничего ты не получишь»? Ничего или царицы? Может быть, в последний момент Дадон что-то понял?*

Если вы сумеете ответить на эти вопросы, вы сами почувствуете, в чем заключается русская национальная литературная традиция и почему А. С. Пушкин так последовательно защищал и сохранял ее в своем творчестве.

Сказка о золотом петушке

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, глядь, -
Ан с востока лезет рать.
Справят здесь, – лихие гости
Йдут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о подмоге
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу.
Шлет за ним гонца с поклоном.

Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, -
Молвил он царю, – на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом все будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,

Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется
И в то место обернется».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолженье,-
Говорит он в восхищенье, -
Волю первую твою
Я исполню, как мою».

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож, как со сна,
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лежа на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!

Год, другой проходит мирно;
Петушок сидит все смирно.
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробужден:
«Царь ты наш! отец народа! -
Возглашает воевода, -
Государь! проснись! беда!» -
«Что такое, господа? -
Говорит Дадон, зевая, -
А?.. Кто там?., беда какая?»
Воевода говорит:
«Петушок опять кричит,
Страх и шум во всей столице».
Царь к окошку, – ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: «Скорее!
Люди, на́ конь! Эй, живее!»
Царь к востоку войско шлет,

Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей;

Было ль, не было ль сраженья, -
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять.
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них!
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят;
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку
Сам, не зная, быть ли проку.
Войска и́дут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?»– мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер.
Все в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит…
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шеломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По протоптанной траве,
По кровавой мураве…
Царь завыл: «Ох, дети, дети!

Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола́!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатер
Распахнулся… и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась – и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала,
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.

Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот,
С шумом встретил их народ, -
Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон…
Вдруг в толпе увидел он:
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.

«А, здорово, мой отец, -
Молвил царь ему, – что скажешь?
Подь поближе. Что прикажешь?» -
«Царь! – ответствует мудрец, -
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».
Крайне царь был изумлен.
«Что ты? – старцу молвил он, -
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся.
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской.
Хоть полцарства моего».-
«Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу»,-
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить,
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. – Вся столица
Содрогнулась, а девица -
Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот-въезжает в город он…

Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И к царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился… и в то же время
С колесницы пал Дадон -
Охнул раз, – и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

Вопросы и задания

1. Вспомните характерные черты литературной сказки и покажите жанровые особенности «Сказки о золотом петушке».

2. Какую роль в этой сказке играет фантастика?

3. Почему, в отличие от «Легенды об арабском астрологе» В. Ирвинга, в сказке Пушкина звездочет дает Дадону только один волшебный предмет?

4. Почему петушок указывает на шамаханскую царицу как на врага царства Дадона?

5. Почему звездочет в сказке называется «мудрецом»? Авторская ли это оценка?

6. Какой намек содержится в сказке А. С. Пушкина?

7. Назовите основное отличие «Сказки о золотом петушке» от фольклорных сказок.

8. Попробуйте объяснить, почему в опере П. А. Римского-Корсакова ария царя Дадона воспроизводит мелодию песни «Чижик-пыжик, где ты был…».

notes

Примечания

1

Вспомним, что типизация предполагает изображение общего в единичном (частном). Когда писателя в первую очередь интересует общее – мы говорим о типе.

2

Мальстре́м – водоворот у северо-западного побережья Норвегии.

3

Ха́ртия – юридический документ в эпоху средневековья.

4

Ботфо́рты – высокие сапоги с широкими раструбами.

5

Брабáнтские манжéты – манжеты из кружев, изготовленных в Брабанте (Бельгия), славились тонкостью и изяществом работы.

6

Фелу́ка – небольшое морское парусное судно.

7

Фрега́т – большое военное парусное судно.

8

Паладин – в средневековье придворный, находящийся на службе сеньора или сеньоры.

9

Румб – направление движения судна.

10

Гонза́льво де Ко́рдова – испанский мореплаватель XV в.

11

Кук Джеймс – английский мореплаватель XVIII в., совершивший три кругосветных путешествия.

12

Лапер́уз Жан-Франсуа́ – французский мореплаватель XVIII в.

13

Ва́ско да Га́ма – португальский мореплаватель конца XV – начала XVI в., первым проложивший морской путь из Европы в Азию вокруг Африки.

14

Колу́мб Христофо́р – генуэзец по рождению, на службе испанской короне пересек Атлантический океан и достиг Америки.

15

Ганно́н Карфагеня́нин (по прозвищу Мореплаватель) – карфагенский мореход VII–VI вв. до н. э.

16

Князь Сенега́мбий – очевидно, Алевиз Кадамосто, венецианец на португальской службе, описавший Сенегамбию.

17

Синдба́д-Морехо́д – персонаж нескольких арабских сказок из сборника «Тысяча и одна ночь».

18

Ули́сс – Одиссей, царь Итаки, персонаж эпических поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея», долгое время странствовавший по морям перед возвращением на родину.

19

Дифира́мб – жанр античной лирики, содержавший торжественное прославление кого-либо.

20

Флибустье́ры – так в XVII в. называли морских разбойников.

21

Форт – военное укрепление для круговой обороны.

22

Сидр – яблочное вино.

23

Морска́я ги́дра – здесь: фантастическое морское чудовище.

24

Арбале́т – мощный лук, укрепленный на раме с прикладом.

25

Су – мелкая французская монета.

26

Лету́чий Голла́ндец – один из вечных литературных образов; по легенде, моряк, поклявшийся трижды за один сезон обогнуть южную оконечность Америки – мыс Горн, был наказан за вызов Богу: обречен на бессмертие и вечное плавание по морям; поскольку плавание его сопровождается бесконечными штормами, встреча с ним грозит мореходам гибелью.

27

Огни́ свя́того Э́льма – явление природного фосфоресцирования (свечения), считается признаком корабля Летучего Голландца.

28

Тро́пик Козеро́га – тропик Южного полушария; указание на мыс Горн, к которому постоянно стремится Летучий Голландец.

29

Лиценциа́т – преподаватель в средневековых университетах, имеющий право читать лекции, но еще не получивший докторской степени.

Кабальéро – в Испании: дворянин.

31

Саламáнка – один из древнейших университетов в Испании.

32

Вырядился Томас попугаем – солдаты в Испании носили платье ярких цветов; Томас решил в одеянии походить на военного.

33

«Гарсила́со без комментариев» – сборник произведений испанского лирического поэта Гарсила́со де ла Ве́га (1503–1536), творчество которого высоко ценил Сервантес.

34

Фальдрике́ра – кожаный карман для предметов, обычно подвешивался к поясу.

35

Там узнали они нежность Требиа́нского… – идет перечисление названий вин, пользовавшихся популярностью в Италии. Так, Романеско – простое красное вино, приготовлялось в провинции Романья.

36

Мадрига́ль, Кока́… – лучшие староиспанские вина, которыми решил похвастаться хозяин.

37

Пóртик – навес, поддерживаемый колоннами; открытая галерея, обычно примыкающая к зданию.

38

Кали́псо – в греческой мифологии: одна из нимф.

39

Vademecum – школьная тетрадь (лат.); на студенческом жаргоне: школяр, студент.

40

Толе́дский мембри́льо – разновидность айвы; из плодов этого растения в Толедо изготовлялась самая лучшая, как считалось в Испании, пастила.

41

«Filiae Hierusalem, plorate super vos et super filios vestros» – «Дочери иерусалимские, плачьте о себе и о детях ваших» (лат.). Евангелие от Луки.

42

Видрие́ра – оконная рама со стеклами (исп.); второе значение: недотрога.

43

А́мбра – вещество с приятным запахом, применяется в парфюмерии.

44

«Honora medicum… abhorrebit illam» – «Врача следует почитать поневоле, ибо его создал Всевышний. Всякое врачевание от Бога и от царя принесутся ему (врачу) дары. Наука окружит почетом главу его, и удостоится он хвалы от сильных. Всевышний из земли сотворил врачевание, и муж праведный не презрит их» (лат.). Экклезиаст.

Sumat diluculo – принимать утром (лат.).

46

Комиссáр – уполномоченный (лат.); должностное лицо в Испании того времени, обладающее особыми полномочиями.

Альгваси́л – полицейский офицер.

48

Pór istas barbas que tenho no rostro! – Клянусь бородой, которую я имею на лице! (порт.)

49

Olhay, homen, nâo digais tenho, sino tinho. – Увы, человече, тебе следовало бы сказать: «Не бородой, которую я имею, а бородой, которую я крашу» (порт.).

50

Дуэнья – хозяйка, госпожа.

51

Permafoy – честное слово (искаженное от французского выражения «par ma foi); подчеркивает претензии дуэний на близость ко двору.

52

Тока́ – головной убор.

53

Портше́з – легкое переносное кресло, в котором обычно сидят полулежа.

54

Toto coelo, tota via aberras – эта и другие фразы на греческом языке и латыни призваны подчеркнуть псевдоученость философа Панкраса; в основном бессмысленный набор слов.

55

Субста́нция – в философии: первооснова, сущность всех вещей и явлений.

56

Акциде́нция – в философии: случайное, преходящее, несущественное свойство предмета.

57

Апофе́гма – краткое, лаконичное, остроумное и поучительное изречение, афоризм (словосочетание «лаконическая апофегма» указывает на особый характер «учености» псевдофилософа).

58

Названия современных Панкрасу наук и лженаук.

59

Рогоно́сец – муж, которому изменила жена.

60

Ма́вры – так называли арабов-мусульман, населявших Пиренейский полуостров.

61

Грана́да – область на Пиренейском полуострове, населенная маврами.

Иеро́глифы – здесь: древнеегипетские письмена.

63

Магоме́т (пророк) – основатель магометанства (ислама).

64

Альга́мбра – дворец властителей Гранады, выполненный в мавританском стиле.

65

Каббалисти́ческие си́мволы – здесь: магические, волшебные знаки.

Алла́ акба́р! – Аллах велик!

Джи́нны – духи, демоны.

68

Халде́йские письмена́ – здесь: магические, волшебные письмена.

69

Оттома́нка – мягкий турецкий диван с подушками без спинки.

70

Вестго́ты – германское племя, захватившее в V в. большую часть Пиренейского полуострова, откуда потом было вытеснено маврами.

71

Кора́н – священная книга мусульман.

72

Ме́кка – город в Аравии, где находятся наиболее почитаемые мусульманские святыни.

73

Дервиш – мусульманский монах.

Адди́ты – потомки мифического царя Ада.

75

Эли́зий – в древнегреческой мифологии: обитель блаженных праведников в загробной жизни.

76

Флюи́ды – по представлениям мистиков: психологические токи, излучаемые человеком.

77

Цейдлиц – традиционное в русской литературе написание фамилии этого поэта; правильнее – Зайдлиц.

78

Егеря́, гренаде́ры – указываются представители разных видов наполеоновского войска.

79

Свята́я ле́на – название острова, на котором был заточен Наполеон Бонапарт после свержения с трона.

80

Флю́гер – приспособление, указывающее направление ветра.

81

Ди́ас Порфи́рио – установил диктаторский режим в Мексике в 1884 г., свергнут в ходе Мексиканской революции (1910–1917) в 1911 г.

82

Сколопе́ндра – животное из группы многоножек; достигает длины 5-15 см, ядовита, обитает в теплых странах.

83

Пео́н – в странах Латинской и Центральной Америки: крестьянин, работающий на помещика-нанимателя.

Гасие́нда – имение.

85

Гри́нго – иностранец; в странах Латинской и Центральной Америки: презрительная кличка англичан или американцев (белых граждан США).

86

Букме́кер – лицо, собирающее и записывающее денежные заклады (ставки) от публики (обычно на конских состязаниях при устройстве пари).

87

Патио́ – в странах Латинской Америки: открытый внутренний дворик.

Мучáчо – ребенок.

89

Койо́т – луговой волк (семейство псовых); обитает на открытых пространствах Северной Америки.

90

Хому́т – часть упряжи; надеваемая на шею лошади деревянная рама, обитая войлоком.

91

Убо́жество – здесь: бедность.

При́став – полицейский чин.

93

Зы́бка – люлька.

Соло́вая – желтовато-серая (конская масть).

Экипа́ж – здесь: снаряжение, ноша стрельцов.

Сычу́г – желудок жвачных животных.

Челоби́тная – жалоба.

Копе́йчатые – нанесенные ударом копья.

Шлях – широкая торная дорога.

100

Пода́гра – болезнь, вызываемая отложением солей в суставах и сухожилиях, что вызывает периодическое появление болей (приступ подагры).

101

Рукоме́сло – ремесло.

102

Тын – частокол, забор.

103

Клеть – неотапливаемая часть избы.

Па́перть – крыльцо перед входом в церковь.

105

Трут… огни́во – старинные средства добывания огня.

Спи́цы – спички.

107

Отходи́ть – здесь: вылечиться.

108

Чо́боты – вид обуви.

109

Онучи – куски ткани, наворачиваемые на ноги при ношении лаптей или сапог.

110

Бивуа́к – войсковой привал под открытым небом для отдыха или ночлега.

111

Ки́вер – головной убор гусара, высокий с плоским верхом и султаном.

112

Ме́нтик – гусарская куртка, опушенная мехом; надевалась внакидку на левое плечо.

113

Эпиграф взят из стихотворения героя Отечественной войны 1812 г. поэта-партизана Дениса Давыдова «Песня старого гусара».

114

Фураж́иры – солдаты, занимающиеся сбором, подвозом и раздачей пищи для армии и корма для лошадей. Фуражировать – добывать пищу.

115

Аванпо́ст – передовая линия обороны.

116

Кирасиры – тяжелая конница.

117

Ва́хмистр – унтер-офицерский чин русской армии.

118

Глинтве́йн – подогретое вино с пряностями.

119

Ро́тмистр – офицерский чин в русской кавалерии.

120

Анекдо́т – здесь: занимательный случай.

121

Бу́рка – теплый войлочный плащ.

122

Шо́мпол – стержень для забивки снаряда в оружие.

123

Пала́ш – вид холодного оружия, облегченный меч.

124

Кто идет? (франц.)

125

Русский парламентер! (франц.)

126

Остановитесь! (франц.)

127

Господа! (франц.)

128

«Гео́ргий» – Георгиевский крест, самый почетный военный орден.

129

Про́бочные дуэ́ли – шутливые, неопасные поединки.

130

Игóти – ступка.

Антóнов огонь – лихорадка.

В то́не – здесь: пользуется успехом.

133

Веде́ты – передовые посты.

Мундшту́чь – надевай поводья лошади.

135

Фла́нкер – солдат, отправленный в боковой дозор.

Дри́бушки – мелкозаплетенные косы.

Скиндячки́ – ленты, повязываемые наголову.

138

Ля́хи – поляки.

139

За го́нор – здесь: за свою честь.

140

Са́га – залив реки.

141

Уго́дники пече́рские – причисленные к лику святых монахи Киево-Печерской лавры.

142

Нетопы́рь – летучая мышь.

143

Девятисме́рт – небольшая птица; по народному поверью, она убивает подряд девять насекомых, но съедает только последнее.

Зелёная неделя – Троицына неделя.

145

Име́ние – поместье, земельное владение с помещичьим хозяйством.

146

Отъéзжее поле – дальнее поле для охоты.

147

«Сена́тские ве́домости» – название газеты.

148

Англи́йский сад – различаются геометрически правильный французский сад и, подобный естественному лесу, английский сад.

149

«Но на чужой манер хлеб русский не родится» – цитата из сатирического произведения русского поэта и драматурга, старшего современника А. С. Пушкина, А. А. Шаховского.

150

Опеку́нский сове́т – учреждение в России, ведавшее делами попеченья о вдовах, сиротах и дававшее деньги в кредит под залог имения.

151

Зои́л – злой, завистливый критик. Произошло от имени человека, осуждавшего древнегреческого поэта Гомера.

152

Жан-Поль – псевдоним немецкого философа конца XVIII – начала XIX в. Рихтера И. -П.

153

Наше замечание остается в силе (лат.).

154

«Паме́ла» – роман английского писателя Ричардсона о добродетельной служанке.

155

Напе́рсница – любимица, пользующаяся особым доверием.

156

«Спокойно, Сбогар, сюда…» (фр.). Сбогар – имя главного героя повести Ш. Нодье «Жан Сбогар».

157

Свята́я Пя́тница (Параске́ва-Пятница) – имя христианской святой, почитаемой крестьянами, ей молились о счастье и благополучии в жизни, а также об удаче.

158

Тарти́нка – маленький бутерброд.

159

Чекме́нь – верхняя мужская одежда.

160

Моя дорогая (англ.).

161

Кникс – от кни́ксен – почтительное приседание перед старшим.

Втýне – напрасно, бесплодно.

163

Людовик XIV – король Франции (1643–1715).

По-дурацки (фр.).

165

Фи́жмы – в XVIII – начале XIX в. юбка с каркасом в виде обруча.

Мада́м де Помпаду́р (фр.).

167

Ланка́стерская систе́ма – система обучения грамоте в кратчайшие сроки; названа по имени автора – Ланкастера.

168

«Ната́лья, боя́рская дочь» – произведение Н. М. Карамзина.

169

Афоризм – краткое выразительное изречение.

170

Тара́с Скоти́нин – персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

171

«Но оставьте меня, сударь; но вы с ума сошли?» (фр.).